ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1807.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1807.

№ 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго.

(Такъ называется сочиненіе, сокращенно здѣсь помѣщаемое. Господинъ Авторъ писалъ оное въ чужихъ краяхъ, и писалъ на Французскомъ языкѣ, желая удовлетворить нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыя часто спрашивали его о нашемъ Отечествѣ. Въ предисловіи сказано, что Г. Авторъ хотѣлъ или совсѣмъ не издавать въ свѣтъ *Мыслей о Россіи*, или издать ихъ не скоро; стеченіе обстоятельствъ и посредничество дружбы уничтожили его намѣреніе.)

Homo sine propositu non est homo.

Мы многому учимся въ молодости; но отъ разныхъ обязанностей и заботъ въ жизни

иногда забываемъ выученное: такъ и я забылъ языкъ Латинской. Однакожь и теперь вспоминаю слова: *Homo ſine propoſitu non eſt homo*, — что и въ самомъ дѣлѣ правда! Каждой человѣкъ долженъ нѣкоторымъ образомъ предвидѣть, что онъ сдѣлаетъ въ такомъ или другомъ случаѣ; этому навыкалъ я съ нѣжнѣйшихъ лѣтъ своихъ. Въ молодости старался я предохранять себя отъ скуки въ уединенїи. Наставникъ мой, нынѣшнїй (*) Архїепископъ Рижскїй и Псковскїй, мужъ почтенный своею добродѣтелїю, а характеромъ и поведенїемъ совершенно соотвѣтствующїй имени своему (*Иннокентїй*), поселилъ во мнѣ охоту къ словесности. Часто удалялся я обществъ, чтобы заниматься чтенїемъ. Будучи отъ природы склоненъ къ задумчивости, имѣя живое и пылкое воображенїе, я любилъ поэзїю, и никогда не скучалъ съ книгою или съ перомъ въ рукѣ. Что дѣлалъ я тогда по склонности, или по самолюбїю, то стало теперь для меня необходимостїю. Прожитыя лѣта, перенесенные труды, горести — тяжкїя для слабаго моего сложенїя, а особливо для чувствительнаго сердца — горести, не такїя, какїя обыкновенно люди почитаютъ несчастїемъ, случающїяся не со всякимъ, но къ которымъ

(*) Это писано передъ симъ лѣтъ за пятьнадцать.

всякой долженъ себя приготовить — все сїе крайне разстроило мое здоровье. Теперь я сталъ дряхлъ, и принужденъ сидѣть въ своей комнатѣ. Будучи удаленъ отъ милаго Отечества, отъ друзей, отъ сладкихъ родственныхъ обязанностей, озабоченъ безпрестаннымъ попеченїемъ о своемъ здоровьѣ, которое не поправляется, принужденъ часто быть одинъ, не имѣя возможности наслаждаться прїятностями и забавами общества — и тогда, какъ чтенїе весьма вредно для слабыхъ глазъ моихъ, — обыкновенно принимаюсь за перо, чтобы наполнить чѣмъ-нибудь сїю пустоту моего существованїя. Не давая воли пылкому воображенїю, обращаюсь къ другой способности души своей, способности постояннѣйшей, надежнѣйшей, а именно къ — памяти.

Для того хочу здѣсь замѣтить, что могу еще припомнить о дражайшемъ Отечествѣ: симъ отраднымъ предметомъ люблю болѣе всего занимать свою душу.

Не имѣя ни одной книги, ни одной бумаги, относящейся къ Исторїи моего Отечества, какъ могу отъ одной памяти ожидать чего-нибудь важнаго? Конечно, я не въ силахъ сдѣлать то, чего усердно желаю; по крайней мѣрѣ обѣщаюсь читателю быть справедливымъ въ словахъ моихъ: онъ между общими истинами найдетъ то, чего

не сказалъ ни одинъ иностранной писатель, повѣствуя о Россіи.

Пишу болѣе для собственнаго занятія, а не для того, чтобы занять другихъ, и потому читатели извинятъ меня, если не во всемъ удовлетворится любопытство ихъ. Они также простятъ мнѣ, если не представлю имъ всѣхъ произшествій и обстоятельствъ, бывшихъ виною достопамятнѣйшей эпохи въ Русской Исторіи (*).

(*) До Петра I, а особливо при жизни родителя его, Россійскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ, и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія Русскихъ состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла. Незнакомы были имъ изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія. Никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали. Промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и Русскіе не желали наслажденій искуственныхъ и удовольствій иноземныхъ. — Русской народъ имѣлъ собственной свой характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка; но характеръ прямой и честной, умѣвшій чувствовать свое достоинство.

Многія Княжества и четыре Царства (*) соединившись составили Россійскую Имперію. Престолъ ея по натурѣ своей учинился

(*) Царство Московское, Казанское, Астраханское и Сибирское.

Петръ I, пробудивши воображеніе Русскихъ, породилъ въ нихъ желаніе нуждъ искуственныхъ, и далъ имъ видъ подражателей. Можетъ быть, утверждаясь на сей мысли, сказалъ Жанъ-Жакъ Руссо: „*Les Russes ne seront jamais rien, puisque Pierre I, au lieu d' en faire des Russes, a commencé à les former d'après les Hollandois, les Allemands etc. etc.* (Русскіе никогда ничѣмъ не будутъ, потому что Петръ I, вмѣсто того чтобъ сдѣлать ихъ Русскими, началъ просвѣщать ихъ, снимая образецъ съ Голландцовъ, Нѣмцовъ и пр. и пр.) Ж. Ж. Руссо правъ, можетъ быть, если онъ только предполагалъ, что послѣдователи его всѣ будутъ подражатели: тогда мы стали бы обезьянами; мода сдѣлалась бы нашимъ главнымъ кумиромъ, хотя Геній Петра I былъ склоненъ къ творческому, а не слѣпому подражанію. Знаніе надлежащихъ предѣловъ, за которые не должно простираться поступкамъ и намѣреніямъ человѣка, будетъ всегда непроницаемою тайною для толпы людей обыкновенныхъ, и всѣ тѣ, кото-

Императорскимъ. Петръ Великій былъ первый Императоръ. Тѣ, которые не хотѣли ему уступить сей титулъ, явились незнающими свойства вещей: ибо какой Государь

рые составляютъ массу народа, вѣчно останутся въ классѣ черни; но Екатерина II, вступивъ на престолъ, опровергла умствованіе Ж. Ж. Руссо. Она въ душѣ своей сказала: *Я Русская; постараемся узнать, что были Русскіе, и увидимъ, чѣмъ могутъ они быть по собственной натурѣ ихъ.* Слѣдуя чувству, достойному великой души своей, она упомянула въ Наказѣ собраннымъ Чинамъ то древнее условіе, какое предки наши употребляли при своихъ обѣщаніяхъ: *А кто не устоитъ въ словѣ, тому будетъ стыдно.* Сія Государыня знала, что всякое существо физическое и политическое и цѣнно и долговѣчно по одной собственной своей натурѣ; что отношенія случайныя, нуждыя сей натурѣ, иногда ослѣпляютъ простой народъ, но никогда сущности общества не составляютъ; напротивъ онѣ непримѣтно разстроиваютъ сію натуру, и мало по малу вовсе разрушаютъ ее. Собственными только силами растутъ всѣ существа, и Екатерина II, обратившая націю свою къ свойственному ей бытію и природнымъ ея силамъ, посред-

въ Европѣ, болѣе Самодержцевъ Россійскихъ, по натурѣ владѣній своихъ и по образу правленія имѣетъ болѣе права на сей титулъ, особливо со временъ Петра Великаго?

Я говорю особливо со временъ Петра Великаго, не потому что онъ расширилъ области своего Государства: ибо онъ присовокупилъ только то, что возвратилъ отъ Шведовъ; не потому что основалъ Петербургъ, или, какъ Французы говорятъ, сотворилъ свою націю; не потому, что во многомъ началъ подражать иностранцамъ, и далъ болѣе движенія и дѣятельности народу своему; не потому что отрѣзалъ у Дворянъ бороды, и ихъ покойное и болѣе климату приличное платье замѣнилъ нынѣшнимъ: но потому что перемѣнилъ образъ правленія.

ствомъ разныхъ установленій и перемѣнъ въ обширной своей Имперіи, кажется, возвѣстила чрезъ то подданнымъ: *тщитесь, прилѣжите, усмотрите, чѣмъ вы быть можете; будьте таковы, и приобрѣтете свойственныя вамъ добродѣтели.* Изъ ея-то славнаго и спасительнаго для Россіи царствованія память моя можетъ почерпнуть болѣе подробностей, нежели изъ царствованій ея предшественниковъ, со времени Царя Алексія Михайловича.

До Петра I, Цари управляли Россїею, совокупно съ Совѣтомъ, составленнымъ изъ Патрїарха и Бояръ. Узаконенїя начинались словами: *Государь указалъ и Бояре пригоеорили.* Совѣтъ, составленный изъ Бояръ, Вельможъ сильныхъ и богатыхъ, и потому твердыхъ, предпрїимчивыхъ — имѣлъ много важности въ народѣ; Патрїархъ, какъ глава Духовенства, также имѣлъ власть великую, а иногда и опасную. Такое собранїе противоборствовало волѣ Царской. Петръ Первый, уничтоживъ какъ Патрїаршество, такъ и Совѣтъ Бояръ, замѣнилъ то и другое двумя вышними Судилищами, извѣстными подъ названїемъ Сѵнода и Сената. Онъ предоставилъ самому себѣ право избирать Членовъ въ тѣ Судилища, и такимъ образомъ сдѣлался болѣе Самодержавнымъ, нежели его предшественники, при томъ же пространствѣ земли и числѣ жителей.

Петръ Великїй, бывъ удостовѣренъ въ силахъ своихъ, принялъ титулъ Императора; способы къ сему были предуготовлены мудрымъ и радѣтельнымъ правленїемъ родителя его Царя Алексїя Михайловича.

Таково свойство ума человѣческаго, а особливо воображенїя, что быстрое движенїе и смѣлые порывы болѣе поражаютъ его,

оставляютъ по себѣ сильнѣйшія впечатлѣнія на нѣкоторое время, нежели ходъ спокойный и ровный. Иностранцы, столь часто повторяющіе имя Петра Великаго, едва ли знаютъ, что Царь Алексій Михайловичь былъ его родитель. Писатели Французскіе все увеличиваютъ, и не рѣдко говорятъ о томъ, что имъ вовсе неизвѣстно; они назвали Петра Великаго первымъ творцомъ Россіи, а между тѣмъ забыли древнюю пословицу: ex nihilo nihil (изъ ничего выходитъ ничто), и что одинъ только Всевышній и Всемогущій Творецъ могъ все произвести единымъ словомъ. Если послѣдовать чужимъ Историкамъ, то надобно вѣрить, что Россія существуетъ только со временъ Петра Великаго, и что онъ сотворилъ и страну и народъ свой. Конечно, царствованіе Петра знаменито въ лѣтописяхъ Россіи; но не можетъ почесться эпохою рожденія сего Государства.

Чтобы судить, каковы были Русскіе до временъ Петра I, довольно вспомнить одно произшествіе, которому едва ли есть подобное въ Исторіи другихъ земель Европы. Когда Шведы терзали области Новогородскія, а Поляки свирѣпствовали въ самомъ средоточіи Государства; тогда предки наши, сравнивъ силы своего Отечества съ духомъ, силою и корыстолюбіемъ вождей и войскъ не-

пріятельскихъ, рѣшились и успѣли свергнуть съ себя чуждое иго; сами собою восстали отъ бѣдственнаго паденія, и утвердили незыблемо тѣло Имперіи. — Царь Алексій Михайловичь былъ Государь мудрый, кроткій, благочестивый и бодрый въ трудахъ своихъ. Онъ первый въ Россіи созвалъ Государственныхъ Чиновъ; для сочиненія законовъ употребилъ все тщаніе и благоразуміе, для такого важнаго дѣла необходимыя. Его Уложеніе написано кратко, просто, и также ясно для насъ, какъ и для нашихъ предковъ. Сіи три превосходныя качества Уложенія доказываютъ намъ единство обычаевъ, сходство въ образѣ мыслей, простоту тогдашнихъ нравовъ, и — можно прибавить — *доброту* всего общественнаго состава. У насъ осталась еще отъ его времени книга *О военномъ искуствѣ* съ чертежами (*).

(*) Мы имѣемъ еще *Уставъ о Полиціи*, касающійся до города Москвы, наполненный самыми мѣлкими подробностями; а сіе доказываетъ, что Царь, занимаясь согласіемъ цѣлаго, зналъ, сколь необходимы и подробности. На примѣръ, въ немъ предписано, что *крестьяне, пріѣзжающіе въ Москву, должны ѣдучи городомъ вести въ рукѣ лошадей своихъ, а весь обозъ долженъ ѣхать возъ за возомъ.* Подобныя мѣлочи достойны ли занимать великаго чело-

Сей достославный Монархъ, послѣ многихъ мятежей, раздоровъ и несчастій, терзавшихъ Россію до его царствованія, умѣлъ

вѣка? — скажутъ нынѣшніе Философы. — Очень достойны; я покажу здѣсь, отъ какихъ хлопотъ и замѣшательства мѣлочь сія избавляла Московскихъ жителей. Москва есть обширнѣйшій городъ въ Европѣ. Улицы ея, превосходящія шириною улицы всѣхъ вообще Италіанскихъ городовъ, уступаютъ только Петербургскимъ, и Лондонскимъ въ новомъ городѣ. Четырнадцать большихъ дорогъ стекаются чрезъ различныя заставы, не считая другихъ дорогъ, съ большими соединяющихся близь города. Москва во всѣ времена была средоточіемъ царства. Дворянинъ, свободный отъ должности, пріѣзжаетъ туда на зиму со всѣмъ домомъ и людьми, которыхъ число покажется иностранцу невѣроятнымъ. Русскіе любятъ гостепріимство. Дворянинъ принимаетъ гостей, пріѣхавшихъ безъ приглашенія къ обѣду или къ ужину. Всякой зажиточный помѣщикъ можетъ дать столъ, не высылая дворецкаго ни на шагъ изъ дому. Такое гостепріимство и образъ жизни требуютъ, чтобы въ домѣ былъ запасъ всякаго роду. Запасы для помѣщиковъ и для рынковъ привозятся въ Москву по

утишить страсти, соединить умы, и возвратить ихъ къ чувствованію и цѣли счастія и любви ко благу общему.

Слѣпое повиновеніе законамъ, отличнѣйшее уваженіе религіи, одинакія правила, одинакія чувства, одинакія привычки, крайне облегчали Царя Алексія Михайловича въ мудрыхъ и полезныхъ его предпріятіяхъ, которыя совершалъ онъ безъ шуму и тщеславія. Между тѣмъ какъ изъ государствъ, называющихся просвѣщенными, изгоняли под-

---

большей части зимою; съ начала зимы до конца, всѣ большія и малыя дороги покрыты безчисленнымъ множествомъ возовъ; они день и ночь безпрестанно идутъ въ Москву. Извѣстно, что ворота, которыя тогда стояли на концахъ улицъ, нигдѣ не бываютъ такъ широки, какъ самыя улицы; и такъ можно видѣть, отъ какой тѣсноты, замѣшательства и дурныхъ случаевъ сія малость Царскаго Устава предохраняла Московскихъ обывателей. Я желалъ бы имѣть теперь при себѣ сей Уставъ, чтобы показать посредствомъ его одного, сколько Государь старался воспрепятствовать, чтобы борьба различныхъ интересовъ не произвела опасныхъ слѣдствій, и съ какою мудростію Онъ умѣлъ сіе удалять своими узаконеніями.

Авт.

данныхъ за разность исповѣданій, онъ въ самой столицѣ давалъ прибѣжище симъ несчастнымъ. Предмѣстіе Москвы, называемое *Нѣмецкая Слобода*, будетъ свидѣтельствовать о сей истинѣ, пока Москва существовать не перестанетъ.

Сей Государь изслѣдовалъ и зналъ духъ народа гораздо лучше, нежели кто-либо изъ предшественниковъ; поправлялъ его, поддерживалъ и поощрялъ своими добродѣтелями. Этого не знаютъ иностранцы; но сіе не можетъ скрыться отъ отечественнаго наблюдателя, и находится въ лѣтописяхъ Русскихъ. За недостаткомъ бумагъ, касающихся до сей матеріи, я коротко скажу здѣсь то, что можетъ доставить мнѣ память.

Покои Царскіе въ Кремлевскомъ Дворцѣ обращены были на большую площадь, называемую *Красною*, и до сихъ поръ извѣстную подъ симъ именемъ. Если площадь сія и въ наше время кажется прекрасною, то еще болѣе такою была во времена Царя Алексія Михайловича. Огромные Соборы украшаютъ ея великое пространство; прибавимъ къ сему зданія, ее окружавшія, которыя уже давно сломаны. Въ однихъ жили Монархъ и Вельможи, другія заняты были Судилищами. Пусть судятъ теперь о *кра-*

сотѣ площади и о томъ благоговѣнїи, съ какимъ приближались къ ней. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что человѣкъ доброй находился тамъ подъ милостивымъ покровомъ всѣхъ властей, а злой подъ строгимъ окомъ и преслѣдованїемъ. Величественная по своей натурѣ площадь сїя казалась еще величественнѣе отъ множества народа, ежедневно туда стекавшагося, и сїе обстоятельство дѣлало ее не только прекрасною, но и полезною. Она была родъ биржи, куда всякой житель Москвы, отъ перваго Боярина до послѣдняго мѣщанина, почиталъ долгомъ приходить въ извѣстной часъ утра, обычаемъ назначенной до обѣденнаго времени, — приходить не такъ какъ на купеческую биржу Амстердамскую или Лондонскую, единственно для дѣлъ торговыхъ, но чтобы увидѣться съ друзьями и знакомыми, и поговорить о дѣлахъ всякаго рода.

На сей-то *Красной* площади Русскїе учились быть добродѣтельными; на сей-то *Красной* площади давались и принимались спасительные совѣты; отсюда каждой возвращался домой богатѣе познанїями и добродѣтелями. Тамъ старики учили молодыхъ должностямъ ихъ и обязанностямъ; тамъ простой мѣщанинъ дѣлалъ упреки молодому сыну богатаго барина за то, что онъ рѣдко посѣщалъ сїе священное собранїе.

„ Зачѣмъ ты — говорилъ доброй человѣкъ — сынъ большаго барина, такого хорошаго отца, зачѣмъ ты, пользуясь случаемъ его болѣзни, дѣлаешь то, чего бы не смѣлъ сдѣлать, еслибъ онъ не слегъ въ постелю? Онъ думаетъ, что ты здѣсь всякой день, а ты очень рѣдко сюда ходишь; зачѣмъ не хочешь слушать нашихъ стариковъ? Когда ты не поправишься, молодой человѣкъ, то я пожалуюсь твоему отцу" — и молодой человѣкъ исправлялся: такъ чтимы были добродѣтель и истина въ устахъ послѣдняго гражданина.

На сей площади незнакомое лицо было тотчасъ замѣчено; старикъ подзывалъ и спрашивалъ: „ Кто ты таковъ, молодой человѣкъ?" — Я N.N. — „ А отецъ твой?" — Его зовутъ N.N. — „ А твой дѣдушка?" — Его зовутъ N.N. — „ Я не зналъ твоего отца, а зналъ дѣда; мы съ нимъ вмѣстѣ служили; что ты дѣлаешь? чѣмъ занимаешься? и пр. — Молодой человѣкъ не смѣлъ не подойти къ незнакомому старику, которой звалъ его; онъ долженъ былъ отвѣчать искренно на всѣ вопросы. За ложь тогда строго наказывали: ибо Русскіе почитали ее виною многихъ преступленій (*).

(*) Мнѣ въ молодости безпрестанно повторяли: *И въ шуткахъ не лги. Авт.*

Старикъ представлялъ молодаго человѣка всѣмъ знакомымъ своимъ, и на прощаньи говорилъ ему: „Приходи ко мнѣ обѣдать и ужинать, какъ можно чаще; когда тебѣ что понадобится, то мнѣ скажи.“

Тамъ пылкая юность училась воздерживать себя, молчать и терпѣливо слушать старшихъ; тамъ всякой человѣкъ среди многочисленнаго собранія особъ почтенныхъ, въ виду Царскихъ чертоговъ, Судилищъ, Божіихъ Храмовъ, всякой человѣкъ, говорю, почиталъ себя подверженнымъ суду всего народа, и провидящему оку всѣхъ властей земли и неба. Тамъ учились почитать начальниковъ, и воздавать *Божія Богови и Кесарева Кесареви.* Тамъ старики изъясняли несвѣдущимъ права ихъ обязанностей. Если училище Платоново, въ Академіи бывшее, внушаетъ мнѣ уваженіе къ сему Философу; то что должно чувствовать при воспоминаніи училища *Красной* площади Московской! — Правда, тамъ не преподавали Метафизики; мудрые принаравливались къ образу мыслей народа; они просто изъясняли должности ежедневныя, средства помогать взаимно и необходимость любить другъ друга. — Пусть господа теперешніе законодатели Парижскіе сравнятъ школу Московской *Красной* площади съ новѣйшими своими обществами, съ своими *клубами*: доброй человѣкъ почув-

ствуетъ разность между ними, и его мнѣнїе, думаю, не будетъ выгодно для послѣднихъ.

Царь Алексїй Михайловичь уважалъ и покровительствовалъ собранїе *Красной* Московской площади. Онъ умѣлъ направлять умы къ полезной цѣли лучше своихъ предшественниковъ. Часто являлся онъ у окна; всѣ знали, что Царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося; всякой день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ. Добродѣтельный Государь ободрялъ добрыхъ, и возвращалъ заблуждшихъ къ духу общественному, котораго зналъ цѣну и важность. При семъ Государѣ въ заключаемыхъ договорахъ писали: *Кто не устоитъ въ словѣ, тому будетъ стыдно.* Несдержавшїй слова, не смѣлъ показаться на *Красной* площади, и старался прежде всего загладить проступокъ свой: столько духъ общественной имѣлъ влїянїя на поведенїе каждаго (*)!

(*) Сїя простота нашихъ предковъ, стыдиться несдержанїя слова, не въ модѣ уже въ просвѣщенныхъ странахъ нынѣшняго ученаго вѣка. Русскїе, *не будучи еще столько просвѣщенны*, какъ иностранцы, держатся старины, кромѣ нѣкоторыхъ учившихся новѣйшей мудрости у Французовъ,

Столько-то всеобщее уваженіе, основанное на чувствахъ чести, а не на корыстныхъ

которые избавили ихъ отъ стыдливости: но прямые Русскіе, внутри Государства воспитанные, стыдятся еще не сдержать своего слова, и не заплатить долговъ, какіе бы они ни были. Я помню, что въ молодости моей *азартныя* игры не были еще запрещены, да и не было тогда причины запрещать ихъ, потому что ихъ во зло не употребляли. Игру почитали забавою, а не промысломъ. Спектакли въ Россіи были только при Дворѣ; всякой шелъ въ театръ *даромъ*. Дворъ за все платилъ, и себѣ предоставлялъ право назначать мѣста по различію чиновъ и состояній; но какъ Дворъ рѣдко бывалъ въ Москвѣ, то жители сего великаго города умѣли проводить пріятно время между собою. Въ домахъ были собранія и вечеринки, а особливо зимою. Я самъ помню, что былъ званъ на десять баловъ въ одинъ день. Молодые люди забавлялись танцами; разговоры и игра занимали другихъ. Всякой день безъ приглашенія можно было ѣхать въ собраніе; надлежало только или быть знакомымъ дому, или введеннымъ черезъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Золото было рѣдко въ тогдашнее время; серебро, а особливо

расчетахъ самолюбія, было важно и драгоцѣнно для каждаго.

Сей же самый Царь, мудрый и добродѣтельный, во всѣхъ идеяхъ узаконеній своихъ совѣтовался чрезъ мудрыхъ своихъ Бояръ на *Красной* Московской площади съ духомъ народа. Если случалось что или по нѣкоторымъ предразсудкамъ, или по невѣжеству, народъ не расположенъ былъ принять какое-нибудь полезное узаконеніе; то

мѣдь въ общемъ употребленіи; ассигнаціи еще не существовали. Въ гости пріѣзжали играть безъ денегъ; хозяинъ приказывалъ слугѣ раздавать деньги тѣмъ, кто играть пожелаетъ. Гости во весь вечеръ играли на деньги господина дому; на другой день рано поутру всякой присылалъ съ своимъ человѣкомъ то, что взялъ и проигралъ. Молодые люди, а особливо дѣти, не подходили къ столамъ, за которыми играли. Пусть теперь въ *просвѣщенныхъ* городахъ — въ Парижѣ, въ Лондонѣ — кто-нибудь позволитъ въ домѣ своемъ всякому приходящему играть на хозяйскія деньги! тотчасъ откроется разность между нравами *просвѣщенныхъ* людей нынѣшняго времени и нравами тогдашнихъ Россіянъ, которыхъ сіи господа умники называютъ варварами!

Царь препоручалъ мудрымъ Боярамъ истолковать на *Красной* площади причины, свойство и спасительныя слѣдствія предположеннаго узаконенія.

Не странно ли, что царствованіе сего Великаго и мудраго Монарха не многимъ у насъ извѣстно, между тѣмъ какъ всѣ учащіеся вытверживаютъ наизусть сказанія о трудахъ Геркулесовыхъ, описанія о путешествіяхъ Героевъ въ страны подземные! Многіе не заботятся объ Исторіи своего Отечества; разоряются для того чтобы посмотрѣть мѣста, прославленныя баснословіемъ Древнихъ; обозрѣвъ поля Елисейскія, царство Плутоново, гротъ Сивиллы и пр. и пр. — они почитаютъ себя умнѣе, нежели какими были прежде.

Иностранцы, изумленные великими подвигами Петра Перваго, думали, что нашли Героя, достойнаго пера ихъ, и сдѣлались поэтами, писавъ Исторію Россіи. Они не хотѣли знать, что дѣлалось до Петра Великаго, и въ невѣжествѣ своемъ возвѣстили, что Русскіе были варвары, что самъ Петръ не получилъ никакого воспитанія; переписчики ихъ кричатъ за ними, что *Петръ Великій сотворилъ народъ и страну свою, и такъ сказать, сотворилъ самаго себя*, — какъ будто бы для славы Великаго

Монарха нужны нелѣпыя выдумки, и невѣжество непростительное въ историкахъ! Изъ того, что сказано мною выше, можно видѣть, были ли Русскіе такими варварами, какими называютъ ихъ философы, послѣдующіе историкамъ-стихотворцамъ. Воспитаніе Петра Великаго предуготовило его ко всему, что онъ сдѣлать могъ, и было, кажется, самое лучшее, приличнѣйшее по тогдашнему времени.

Человѣкъ, не ослѣпляющійся воображеніемъ поэтовъ, привыкшій размышлять, и проникать до первоначальныхъ причинъ, повѣритъ ли, будто до Петра Перваго были мы такіе варвары, какъ сіи господа хотятъ себя увѣрить, и будто Петръ Великій самъ себѣ далъ воспитаніе въ земляхъ иностранныхъ? повѣритъ ли, будто на верфтяхъ Амстердамскихъ Петръ узналъ свойство, силы и пособія обширной своей Имперіи? Проѣзжая ли Францію изслѣдовалъ онъ нравы, духъ и умъ своего народа? Академія ли Парижская, — которой представилъ онъ карту страны своей, начертанную имъ самимъ — открыла ему пространство его владѣній, ихъ границы и свойство его сосѣдей? она ли научила его знать цѣну ремеслъ, произведеній рукъ человѣческихъ, и силу ихъ совокупнаго дѣйствія? Не Регентъ ли Герцогъ Орлеанскій, или малолѣтный Король

Французскій, вдохнули въ него ту пламенную дѣятельность, то мужество, ту твердость, ту любовь къ Отечеству, то уваженіе къ истинѣ, которыя обнаруживались въ немъ даже въ минуты страшной запальчивости?

По мнѣнію иностранныхъ историковъ-поэтовъ, Петръ Великій пріѣзжаетъ въ Голландію варваромъ; тамъ, по вдохновенію свыше, ищетъ просвѣщенія на верфтяхъ Амстердамскихъ; Голландцы согласились за деньги преподать ему *азбуку* всѣхъ его должностей; но какъ начальныя правила показались ему недостаточными: то онъ отправился въ Англію, чтобы тамъ научиться *складамъ* и словамъ; въ Парижѣ истолковали ему *сочиненіе фразъ*, и довершили наставленіе во всемъ, что должно было ему сдѣлать. Тогда-то уже Петръ I возвращается въ свою землю, довольный толь богатымъ приобрѣтеніемъ! Но какъ онъ все еще оставался варваромъ, то и не понималъ, какъ приняться за дѣло; по счастію Провидѣніе послало ему извѣстнаго Ле-Форта (котораго иностранные историки изображаютъ главною пружиною всѣхъ дѣяній Петра Великаго), и проч. и проч.

Такова поэзія почти у всѣхъ иностранныхъ историковъ! Умники по модѣ или по

случаю вѣрятъ ей; но люди здравомыслящіе знаютъ . . . . . .

Царь Ѳеодоръ Алексіевичь, достойный сынъ своего родителя, наслѣдовалъ престолъ и добродѣтели Царя Алексія Михайловича, тоже благочестіе, тѣже чувства, тѣже правила, тоже вниманіе къ единообразности обычаевъ, тоже раченіе образовать, поощрять, исправлять, совершенствовать духъ народа, и возвышать моральную натуру подданныхъ чрезъ добросовѣстное поведеніе вельможь и свое собственное.

Царствованіе его было къ несчастію столь кратковременно, что не можетъ занимать великаго пространства въ Исторіи. Государи добродѣтельные и мудрые, Государи, которые съ кроткимъ благоразуміемъ управляютъ ходомъ великихъ и маловажныхъ случаевъ, нечувствительно предуготовляютъ событіе произшествій, доставляющихъ намъ наслажденія тихія, но продолжительныя, — такіе Государи менѣе дѣлаютъ впечатлѣнія на историковъ, нежели грозные исполины судорожными движеніями вводимыхъ новостей, — исполины, двигающіе вдругъ цѣлыми массами.

Во время новѣйшей Философіи, которая хочетъ увѣрить насъ, что Парижская чернь

лучше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ обязанности всякаго состоянія, — когда Французскіе сорванцы и послѣдніе изъ писцовъ ихъ выдаютъ себя законодателями и первыми мудрецами въ свѣтѣ, когда — по несчастію, лучшіе наши Дворяне заражены слѣпою страстію къ симъ Французамъ, изъ которыхъ всякой выходецъ становится у насъ воспитателемъ и учителемъ — въ наше время, говорю, Конфуцій показался бы смѣшонъ съ правилами своими о дѣтской любви, объ уваженіи обычаевъ и нравовъ отечественныхъ; однакоже онъ одинъ, можетъ быть, въ состояніи оцѣнить качество Царя Ѳеодора Алексіевича. Я упомяну здѣсь только то, какъ заботился онъ о младенчествѣ Петра Перваго.

Когда пришло время учить малолѣтнаго Петра, Царь Ѳеодоръ Алексіевичь приказываетъ Совѣту выбрать изъ Россіянъ достойнаго наставника своему брату. Царской Совѣтъ, по строгомъ испытаніи въ правилахъ религіи, во нравахъ и въ познаніяхъ, относящихся къ воспитанію Царевича, избираетъ господина *Зотова*, хорошаго Русскаго Дворянина. Царь повелѣваетъ Совѣту испытать еще *Зотова* въ своемъ присутствіи. По окончаніи испытанія, онъ ведетъ *Зотова* къ своей мачихѣ, въ провожаніи Патріарха и всего Совѣта. „Вотъ наставникъ — говоритъ Монархъ Царицѣ —

Я испыталъ его: начнемъ съ помощїю Божїею!" Потомъ повелѣваетъ Патрїарху читать молитвы, для сего установленныя. Это называлось у Русскихъ *съ помощїю Божїею*; они призывали Всевышнее Существо во всѣхъ своихъ предпрїятїяхъ. Послѣ Божественной службы, Царь беретъ своего брата на колѣни, садится подлѣ матери, и приказываетъ наставнику начать азбуку въ присутствїи Членовъ Совѣта.

Да пробудится Конфуцїй, да скажетъ намъ, что думаетъ о такомъ началѣ! Не обрадуется ли мудрецъ сей, когда увидитъ, что покои Царственнаго отрока украшены не златошвейными парчами Китайскими, не коврами Персидскими, но географическими картами — не баснословными, соблазнительными картинами и статуями Грековъ, но изображенїями произшествїй, поучительныхъ для нравственности, портретами мужей величайшихъ, особенно предковъ Царскаго дома и тѣхъ Россїянъ, которые наиболѣе отличились своею доблестїю.

Вмѣсто басенъ, романовъ и сказокъ, которыми забавляютъ дѣтей въ наше время, мать отрока, наставникъ его, а часто и самъ Царь, прохаживаясь съ Петромъ по комнатамъ, обращали его вниманїе на карту земнаго шара, или на добро-

дѣтельные подвиги мужей великихъ: таковы были забавы Царевича.

Но какъ дѣтской возрастъ часто требуетъ движенія, то вмѣсто того, чтобы заставлять Его играть *Цезаря*, *Магомета*, *Нерона*, *Катилину*, *влюбленнаго Пирра*, *плута Пасквина*, *Лакея льянаго и обманщика* — какъ это бываетъ въ наше время, когда сынъ Фельдмаршала, Сенатора, или самаго Владѣтеля (*) вступаетъ въ свѣтъ, играя мастерски на самомъ дѣлѣ *повѣсу Криспина*, *знатнаго глупца*, или *блуднаго сына*, и это вмѣняетъ себѣ въ великое достоинство — вмѣсто того Петру I дано было совсѣмъ другое занятіе. Ему набрали роту изъ дѣтей, почти одинакихъ лѣтъ съ нимъ, которые всѣ выбраны изъ Дворянъ; назвали ее *потѣшною ротою*. Петръ I вступилъ въ нее барабанщикомъ. Мѣсто, гдѣ училась сія рота, было *Село Преображенское*, отъ котораго получилъ названіе полкъ гвардейской.

Забавляясь дѣтскою ротою, Петръ I научился прежде повиноваться, чтобы умѣть повелѣвать; здѣсь онъ научился понимать, какая польза бываетъ для цѣлаго общества, когда всякой строго исполняетъ свою должность: здѣсь научился онъ быть муже-

(*) Вѣроятно, что сочинитель намекаетъ на *Графа д' Артуа*. — *Перев.*

ственнымъ, правдивымъ, искреннимъ, строгимъ въ своихъ повелѣніяхъ, и покорнымъ своей должности.

Послѣ сего пусть скажутъ что никто не радѣлъ о воспитаніи Петра I, и что онъ не получилъ никакого воспитанія: да устыдятся иноземные историки!

(*Продолженіе въ слѣдующемъ Нумерѣ.*)

II.

Плачь Минваны.

(Изъ Оссіана.)

Съ сердцемъ грустію исполненнымъ
И съ лицемъ отъ слезъ зардѣвшимся,
Ждетъ *Минвана* бѣлогрудая
Мила друга съ поля ратнаго,
Съ поля ратнаго, кроваваго.
Поминутно обращаетъ взоръ
Къ морю синему, туманному.
Тамъ лишь волны съ тихимъ ропотомъ
Плещутъ въ дикій камень берега,
И уныніе родятъ въ душѣ . . . . .

Въ далекѣ знамена взвѣяли;
Сердце дрогнуло, забилося,
Слезы вдругъ остановилися,
Взоръ вперился, неподвиженъ сталъ,
И дыханье притаилося.
Приближались тихо ратники;

Рино вѣрные товарищи,
Стройно всѣ текли въ безмолвіи;
Долу очи ихъ потуплены —
Въ нихъ печаль изображалася.
У *Минваны* сердце сжалося,
Закипѣло, и вдругъ замерло. . . . .
Ахъ! не ужь ли то предчувствіе
Бѣдъ, мученій, злополучія? . . . . .
Тутъ Герои прослезилися,
И одинъ изъ нихъ, вздохнувъ, сказалъ:
„О *Минвана* бѣлогрудая!
Не ходи ты въ ночь туманную
На крутой брегъ моря синяго;
Не склоняй ты уха чуткаго
Ко зыбучимъ, ко нѣмымъ волнамъ:
Не промолвятъ рѣчи сладостной,
Страстна сердца не обрадуютъ!
О *Минвана*! не сиди одна
У покрыта камня мхомъ сѣдымъ!
Ахъ! не жди ты друга милаго:
Красны дни твои промчалися. . .
Рино храбраго не зрѣть тебѣ!
Тѣнь его взнеслась на облако,
Голосъ тихій тамъ съ зефирами
У потока мы ужь слышали,
И на холмѣ во травѣ густой,
Будто громы изъ багровыхъ тучь
На младое пали дерево,
И сребристый листъ посыпался
Съ вѣтвей только разпустившихся.“
Такъ *Минвану* поразила вѣсть, —

Подкосились ноги быстрыя,
Потъ холодный, будто градъ съ лица,
Покатился на высоку грудь.

„Такъ не стало сына юнаго,
Сына храбраго Фингалова? . . .
Половина сердца убыло
У Минваны злополучныя! . . .
Да рука, его сразившая,
Не обниметъ вѣчно милыя!
Пусть рукою той кровавою
Очи всѣхъ родныхъ закроются! . . .
Но отрадаль то для бѣдныя? . . .
Ахъ! теперь я, какъ пустынный холмъ,
На которомъ вѣкъ туманъ лежитъ!
Ахъ! одна я на сырой землѣ!
Дни постылы! жизнь несносная! . . .
Нѣтъ, не долго мнѣ здѣсь мучиться. . . .
Вѣтры буйные, пустынные!
Я не долго буду смѣшивать
Въ дебряхъ стонъ мой съ вашимъ посвистомъ!
Побѣгу на поле ратное;
Гдѣ лежитъ мой другъ поверженный.
Хоть въ слезахъ пути не взвижу я;
Сердце къ другу доведетъ меня.
Припаду тамъ къ тѣлу хладному,
Я прижмусь къ устамъ запекшимся,
И слезами смою кровь съ лица.

„Что я вижу! ахъ! оружія! . . .
Ихъ несутъ твои товарищи:
Щитъ на полы пересѣченный,

Мечь булатный переломленный,
Остра сталь копья притуплена,
Каленыхъ стрѣлъ во колчанѣ нѣтъ,
Лукъ упругой твой разпущенъ зрю;
Вѣтръ играетъ тетивой его. . . . . .

„На зарѣ ужь не воспрянешь ты
Отъ глубока сна, мой милой другъ! . . .
Твои легкіе псы вѣрные
Не услышатъ сладка голоса,
На ловитву ихъ зовущаго!
Серна будетъ спать въ безпечности
На покатѣ холма ближняго!
„Всѣ тропинки заростутъ травой
Къ дому друга опустѣлому,
И на ложѣ лишь совьетъ гнѣздо
Птица вѣща полуночная;
Крикъ ея встревожитъ путника
Средь осенней ночи темныя.
„О мой Рино, другъ возлюбленный!
Льзяль Минванѣ пережить тебя?
Нѣтъ! — иду, бѣгу, лечу къ тебѣ,
И повергнувшись на грудь твою,
Я вздохну — вздохну въ послѣдній разъ!
„О мои подруги юныя!
Не ходите по слѣдамъ моимъ,
При согласномъ сладкомъ пѣніи
Не ищите вы несчастныя.
Вашихъ пѣсней не услышу я —
Я умру подлѣ любезнаго.“

Ф. Ивановъ.

III.

О началѣ и успѣхахъ слова (*).

Во всемъ кругѣ словесности мало есть предметовъ; которые столько были бы достойны внимательнѣйшаго разсмотрѣнія, какъ начало и успѣхи человѣческаго языка.

Слово *языкъ* значитъ способъ выражать мысли посредствомъ *выговариваемыхъ* звуковъ. Подъ словами *выговариваемые звуки* разумѣемъ измѣненія голоса, или звуки выходящіе изъ груди, и измѣняемые во рту посредствомъ частей его, то есть языка, зубовъ; неба (**).

Способъ выражать мысли посредствомъ *выговариваемыхъ* звуковъ у многихъ народовъ доведенъ до послѣдней степени совершенства. Теперь мы умѣемъ легчайшимъ образомъ выражать едва ощутительныя движенія души нашей. Всѣмъ предметамъ, насъ окружающимъ, даны наименованія; малѣйшія отношенія, малѣйшія различія между

(*) Читано въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

(**) Изъ *выговариваемыхъ* (articulés) звуковъ состоятъ склады и слова; звуки произносимые, но *не выговариваемые* (inarticulés) не составляютъ словъ.

сими предметами опредѣлены и означены. Мы выражаемъ невидимыя ощущенія наши, отвлеченныя понятія, все что ни изобрѣтено въ наукахъ и художествахъ. Наконецъ, языкъ сдѣлался орудіемъ утонченной роскоши. Для насъ уже не довольно одной ясности въ словахъ; нѣтъ, мы требуемъ пріятности, украшеній. Для насъ не довольно понимать мысли другихъ; мы требуемъ, чтобы выраженіе сихъ мыслей приносило удовольствіе нашему воображенію. Языкъ доведенъ теперь до того уже, что мы легко можемъ удовлетворить всѣ сіи прихотливыя требованія. Ежедневное употребленіе и привычка познакомили насъ съ симъ чудеснымъ явленіемъ въ природѣ: отъ того оно кажется для насъ неудивительнымъ, подобно своду небесному и другимъ великимъ предметамъ.

Но если обратимъ наше вниманіе на первые опыты языка человѣческаго, если посмотримъ на слабыя начала его, на медленные успѣхи; то нынѣшнее совершенство слова непремѣнно должно изумить насъ. Мы удивляемся нѣкоторымъ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ въ искуствахъ; гордимся нѣкоторыми открытіями, полезными для успѣховъ наукъ и для удобностей въ жизни; почитаемъ ихъ крайнимъ предѣломъ усилій разума человѣческаго: но изобрѣтеніе языка неоспоримо заслуживаетъ еще болѣе удивленія, особливо

потому, что мы симъ изобрѣтенїемъ одолжены временамъ глубочайшаго невѣжества, — разумѣется, если принять предположенїе, что люди сами изобрѣли способъ изъяснять свои мысли посредствомъ выговариваемыхъ звуковъ.

Изъ Священнаго Писанїя явствуетъ, что праотцы наши вышли изъ рукъ Творческихъ со способностями разсуждать и взаимно сообщать свои мысли; слѣдственно, по видимому, нѣтъ надобности доискиваться, какъ изобрѣтенъ языкъ, когда въ Библїи ясно показано происхожденїе онаго. На это отвѣчаетъ Докторъ Варбюртонъ, Авторъ превосходнаго *Опыта объ їероглифахъ*, что хотя Богъ и научилъ людей выражать мысли ихъ и чувствованїя посредствомъ наружныхъ знаковъ; однакожь неблагоразумно предполагать, будто первоначальный языкъ былъ весьма обиленъ, будто кругъ его былъ обширнѣе нуждъ человѣческихъ, и будто не льзя уже было обогащать его. Кондильякъ, желая ѳеорїю свою о происхожденїи языка согласить со Священнымъ Писанїемъ, говоритъ: „Легко могло статься, что послѣ потопа двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, заблудились какъ-нибудь въ лѣсу, еще прежде, нежели научились выражать знаками свои чувствованїя и желанїя. Почему знать, что какой-нибудь народъ не произошелъ отъ подобной

четы? При томъ же философу, испытателю натуры не прилично ссылаться на сверхъестественныя причины; когда спрашиваютъ у него, какъ составился языкъ средствами возможными." Слѣдственно и намъ не запрещается; основываясь на естественномъ порядкѣ вещей и не касаясь Откровенія — которое впрочемъ есть самой вѣрной наставникъ — разсмотрѣть, какъ думали о семъ различные писатели:

Діодоръ Сицилійскій и Витрувій полагали, что первобытные люди долгое время жили въ лѣсахъ и пещерахъ; подобно звѣрямъ; и что они произносили звуки неопредѣленные; ничего незначущіе; потомъ, когда нужда заставила ихъ соединиться въ общество для оказыванія взаимной помощи; они мало по малу изъ отдѣленныхъ звуковъ по общему согласію составили знаки; для того чтобы тотъ, кто говоритъ, могъ увѣдомить другихъ о своихъ надобностяхъ. Такимъ образомъ произошли всѣ языки. Сіе предположеніе о началѣ слова такъ близкимъ казалось къ истинѣ, что даже одинъ церковный Отецъ (Григорій Нисскій) и Ришаръ Симонъ, Священникъ Ораторіи (общества духовныхъ во Франціи, учрежденнаго въ 17 вѣкѣ) старались выдать его за неоспоримое.

Согласимся на часъ, что люди въ первобытныя времена жили въ разсѣяніи, что

каждое общество людей, упражнявшихся въ звѣроловствѣ и скотоводствѣ, состояло изъ членовъ одного семейства, и что они вели жизнь кочевую. Такія малыя общества, безпрестанно перемѣняя мѣста, и то соединяясь одно съ другимъ, то разлучаясь, не могли жить между собою въ постоянномъ союзѣ. Какимъ же образомъ всѣ они согласились принять одинакія слова для выраженія своихъ мыслей? Положимъ, что люди, по нуждѣ или по случаю соединившіеся на одномъ мѣстѣ, согласились между собою употреблять нѣкоторые звуки или знаки; но какая сила могла сіи звуки или знаки распространить на другія семейства и поколѣнія? какая сила могла ввести ихъ въ употребленіе и наконецъ составить языкъ? Съ одной стороны кажется, что образованіе и успѣхи языка должны быть слѣдствіемъ общежитія; съ другой — что безъ языка люди не могли бы составить общества: ибо какъ допустить, что собравшіеся люди условились споспѣшествовать общему благу, не умѣвши еще выразить другъ другу ни нуждъ своихъ, ни намѣреній? И такъ равно трудно изъяснить какъ то, какъ общество составилось прежде языка, такъ и то, какимъ образомъ произносимые звуки могли составить вразумительный языкъ, прежде нежели учредились общества. Остается заключить, что образованіе языка есть *непосредственное*

слѣдствіе Божественнаго вдохновенія, и что первобытное составленіе словъ не зависѣло отъ воли человѣческой.

Если и принять, что Верховное Существо непосредственно дѣйствовало на образованіе человѣческаго языка, все еще не слѣдуетъ изъ того заключать, будто люди вдругъ получили языкъ полной и совершенной. Вѣроятнѣе, что Богъ, научивъ людей языку необходимому по тогдашнему ихъ состоянію, предоставилъ имъ стараться о разпространеніи и усовершенствованіи даннаго способа изъясняться, по мѣрѣ умноженія нуждъ ихъ. Сообразно съ симъ предположеніемъ, языкъ долженствовалъ заключенъ быть въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ.

Средства, которыя даны людямъ для взаимнаго сообщенія мыслей, суть: движеніе членовъ, перемѣна на лицѣ и невыговариваемые звуки. Языкъ, составляемый изъ сихъ знаковъ, называется *языкомъ дѣйствія*.

Движеніемъ руки, головы и всего тѣла можемъ выражать желаніе, отрицаніе, отвращеніе, омерзѣніе и другія чувствованія. Движенія могутъ быть болѣе или менѣе живы, смотря по тому съ большимъ или меньшимъ усиліемъ стремимся къ предмету, или отъ него удаляемся.

Вообще всѣ душевныя чувствованія можно выражать различнымъ положеніемъ нашего тѣла. Сіи различныя положенія изображаютъ равнодушіе, недоумѣніе, нерѣшительность, внимательность, боязнь и желаніе — все вмѣстѣ; онѣ изображаютъ борьбу страстей и перемѣнную побѣду ихъ, довѣренность, спокойное наслажденіе какимъ-нибудь удовольствіемъ и безпокойное, пріятное ощущеніе и непріятное, радость и печаль, надежду и отчаяніе, ненависть, любовь, гнѣвъ и проч. Но красота сего языка состоитъ въ перемѣнахъ на лицѣ, а особливо въ движеніи глазъ. Сіи перемѣны, сіи движенія здѣсь тоже, что отдѣлка въ живописной картинѣ.

Языкъ дѣйствія говоритъ только глазамъ. Онъ часто былъ бы совсѣмъ безполезенъ, если бы тотъ, кто изъясняется тѣлодвиженіемъ, не давалъ знать крикомъ своимъ, чтобъ на него взглянули, и поняли бы мысль его. Сіи крики суть звуки естественные; они перемѣняются по различію чувствованій, но ничего ясно не означаютъ: ибо не даютъ знать ни о начальной причинѣ, ни о конечной, ни о перемѣнѣ чувствованій; они, какъ сказано выше, только приглашаютъ замѣчать движенія членовъ тѣла и частей лица; совокупное дѣйствіе сихъ знаковъ объясняетъ то, о чемъ невыговариваемые звуки только намекали.

Языкъ дѣйствія основанъ на самомъ образованіи органовъ нашего тѣла. Не отъ насъ зависѣло выдумать первоначальные знаки: намъ дала ихъ сама природа; но она же указала и способы изобрѣтать другіе знаки. Слѣдственно *языкъ дѣйствія* можетъ состоять изъ знаковъ естественныхъ и искуственныхъ, которыми можно выражать мысли точно такъ, какъ мы выражаемъ ихъ *языкомъ словъ*.

Языкъ дѣйствія, которой намъ кажется едва возможнымъ, былъ весьма понятенъ для древнихъ Римлянъ. Ихъ комедіанты, такъ называемые пантомимы, представляли цѣлыя драмы не произнося ни одного слова. Въ минувшемъ столѣтіи Аббатъ де л' Эпе, которой завелъ въ Парижѣ училище для глухо-нѣмыхъ, привелъ въ методу *языкъ дѣйствія*, и сдѣлалъ его столь простымъ и понятнымъ, что умѣлъ выражать на немъ всѣ мысли, и даже, какъ увѣряютъ, съ большею точностію, гораздо опредѣленнѣе, нежели какъ мы выражаемъ ихъ посредствомъ *языка словъ*.

Посмотримъ, какимъ образомъ выражались дѣти упоминаемые Кондильякомъ. Каждое душевное движеніе, каждое чувствованіе они изъявляли природными знаками, то есть простыми звуками и тѣлодвиженіемъ. На примѣръ, одно,

чувствуя въ чемъ-нибудь надобность, произносило невнятные звуки, усиливалось достать желаемую вещь, качало головою, размахивало руками, и дѣйствовало всѣми частями тѣла; другое, бывъ тронуто безпокойствомъ товарища, устремляло взоры свои на тотъ же предметъ, и чувствовало въ себѣ побужденіе помочь въ нуждѣ своему ближнему. Такимъ образомъ дѣти по одному *инстинкту* требовали взаимной помощи, и помогали другъ другу.

Подобныя обстоятельства случались часто, и дѣти наконецъ привыкли соединять съ криками и разными тѣлодвиженіями понятія о вещахъ, то есть начали догадываться, что крики и тѣлодвиженія имѣютъ какое-то значеніе. Чѣмъ извѣстнѣе становились имъ знаки, тѣмъ чаще могли онѣ представлять ихъ въ своемъ воображеніи. Потомъ нечувствительно дошли до того, что начали уже дѣлать съ намѣреніемъ то, что прежде дѣлали по *инстинкту*. Сперва каждое изъ нихъ привыкало по знакамъ догадываться о чувствованіяхъ другаго; потомъ каждое начало употреблять сіи знаки, чтобъ изъяснить другому свои чувствованія. Одно, на примѣръ, увидѣвши мѣсто, на которомъ оно прежде было испугано, подражало криками своими и тѣлодвиженіями знакамъ страха,

для того чтобъ остеречь товарища отъ опасности, которую само нѣкогда испытало.

Употребленіе сихъ знаковъ споспѣшествовало усовершенствованію душевныхъ способностей, а укрѣпляющіяся способности взаимно служили къ усовершенствованію знаковъ, которые часъ отъ часу становились для дѣтей обыкновеннѣе. И такъ, страсти и нужды человѣческія споспѣшествовали разкрытію душевныхъ способностей, и въ то же время распространяли *языкъ дѣйствія*; сначала, пока разумъ былъ заключенъ въ тѣснѣйшихъ границахъ, *языкъ дѣйствія* вѣроятно состоялъ въ чрезвычайныхъ кривляньяхъ и коверканьяхъ.

Когда молодая наша чета привыкла соединять нѣкоторыя понятія съ произвольными знаками, естественные крики, *невыговариваемые* звуки послужили образцомъ для новаго языка. Сіи люди начали произносить и повторять новые звуки, дѣлая разныя тѣлодвиженія, указывали на предметы, и мало по малу привыкли называть вещи. Разумѣется, что первые успѣхи новаго языка были очень медленны. Органъ слова былъ еще такъ неповоротливъ, что едва могъ составлять склады самые простые. Трудность выговаривать ихъ не дозволяла даже догадываться, что можно выдумать

множество словъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже были въ употребленіи.

У нашей четы родился младенецъ. Ощущенія нужды заставляли его дѣйствовать всѣми членами тѣла. Языкъ младенца, еще гибкій, помогъ произнести новое слово. Дитя, побуждаемое тою же нуждою, дѣлало тѣ же усилія, и повторяло тѣ же звуки. Удивленные родители, наконецъ угадавши, чего требуетъ робенокъ, подавая ему желаемую вещь, пытались выговорить новое слово. Находя трудность въ произношеніи, они заключили, что сами никогда не могли бы выдумать сего слова. Языкъ (органъ) дитяти, оставаясь безъ употребленія, потерялъ всю свою гибкость. Родители научили его понимать *языкъ дѣйствія*, и выражаться симъ же способомъ, которой для нихъ былъ вразумительнѣе, нежели выговариваемые звуки. Случаи подали поводъ къ изобрѣтенію нѣсколькихъ словъ; но языкъ сей весьма медленно обогащался. Протекло нѣсколько столѣтій, прежде нежели *языкъ словъ* доведенъ до того состоянія, что можно было изобразить имъ свои нужды. При томъ же *языкъ дѣйствія*, какъ болѣе вразумительный, много препятствовалъ успѣхамъ *языка словъ*. Чѣмъ обильнѣе становился языкъ выговариваемыхъ звуковъ, тѣмъ гибче дѣлались органы

голоса и выговора; потомъ *языкъ слова* сдѣлался столько же вразумительнымъ и легкимъ, какъ и *языкъ дѣйствія*; напослѣдокъ употребленіе выговариваемыхъ звуковъ взяло верхъ надъ языкомъ дѣйствія.

Когда люди начали уже отличать предметы наименованіями, и когда нужды общежитія требовали обширнѣйшаго сообщенія, что служило къ изобрѣтенію прочихъ словъ и названій? Весьма вѣроятно, что люди произношеніемъ изображали свойство предметовъ, подобно живописцу, которой употребляетъ зеленую краску для изображенія листьевъ и зелени. Желая, напримѣръ, дать названіе какому-нибудь предмету страшному, безъ сомнѣнія употребляли такое слово, которое производило бы приличное понятіе о вещи въ душѣ того, кому говорили. Предполагать же, что слова выдуманы по прихотливому произволу, безъ выбора, безъ побудительной причины, значило бы предполагать слѣпое дѣйствіе безъ причины. Вѣрно что-нибудь заставляло принять одно наименованіе предпочтительнѣе другому.

Не трудно было найти наименованія для предметовъ отличающихся звукомъ, шумомъ, движеніемъ. Стоило только голосомъ своимъ сдѣлать подражаніе звуку или шуму, производимому предметомъ. Во всѣхъ язы-

кахъ находятся слова, звуками выражающія предметы: напримѣръ *кукушка*, *кокошо*; *топотъ*; *клокочетъ* и проч.

Но рѣдко находимъ такое сходство въ названіяхъ предметовъ, которые дѣйствуютъ только на чувство зрѣнія, а еще менѣе въ словахъ, принятыхъ для означенія предметовъ отвлеченныхъ; однакожъ господа Ученые, занимавшіеся изысканіями о человѣческомъ словѣ, утверждаютъ, что между звуками словъ, означающихъ предметы неподлежащіе чувству слуха, и самыми предметами есть какое-то сходство; и что употребивъ стараніе, можно находить сіе сходство между именами и вещами. Кондильякъ говоритъ, что между слухомъ и прочими чувствами есть аналогическія отношенія, которыя сообщаютъ краски для предметовъ, и что слоги мягкіе и твердые, произношеніе скорое и медленное, повышеніе и пониженіе голоса, суть также краски, которыя служатъ для изображенія качествъ разныхъ предметовъ.

И такъ, первобытное составленіе языка не зависѣло отъ прихотливаго произвола. Древніе Философы долго спорили: (utrum nomina rerum sint naturâ aut impositione) названія вещей произвольно изобрѣтены, или натура сама научила людей выбрать прилич-

ныя названія? Философы *Платоновой секты* принимали послѣднее изъ сихъ мнѣній.

Какъ бы то ни было, сходство между словами и предметами относить должно ко временамъ первобытнымъ. Ибо хотя и находимъ во всѣхъ языкахъ множество словъ, сходственныхъ по звуку съ изображаемыми вещами; но это не касается до языковъ новыхъ. Языки обогащаются словами производными, сложными, чужестранными, вновь составляемыми; слова отчасу удаляются отъ корней своихъ, и теряютъ сходство по звуку съ изображаемыми предметами. Въ такомъ состояніи находятся всѣ нынѣшніе просвѣщенныхъ народовъ языки. Слова и названія, нами теперь употребляемыя, не выражаютъ уже вещей подражательными звуками, но суть не что иное, какъ знаки произвольные, принятые по общему согласію. Чѣмъ прилѣжнѣе станемъ доискиваться до начала языка; чѣмъ ближе станемъ подходить къ эпохѣ первобытнаго составленія: тѣмъ болѣе открывать будемъ словъ и выраженій подражательныхъ.

Впрочемъ, и по изобрѣтеніи словъ *языкъ дѣйствій* не совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Мы и теперь мѣшаемъ его въ разговорахъ; а особливо бываетъ онъ примѣтенъ, когда изъясняемся на чужестран-

номъ, мало намъ извѣстномъ, языкѣ; въ такомъ случаѣ обыкновенно мѣшаемъ тѣлодвиженія, произносимъ слова рѣзче, съ напряженіемъ, и часто повторяемъ междометія, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ къ словамъ первоначальнымъ. Это доказываетъ, что по составленіи языка выговариваемые звуки долго еще сопровождаемы были тѣлодвиженіями, восклицаніями, и частыми перемѣнами въ повышеніи и пониженіи голоса.

Сначала употребляемы были сіи пособія по нуждѣ; но когда языки обогатились наименованіями, прежній способъ изъясняться тѣлодвиженіями остался у многихъ народовъ, а особливо у восточныхъ, которые, по пылкости ума своего и воображенія, любили, и нынѣ еще любятъ, *языкъ дѣйствія*.

Священное Писаніе представляетъ множество примѣровъ, которыми доказывается, что *языкъ дѣйствія* былъ въ употребленіи у восточныхъ народовъ. Въ третей книгѣ Царствъ ложный пророкъ потрясаетъ желѣзными рогами; Іеремія по приказанію Божіему прячетъ льняной поясъ свой въ разсѣлинѣ камня, близь рѣки Ефрата; тотъ же Пророкъ разбиваетъ глиняной сосудъ предъ народомъ; налагаетъ иго и узы на свою шею; бросаетъ книгу въ фратъ; Іезекіиль по

Божїему велѣнїю рисуетъ на камнѣ осаду Іерусалима; взвѣшиваетъ на вѣсахъ волосы головы своей и бороды; уноситъ домашнїе уборы; соединяетъ вмѣстѣ два жезла, одинъ для Іудина колѣна, другой для Израилева: сими знаками Пророки увѣдомляли народъ о томъ, что имъ приказано было отъ Бога.

Нѣкоторые, не зная, что у Евреевъ *языкъ дѣйствїя* былъ въ общемъ употребленїи, называли сїи пророческїя дѣйствїя нелѣпыми. Поступокъ бываетъ нелѣпымъ, когда онъ страненъ и ничего не значитъ; но Пророки дѣйствовали сообразно съ обыкновенїями своей земли, и знаки ихъ имѣли значительность.

Не въ одной только Священной Исторїи находимъ примѣры языка, выражаемаго дѣйствїемъ. Древность представляетъ ихъ множество; даже оракулы сперва давали отвѣты симъ образомъ. Гераклитъ гдѣто упоминаетъ, что *Дельфїйскїй оракулъ ни говоритъ, ни молчитъ; но изъясняется знаками*: слѣдственно въ древнїя времена было въ обычаѣ замѣнять слова дѣйствїями.

У нѣкоторыхъ народовъ сѣверной Америки, когда племя сообщаетъ другому какое-нибудь важное, до общей пользы касающееся

извѣстїе, обыкновенно употребляются тѣлодвиженїя и другїе знаки. Вѣтви вампуноваго дерева, и способы подавать его и принимать, выражаютъ у нихъ мысль столь же ясно, какъ слова.

У Грековъ и Римлянъ *языкъ словъ* былъ неразлучно соединенъ съ *языкомъ дѣйствїя*. Сїе примѣчанїе необходимо для уразумѣнїя многихъ мѣстъ у классическихъ авторовъ, писавшихъ публичныя рѣчи и театральныя сочиненїя. Просодїя, часть Грамматики, содержащая въ себѣ правила о произношенїи, у Грековъ и Римлянъ была гораздо обширнѣе, нежели у новѣйшихъ народовъ; они чаще употребляли сильныя повышенїя и пониженїя голоса. Количество или мѣра слоговъ у нихъ была опредѣленнѣе, нежели у насъ, и наблюдалась очень строго. Кромѣ сей мѣры, или разности въ продолженїи, слоги имѣли еще ударенїя: острое, тяжелое, облеченное, которыя нынѣ совсѣмъ не употребляются въ выговорѣ. По знакамъ ударенїй, надъ слогами поставленныхъ, ораторъ возвышалъ и понижалъ свой голосъ. Наше произношенїе показалось бы древнимъ отвратительно, по причинѣ однозвучности. Декламацїя древнихъ ораторовъ и актеровъ походила на нынѣшнїе речитативы въ Италїянскихъ и другихъ операхъ. Ее можно было замѣчать нотными знаками. Греческой языкъ былъ несравненно

музыкальнѣе Латинскаго, и Греки еще болѣе, нежели Римляне, занимались произношеніемъ на театрахъ и въ народныхъ собраніяхъ. Изъ Аристотелевой піитики видимъ, что музыка составляла одну изъ главныхъ частей трагедіи.

Тоже можно сказать и о тѣлодвиженіяхъ; ибо сильные звуки обыкновенно сопровождаются быстрыми тѣлодвиженіями. Вообще, древніе критики почитали дѣйствіе (actio) вещію необходимою для витіи. У Грековъ и Римлянъ ораторы и актеры дѣйствовали несравненно живѣе, нежели въ наше время. Славный Росцій показался бы намъ человѣкомъ бѣснующимся; напротивъ того Римляне игру искуснѣйшихъ нашихъ актеровъ почли бы вялою и холодною.

Древніе столь высоко цѣнили тѣлодвиженія, что на театрахъ у нихъ два актера могли представлять одно лицо въ одно и тоже время. Одинъ произносилъ слова, другой дѣйствовалъ членами тѣла. Начало сего страннаго обыкновенія было такое: Римскій поэтъ Ливій Андронинъ, представлявшій лице въ драмѣ своего сочиненія, нѣсколько разъ повторивъ монологъ, любимой публикою, охрипъ; будучи не въ силахъ говорить, онъ заставилъ своего невольника произносить слова, а самъ между

тѣмъ дѣйствовалъ. Зрителямъ это понравилось, и съ тѣхъ поръ введено обыкновенїе отдѣлять декламацїю отъ тѣлодвиженїй, — но только въ монологахъ; въ дїалогахъ же каждой актеръ говорилъ и дѣйствовалъ безъ помощника.

Обыкновенїе отдѣлять декламацїю отъ тѣлодвиженїй подало случай къ изобрѣтенїю искуства пантомимическаго. Въ царствованїе Августа и Тиверїя, пантомимы, то есть драмы, состоящїя изъ однѣхъ тѣлодвиженїй безъ словъ, были любимѣйшимъ зрѣлищемъ. Римляне столько привязаны были къ представленїямъ сего рода, что правительство нашлось принужденнымъ издать законъ, которымъ запрещалось Сенаторамъ публично учиться искуству пантомимическому.

Еще прежде того, между Цицерономъ и Росцїемъ были споры, кто изъ нихъ лучше выразитъ мысль и чувствованїе. Ораторъ произносилъ какой-нибудь перїодъ; актеръ выражалъ его однѣми тѣлодвиженїями безъ словъ. Цицеронъ произносилъ тотъ же перїодъ, переставивъ слова и фразы; Росцїй опять выражалъ его другими тѣлодиженїями.

Варварскїе народы, овладѣвшїе Римскою Имперїею, не заботились ни о декламацїи, ни о тѣлодвиженїяхъ, которыя доведены

были до высочайшей степени совершенства. Чѣмъ болѣе Латинской языкъ смѣшивался съ языками чуждыхъ народовъ, тѣмъ болѣе измѣнялось произношенїе. Музыка слова, пышность декламацїи и театральное дѣйствїе преданы забвенїю. Языкъ разговорный и ораторскїй упали съ высоты своей, и лишились всей очаровательности, которую придавали имъ тѣлодвиженїя и измѣненїя тоновъ. По возрожденїи наукъ и искуствъ, свойства языковъ такъ перемѣнились, народы приняли обычаи столь отличные отъ прежнихъ, что даже трудно уже было понять и объяснить примѣчанїя древнихъ авторовъ, писавшихъ о декламацїи и театральныхъ зрѣлищахъ. Изъ всѣхъ новыхъ народовъ Европейскихъ, одни Италїянцы сохранили въ языкѣ своемъ нѣкоторые слѣды выразительныхъ тѣлодвиженїй и музыкальной декламацїи.

Сказано выше, что при начальномъ образованїи языка люди выговаривали слова сильно, съ напряженїемъ, и къ звукамъ, неясно выражавшимъ ихъ мысли, прибавляли тѣлодвиженїя; слѣдственно, по всей вѣроятности, языкъ ихъ долженствовалъ быть наполненъ фигурами и метафорами, весьма смѣлыми, но и весьма выразительными. Нѣкоторые писатели думаютъ, что фигуры изобрѣтены риторами и ораторами уже въ то время, когда языки обогатились словами.

Блеръ почитаетъ сїе мнѣнїе весьма несправедливымъ. Онъ говоритъ, что люди никогда столько фигуръ не употребляли въ языкѣ своемъ, какъ въ то время, когда не было еще достаточнаго количества словъ для выраженїя мыслей. Вотъ его доказательства: вопервыхъ, за недостаткомъ словъ для наименованїя предметовъ, люди по неволѣ принуждены были однимъ именемъ называть многїя вещи: отъ того необходимо произошли сравненїя, метафоры и другїя переносныя выраженїя; вовторыхъ, люди употребляли слова, означающїя предметы вещественные, видимые, прежде нежели выдумали имена для выраженїя чувствованїй сердца, способностей ума и другихъ понятїй отвлеченныхъ: слѣдственно языкъ, будучи составленъ весь изъ названїй только видимыхъ предметовъ, долженствовалъ сдѣлаться метафорическимъ. Чтобы выразить, напримѣръ, желанїе, или какое-нибудь другое внутреннее движенїе, по недостатку въ собственномъ наименованїи, надлежало употребить имя, означающее видимой предметъ или видимое дѣйствїе. Сюда относятся слова: угрызенїе (совѣсти), горесть (души), острый, тупый (умъ), ясной (слогъ), переходъ (въ музыкѣ) и проч.

И такъ самая нужда заставляла говорить языкомъ метафорическимъ; но кромѣ нужды еще другїя обстоятельства тому

споспѣшествовали. Когда общество находится въ младенческомъ состояніи; воображеніе и страсти управляютъ почти всѣми дѣйствіями человѣческими. Люди, живучи въ разсѣяніи, имѣя весьма ограниченныя познанія о вещахъ, на каждомъ шагу встрѣчаютъ предметы новые и странные. Они всего боятся, всему удивляются; страхъ и удивленіе необходимо дѣйствуютъ на языкъ ихъ. Они обыкновенно употребляютъ гиперболы; описываютъ предметы самыми яркими красками, и вообще выражаются сильнѣе, нежели образованные, живущіе въ просвѣщенное время, когда воображеніе покорено правиламъ, когда страсти сдѣлались тише, наконецъ когда опыты познакомили ихъ со многими предметами. Упомянуто выше, что въ первобытныя времена люди выговаривали слова съ большимъ усиліемъ, съ большимъ напряженіемъ голоса; такое произношеніе безъ сомнѣнія дѣйствовало и на слогъ ихъ. Само собою разумѣется, что когда разговоръ состоитъ изъ живыхъ тѣлодвиженій, изъ громкихъ восклицаній, изъ напряженныхъ и разнообразныхъ перемѣнъ въ повышеніи и пониженіи голоса; тогда воображеніе и страсти находятся въ сильномъ движеніи. При такомъ разположеніи души и слогъ долженъ быть чрезвычайно силенъ.

Замѣчено, что у народовъ, у которыхъ общежитіе и теперь еще не младенче-

ствуетъ, языкъ состоитъ изъ фигуръ, гиперболъ и надутости; у дикихъ Американцовъ видимъ тому примѣры. У Ирокезцовъ, Иллинойцовъ всѣ трактаты и публичные акты пишутся слогомъ весьма пышнымъ; въ нихъ болѣе разсыпано метафоръ, нежели въ нашихъ поэмахъ. Въ книгахъ Ветхаго Завѣта находимъ, что вещественные предметы весьма часто замѣняютъ понятія отвлеченныя: беззаконіе и нечестіе названо замаранною одеждою; бѣдствіе — питіемъ изъ чаши изумленія; подъ пищею, состоящею изъ золы, разумѣются тщетныя предпріятія; подъ излучистымъ путемъ — развратная жизнь; свѣтъ Господень, сіяющій надъ главою, значитъ благополучіе, и проч. Такой слогъ у насъ называется восточнымъ; въ самомъ же дѣлѣ онъ не зависитъ ни отъ климатовъ, ни отъ странъ свѣта, но есть обыкновеннымъ признакомъ недавности языка и общежитія тѣхъ народовъ, которыми употребляется.

Изъ сихъ замѣчаній слѣдуетъ заключить, что въ первыя времена слогъ всѣхъ языковъ долженствовалъ быть піитическій, наполненный метафорами и фигурами. Когда выдуманы названія для всѣхъ предметовъ чувственныхъ и постигаемыхъ разумомъ; тогда уже не нужно стало часто употреблять метафоры и многословныя объ-

ясненія. Слогъ сдѣлался сокращеннѣе и простѣе. Напряженное произношеніе и размашистыя тѣлодвиженія мало помалу слабѣли. Разумъ началъ дѣйствовать болѣе, нежели воображеніе. Кругъ сообщенія между людьми разпространился; всѣ обратили вниманіе на то, чтобъ сдѣлать слогъ свой, то есть способъ выражаться, какъ можно яснѣе. Мѣсто поэтовъ заступили философы, которые, разсматривая прилѣжно различіе между вещами, ввели въ употребленіе слогъ простой, нынѣ называемой прозаическимъ. Сказываютъ, что учитель Пиѳагоровъ, Ферекидъ, изъ острова Скироса, первой началъ писать прозою. Наконецъ, языкъ піитическій изгнанъ изъ обыкновенныхъ разговоровъ и ежедневныхъ сношеній между людьми. Его стали употреблять только въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ служитъ украшеніемъ.

IV.

Истина и Басня.

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на бѣлый вышла свѣтъ.

Богъ съ ней! непригожа, какъ смерть худая,
Лицемъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.

Стукъ стукъ у всѣхъ воротъ: „пустите ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, вѣтрено, иззябла и дрожу!“
Нѣтъ мѣста, матушка; счастливая дорога!
Вездѣ ей былъ отвѣтъ. —
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ занесетъ;
Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами!
Вдругъ Басня, въ золотѣ, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся въ камняхъ дорогихъ,
Блистающихъ какъ жаръ, хотя фальшивыхъ,
На санкахъ золотыхъ,
На тройкѣ рысаковъ красивыхъ
Катитъ, и прямо къ ней: — „за чѣмъ ты здѣсь, сестра?
Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!“
Ты видишь, зябну! люди глухи:
Ни кто мнѣ не даетъ пріюты ни на часъ.
Я всѣмъ страшна! мы жалкой людъ, старухи:
Какъ будто отъ чумы, всѣ бѣгаютъ отъ насъ! —
„А ты вѣдь мнѣ большая,
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь міръ моя семья!
И кто жь виной? за чемъ таскаешься нагая?

Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску любить свѣтъ?
Изволь-ка выслушать мой сестринской совѣтъ:
Намъ должно быть дружнѣй, и жить не такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ въ моей ходить одеждѣ.
Съ *тобой* — и для меня отворитъ дверь мудрецъ,
Со *мною* — и тебя не выгонитъ глупецъ;
А глупымъ нынче родъ — и родъ весьма обильной!"

Тутъ Истина, умильной
На Басню обративши взоръ,
Къ ней въ сани прыгъ . . . летятъ, и слѣду нѣтъ! — Съ тѣхъ поръ
Вездѣ сестрицы неразлучно:
И Басня неглупа, и съ Истиной нескучно.

В. Жковск.

ПОЛИТИКА.

I.

Письма изъ Молдавіи (*).

Яссы, 2 Января 1805.

Я намѣренъ теперь, любезный братецъ, удовлетворить твое желаніе; опишу физическое свойство Молдавіи.

Поверхность сей плодоносной земли весьма различна въ округахъ. Часть Молдавіи, прилежащая къ Венгріи и Буковинѣ, гориста и покрыта обширными лѣсами. Средняя полоса ея и округи, сопредѣльные Подоліи, Бессарабіи и Валлахіи, состоятъ изъ пространной плодоносной ровнины съ небольшими волнообразными возвышенностями. Прутъ и другія меньшія рѣки протекаютъ по сей ровнинѣ. Находятся также, а особ-

(*) При нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, страна, здѣсь описываемая, заслуживаетъ особливое вниманіе публики. Молдавія вмѣщаетъ въ себѣ 1600 кв. миль земли и 730,000 жителей; Валлахія только 1025 кв. миль, но 950,000 жителей. — *Изд.*

ливо подлѣ горъ, озера, которыя придаютъ чрезвычайную красоту мѣстамъ, лѣсами изобилующимъ. При берегахъ растетъ тростникъ, которой украшаетъ наши озера въ сѣверной Германіи, и котораго не найдешь ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи. Въ восточной части Молдавіи степи простираются на 20 квадратныхъ миль и болѣе, гдѣ совсѣмъ нѣтъ ни воды, ни лѣсу, ниже кустарниковъ; однако онѣ довольно тучны, и могли бы служить для пастьбищь, если бы только не было недостатка въ водѣ.

Пошва земли самая плодоносная. Она состоитъ по большой части изъ чернозема, подъ которымъ находятъ глину, смѣшанную съ известью и пескомъ. Вообще, земля чрезвычайно плодородна, а особливо когда хорошо ее обработаютъ. Удобреніе почитается излишнимъ; жители, не зная куда дѣвать навозъ, обыкновенно бросаютъ его въ ближайшую рѣчку, чтобы не испортить поля. Здѣсь произведенія земли точно такія, какія въ южной Германіи. Лѣса по большей части состоятъ изъ буку, дуба и липы. Въ южныхъ странахъ Молдавіи растутъ каштановыя и всякаго рода плодовитыя деревья. Обыкновенныя произведенія полей суть маисъ, пшеница и ячмень; ржи и овса сѣютъ очень мало. Дыни и арбузы

растутъ на открытомъ воздухѣ; послѣднїе бываютъ величиною съ тыкву, и въ жаркое время года служатъ обыкновенною пищею простому народу. Земля производитъ много спаржи, за которою однакожь худо смотрятъ. Въ среднихъ и южныхъ округахъ Молдавїи родится весьма хорошїй виноградъ.

Горы изобилуютъ рудами. Въ нихъ достаютъ немалое количество горнаго дегтю и каменной соли, которая во многихъ мѣстахъ употребляется. Въ одной ямѣ находятъ родъ соли, отличающейся крѣпкимъ своимъ запахомъ; она разпускается въ водѣ очень медлительно и съ великимъ трескомъ. Работники оставили сїю яму; потому что соль, когда ломаютъ ее обыкновенными горными орудїями, издаетъ искры и звукъ, подобный выстрѣлу. Главнѣйшая ломка соли производится при Окнѣ близь границы Седмиградской; другихъ минераловъ доставать не стараются. Желѣзныя, свинцовыя, мѣдныя и серебряныя руды могли бы приносить такїя же выгоды, какими пользуются въ Буковинѣ и Седмиградской области. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ находятъ золотой песокъ; слѣдственно должно думать, что есть и золотыя руды, чего однакожь я не утверждаю. Горы въ Молдавїи не такъ высоки, какъ въ Седмиградской области. Я не могъ

вымѣрять ихъ; но судя по отдаленїю, изъ котораго онѣ видны, полагаю высоту ихъ отъ 4 до 5 тысячь футовъ отъ поверхности моря.

Климатъ зимою гораздо холоднѣе, а лѣтомъ жарче, нежели какъ должно бы надѣяться, судя по широтѣ, подъ которою лежитъ Молдавїя. Стужа не рѣдко начинается въ началѣ Ноября, и передъ Рождествомъ бываетъ столь сильна, что рѣки — величественный Дунай и быстрыя, съ горъ текущїя — покрываются льдомъ толщиною въ одинъ футъ. Знатные люди, которые думаютъ о себѣ, будто имѣютъ обширныя свѣденїя въ физикѣ, желая показать, что ни въ чемъ не уступаютъ жителямъ Петербурга и Москвы, утверждаютъ, что стужа у нихъ почти такая же бываетъ, какая въ упомянутыхъ столицахъ, и что она доходитъ иногда *до 30 градусовъ выше точки замерзанїя*! Они не принимаютъ возраженїя, что столь чрезвычайная стужа изтребила бы виноградники, каштановыя и другїя нѣжныя плодовитыя деревья, также растенїя и травы; но увѣряютъ, что сїи произведенїя земли *привыкли къ холоду*. Стужа почти безпрестанно продолжается до половины Марта, а иногда и до Апрѣля. Потомъ наступаетъ вдругъ теплота, и черезъ двѣ или три недѣли все покрывается прекрасною зеленью.

Къ сожалѣнїю, сїя благодѣтельная, все оживляющая теплота весенняя скоро превращается въ несносной жаръ. Часто случается, что въ концѣ Мая трава на высокихъ мѣстахъ увядаетъ отъ солнечнаго зноя; въ это время стада должны искать себѣ пищи въ низкихъ мѣстахъ.

Молдавїя славится своими лошадьми и быками. Первыя въ особенности отличаются тѣмъ, что могутъ переносить великїя безпокойства и непогоду, потому что ихъ никогда, ниже въ самыя жестокїе морозы, не держатъ въ конюшняхъ. Впрочемъ извѣстно, что сїи лошади очень малы ростомъ. Рогатой скотъ бываетъ средней величины, и вообще носитъ шерсть синевато-сѣрую; онъ зиму проводитъ также на открытомъ воздухѣ, и отъ того получаетъ крѣпость, которая нужна ему для путешествїй въ Вѣну, Бреславь и другїя мѣста отдаленныя, и которая весьма уважается покупщиками. Въ Молдавїи свиньи и овцы составляютъ великое богатство. Первыя дорого цѣнятся въ Германїи за величину и длинную щетину; послѣднихъ вывозить не дозволено. Здѣсь овцы раздѣляются на разныя породы; нѣкоторыя изъ нихъ даютъ прекрасную шерсть. Козъ немного. Въ южной Молдавїи водятся буйволы. Молоко отъ сихъ животныхъ, а особливо сливки, причисляются къ лучшимъ яствамъ.

Рѣки, пруды и озера изобилуютъ вкусною рыбою. Въ Прутѣ и Дунаѣ ловятъ, между прочимъ, удивительной величины бѣлугъ; пруды наполнены черепахами, которыхъ однакожь не ѣдятъ здѣшнїе жители.

Говоря о богатствахъ Молдавїи, можно еще прибавить великое множество дичи всякаго рода. Къ сожалѣнїю, нѣтъ недостатка въ стадахъ волковъ. Въ лѣсахъ водится много медвѣдей. Волки зимою ходятъ стадами отъ 20 до 30 вмѣстѣ, и бываютъ весьма опасны для овецъ. Табуны лошадей и стада рогатаго скота умѣютъ защищаться отъ нападенїй. Послѣднїя становятся обыкновенно въ кругъ, и обороняются рогами. Лошади также становятся въ кругъ, но только головами въ средину. Каждая изъ нихъ можетъ съ одного разу убить волка, если только попадетъ удачно.

Пчелы, которыхъ безчисленное множество находится въ Молдавїи, суть весьма важный предметъ промышленности. Онѣ доставляютъ большое количество воску и меду, не требуя за собою тщательнаго смотрѣнїя, которое въ Германїи затрудняетъ пчеловодство. Здѣсь медъ чрезвычайно хорошъ, и бѣлъ какъ снѣгъ; кромѣ прїятнаго, сладкаго вкусу, онъ издаетъ изъ себя прекрасной запахъ.

Если представишь себѣ, что Молдавія, кромѣ упомянутыхъ преимуществъ, имѣетъ еще другія отрицательныя, а именно, что въ ней нѣтъ ни ядовитыхъ насѣкомыхъ, ни червей, которые въ южныхъ земляхъ Европы дѣлаютъ много непріятностей и вреда: то согласишься, что сія земля, вразсужденіи физическаго свойства, принадлежитъ къ благословеннѣйшимъ странамъ въ свѣтѣ. Въ послѣднихъ годахъ здѣсь чувствованы были землетрясенія; однакожь онѣ не имѣли такихъ ужасныхъ слѣдствій, какія случаются на берегахъ Средиземнаго моря.

Можетъ быть, ты уже завидуешь мнѣ; удержись, и узнай прежде, какіе люди меня окружаютъ.

Яссы, 3 Января.

Со времени моего прибытія сюда, мнѣ все кажется, что нахожусь во многолюдномъ редутѣ; а ты знаешь, что я живу здѣсь уже другой годъ. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ меня странныя лица, разговаривающія между собою на неизвѣстныхъ мнѣ языкахъ; сверхъ того нравы ихъ и обычаи такъ далеки отъ нашихъ, какъ небо отъ земли. Сіи люди, не имѣя на себѣ масокъ, употребляемыхъ въ нашихъ маскерадахъ, и безъ нихъ очень хорошо умѣютъ притворяться.

Не удивительно, что въ сѣверныхъ странахъ Европы — въ которыхъ процвѣтаютъ земледѣлїе, ремесла и торговля — искуство притворяться и развращенность достигли высочайшей степени. Тонкїя ухищренїя и обманы господствуютъ во многолюдствѣ, напримѣръ въ большихъ городахъ Европы; слѣдственно, повидимому, не льзя думать, чтобы то же было въ странѣ, почти ненаселенной, гдѣ очень мало, и даже совсѣмъ не занимаются земледѣлїемъ, и гдѣ едва извѣстны названїя искуствъ, мануфактуръ и фабрикъ. Здѣсь ѣдешь иногда цѣлой день, не видя ни одной деревни; на плодоносныхъ равнинахъ и прїятныхъ возвышенностяхъ разсѣяны тучныя стада, веселыми пастухами охраняемыя. Когда съ вершины горы смотришь вокругъ себя на неистощаемыя богатства, которыми природа щедро даритъ человѣка, не требуя отъ него никакихъ усилїй; тогда кажется, что находишься въ Аркадїи, въ которой необразованность умовъ замѣняется чистотою нравовъ. Но сїе очарованїе исчезаетъ, какъ скоро войдешь въ одну изъ большихъ, неопрятныхъ деревень, называемыхъ здѣсь городами! Правда, путешественниковъ принимаютъ здѣсь весьма ласково, стараются предупреждать ихъ желанїя, и оказываютъ имъ возможныя услуги. Гостепрїимство, изгнанное изъ нашихъ многолюдныхъ странъ,

сначала столько нравится новому пришельцу, что онъ съ неудовольствіемъ вспоминаетъ о холодности, съ каковою у насъ встрѣчаютъ незнакомыхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ тотчасъ увидитъ совсѣмъ другое. Взорамъ его представится картина, столь отвратительная, что подобной не льзя найти въ цѣломъ свѣтѣ! Вообрази себѣ народъ, которой при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, во время цвѣтущаго своего періода отличался непостоянствомъ характера и вѣроломствомъ, народъ, которой нѣсколько уже столѣтій страдаетъ подъ игомъ непросвѣщенныхъ, грубыхъ тирановъ; и направляетъ всѣ душевныя способности свои единственно къ утонченію искуства обманывать! представь себѣ народъ, низвергшійся въ ужасную бездну моральнаго заблужденія и безчувственности, сихъ изчадій суевѣрія и постыднѣйшаго рабства! представь людей, которые способны и всегда готовы хладнокровно умерщвлять своихъ согражданъ, если только тиранъ обѣщаетъ имъ почетное мѣсто и пожитки убитаго! къ сему народу прибавь еще *другой*, которымъ попеременно владѣютъ разныя партіи, составляемыя изъ *перваго*, и разоряютъ его безъ милосердія: сей жалкій, угнѣтенный народъ, которому по справедливости надлежало бы владѣть благословенною отчизною, по природѣ своей очень добросердеченъ; но

развращенностію властелиновъ, превосходящихъ его въ дарованіяхъ, доведенъ до крайности. Богатѣйшіе и знатнѣйшіе изъ Молдаванъ, съ простодушіемъ жалуются на то, что не имѣютъ случаевъ образовать себя въ искуствѣ общежитія и политики, которымъ должны удивляться въ счастливыхъ, хотя впрочемъ ненавидимыхъ, своихъ повелителяхъ. Если представишь себѣ еще *третій* (*) народъ, немногочисленный, управляемый *вторымъ* по примѣру *перваго* самовластно, и униженный до состоянія скотовъ; то получишь понятіе о планѣ картины, которой опишу тебѣ нѣкоторыя подробности.

Яссы, 7 Января 1805.

Можетъ быть тебѣ кажется въ описаніи жителей Молдавіи многое слишкомъ увеличеннымъ; слѣдующія подробности подтвердятъ истину сказаннаго.

Турки, зная непостоянной характеръ Грековъ, не безъ причины страшатся сего народа, опаснаго по многолюдству, богатствамъ и особенно по хитрости. Но здравой

(*) Авторъ подъ упоминаемыми тремя народами, вѣроятно, разумѣетъ Грековъ, Молдаванъ и Цыганъ; послѣдніе служатъ въ рабствѣ у Молдаванъ.

разсудокъ внушаетъ Туркамъ, что имъ нечего бояться, если только будутъ питать между Греками вражду и разномыслїе. Сїя хитрость съ успѣхомъ употребляется Турецкими Министрами, которые, въ семъ отношенїи, всегда достигаютъ своей цѣли. Теперь считается не болѣе 6ти Греческихъ первостепенныхъ фамилїй; изъ нихъ назначаются, на неопредѣленное время, Господари Воложскїе и Молдавскїе. Прочїя Княжескїя фамилїи должны жить въ Константинополѣ, въ особенной части города; онѣ не могутъ надѣяться быть владѣтельными въ Молдавїи и Валлахїи, если не умѣютъ низвертнуть съ трона своихъ совмѣстниковъ или подарками, или оклеветанїемъ. Кто искусенъ въ политическихъ хитростяхъ, и довольно способенъ для должности Драгомана Порты; тотъ вѣрно можетъ получить, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, мѣсто Господаря. Необходимо нужно собрать многочисленную и вѣрную партїю, какъ для того, чтобъ утвердиться въ атомъ достоинствѣ, такъ и для того, чтобъ низвергнуть богатыхъ и сильныхъ противниковъ. — Князья, живучи въ Константинополѣ, не могутъ имѣть многихъ явныхъ связей; слѣдственно безъ вѣрныхъ сообщниковъ не возможно было бы тайно дѣйствовать съ успѣхомъ. Между тѣмъ надобно знать обо всемъ, что ни происходитъ; надобно имѣть

въ готовности человѣкъ до двадцати ложныхъ свидѣтелей; привлечь на свою сторону Бояръ Молдавскихъ и Валлахскихъ; приобрѣсть благоволенїе неприступной любимицы Султана, и склонить Министра посторонней сильной Державы, такъ чтобы не подать ни малѣйшаго подозрѣнїя, и проч. Но какимъ же образомъ сдѣлать все это, безъ вѣрныхъ сообщниковъ, безъ людей усердныхъ? какимъ образомъ склонить людей на свою сторону, если не обѣщать имъ такой награды, какую они получили бы отъ другаго? и что можно дать или обѣщать симъ людямъ, кромѣ увѣренности и надежды грабить несчастной народъ, не боясь наказанїя! О другомъ награжденїи и думать не льзя; ибо Княжества никогда изъ долговъ не выходятъ. Партїя, состоящая обыкновенно изъ нѣсколькихъ сотъ фамилїй, по большей части дворянскихъ, умѣетъ пользоваться приобрѣтеннымъ полномочїемъ не только во время пребыванїя Господаря въ провинцїи, но и послѣ до тѣхъ поръ, пока благодѣтель ихъ находится въ Константинополѣ. Честные доходы, получаемые сими людьми отъ мѣстъ, простираются не свыше издержекъ, потребныхъ для прожитїя въ Яссахъ или Бухарестѣ. Прочїя стяжанїя — и знатныя денежныя суммы, посылаемыя въ Константинополь — суть плоды гнуснаго грабительства.

Господарь, хорошій или дурной, долженъ терпѣть всѣ безпорядки; ибо иначе онъ не можетъ удовольствовать сихъ жадныхъ тварей.

Князья и сообщники ихъ во время правленія обогащаются обыкновенно такимъ образомъ: Господарь, имѣя власть самодержавную, — кромѣ того, что ему запрещено содержать войско, и бить монету — раздаетъ всѣ главныя должности людямъ, способствовавшимъ ему въ достиженіи цѣли. Мѣста, которыя по древнимъ договорамъ должны быть заняты природными жителями, предаются тому, кто болѣе за нихъ заплатитъ; сіи мѣста суть важнѣйшія въ гражданскомъ управленіи. Теперь можешь представить себѣ, каково здѣшнее правосудіе! Исполнительная часть находится въ рукахъ Грековъ. Въ каждой Молдавской округѣ бываетъ по одному и по два, такъ называемыхъ, *Исправника*; лучше ихъ никто не умѣетъ собирать *налоговъ*. Все, что можетъ собрать *Исправникъ*, сверхъ суммы принадлежащей Господарю, достается ему; надобно думать, что доходы его чрезвычайно велики, потому что въ небольшихъ городахъ онъ самъ и судья и исполнитель, на котораго нѣтъ аппелляціи. Однакожь недавно сдѣланы нѣкоторыя перемѣны. По требованію Россійскаго Двора, которому больно

смотрѣть на бѣдствія своихъ единовѣрцовъ, Порта не только опредѣлила, какую именно сумму Господарь долженъ получать отъ подданныхъ, но даже позволила жаловаться на несправедливыя притѣсненія. Можно надѣяться, что бѣдные жители Молдавіи скоро сдѣлаются счастливыми — если только ни что не помѣшаетъ исполненію человѣколюбивыхъ намѣреній.

(*Продолженіе въ слѣд. Нум.*)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Печальная трагедія скоро должна окончиться; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя обстоятельства подаютъ поводъ ожидать сей счастливой эпохи. Во всѣхъ поступкахъ Врага человѣческаго рода видны явные признаки помѣшательства въ умѣ; тому доказательствомъ служить могутъ анекдоты, помѣщаемые въ *скромныхъ* бюллетинахъ главной Французской арміи. Выпишемъ нѣкоторые. Октября 28, по утру въ 8 часовъ, когда Министры Баварскій, Испанскій, Португальскій и Турецкій, находившіеся въ Берлинѣ, явились во Дворцѣ, вѣроятно по предварительному приказу,— Наполеонъ, подошедши къ г-ну Аргиропуло, велѣлъ ему поскорѣе отправить нарочнаго въ Константинополь съ извѣстіемъ о послѣднихъ происшествіяхъ, также и о

томъ, что *Русскіе уже не вступятъ въ Молдавію, и ничего не начнутъ противъ Оттоманской Имперіи!* Слова сіи конечно разсмѣшили бы г-на Аргиропуло, еслибъ онъ выслушалъ ихъ не отъ тирана, питающагося человѣческою кровію. — Въ тотъ же день представили Наполеону Графа Неаля. „Ну, что! — сказалъ тиранъ: ваши жены хотѣли войны; вотъ слѣдствія! вамъ надлежало бы смотрѣть прилѣжнѣе за своимъ семействомъ.“ Надобно знать, что Наполеону поданы перехваченныя письма, будто бы писанныя дочерью Графа Неаля; въ нихъ сказано между прочимъ: когда Наполеонъ не хочетъ воевать, такъ надобно объявить ему войну. „Такъ! — продолжалъ Врагъ человѣческаго рода: *я не хочу воевать*, потому что *дорого цѣню* кровь моихъ народовъ (*его* народовъ!!). Добрые жители Берлинскіе содѣлались жертвою войны, а виновники ея спаслись. О! я унижу этихъ придворныхъ! я заставлю ихъ просить милостыни!“ Здѣсь по смыслу должно догадываться, что Бонапарте, произнося послѣднія слова, скрежеталъ зубами. Членамъ городоваго правительства онъ сказалъ: „Смотрите, чтобъ окна у всѣхъ были цѣлы. *Мой братъ*, Король Прусскій, сложилъ съ себя Короревское достоинство въ тотъ самой день, когда не приказалъ взять подъ караулъ Принца Лудовика-Фердинанда, которой осмѣлился разбивать окна

у Министровъ.“ Басня объ окнахъ столько полюбилась Наполеону, что онъ, ругаясь надъ плѣнными Прусскими жандармами, часто напоминаетъ, для чего они приходили острить сабли подъ окна дому г-на Лафоре, Французскаго Министра въ Берлинѣ! — Врагъ человѣческаго рода, скоро по пріѣздѣ въ Берлинъ, осыпалъ ругательствами Князя Гацфельда, времяннаго Губернатора столицы, и приказалъ ему тотчасъ удалиться въ свои деревни. Спустя нѣсколько минутъ, велѣно Князя Гацфельда задержать подъ стражею, отдать подъ военной судъ, и приговорить къ смертной казни. Княгиня, беременная около восьми мѣсяцовъ, упала къ ногамъ Наполеоновымъ, и просила помилованія мужу. „Не льзя — отвѣчалъ Бонапарте: вотъ перехваченныя письма; смотрите; вы знаете руку его? будьте сами судьею.“ Несчастная поминутно лишалась чувствъ. Бонапарте *смягчился*, и все дѣло кончилъ *забавною* шуткою: „Ну, такъ хорошо же! — сказалъ онъ: вотъ письмо; бросьте его въ огонь. По уничтоженіи сего документа, мнѣ уже не льзя будетъ осудить вашего мужа на смертную казнь.“ Княгиня тотчасъ бросила письмо въ каминъ, и Князь получилъ свободу. Военной судъ уже готовился приступить къ дѣлу; черезъ три часа Гацфельдъ былъ бы разстрѣлянъ.

Іеронимъ Бонапарте съ корпусомъ своимъ занялъ Шлезїю. Войска, такъ называемыя, союзныя (Баварскія, Виртембергскія и проч.) расположились во Франкфуртѣ при Одерѣ, въ Эрфуртѣ, въ Штеттинѣ и другихъ крѣпостяхъ Прусскихъ; потому что Наполеонъ всѣхъ Французскихъ солдатъ, находящихся въ Германїи, и даже во внутренности Францїи, ведетъ на убой въ южную Пруссїю. Въ департаментахъ учреждается народная гвардїя для охраненїя береговъ и для соблюденїя порядка.

Теперь во всей Францїи хватаютъ людей въ рекруты. По обыкновенїю, наборъ начинается тамъ ежегодно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ; но для нынѣшнихъ обстоятельствъ Наполеонъ велѣлъ выслать рекрутъ за границу въ началѣ 1807 года. Онъ отправилъ посланїе въ Сенатъ, написанное à la Бонапарте; сначала выхваляетъ свою *чрезвычайную умѣренность*, клевещетъ на Англїю и прочїя Державы; говоритъ, что не выведетъ войскъ своихъ ни изъ Берлина, ни изъ Варшавы до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ общїй миръ, пока завоеванныя Англичанами Испанскїя, Голландскїя и Французскїя заселенїя не будутъ ему отданы, и пока независимость Оттоманской Порты не утвердится на прочномъ основанїи; далѣе увѣдомляетъ, что объявилъ Бриттанскїе острова находящимися въ осадномъ состоя-

нїи, и что такой варварской поступокъ противенъ его сердцу; говоритъ, что готовъ заключить миръ; хвалитъ *премудрую* свою политику (la s-gesse de nos motifs politiques), и въ заключенїе всего требуетъ, чтобы Сенатъ велѣлъ поскорѣе набрать людей въ рекруты.

Распоряженїя, сдѣланныя Наполеономъ вразсужденїи Англїи, по внушенїю вѣрнаго клеврета его, революцїоннаго Эксъ-Елиско-па Талейрана, содержатся въ слѣдующихъ статьяхъ: Острова Великобриттанскїе должны быть въ осадномъ состоянїи; запрещается имѣть сношенїя съ островами Великобриттанскими. Письма, надписанныя въ Англїю, или къ Англичанину, или *писанныя на Англїйскомъ языкѣ*, будутъ задержаны въ почтовыхъ конторахъ; всѣ Англїйскїе подданные, *какого бы ни были званїя*, находящїеся въ областяхъ, занятыхъ Французскими войсками, будутъ схвачены, какъ военноплѣнные; магазины, товары и вообще безъ изъятїя все принадлежащее Англїйскому подданному, будетъ взято и объявлено законною добычею; корабли, плывущїе изъ Англїи или изъ Англїйскихъ колонїй, запрещается впускать въ пристани. О точномъ по сему исполненїи разосланы приказы въ Испанїю, Неаполь, Голландїю, Этрурїю и въ другїя земли, *союзныя* съ Францїею.

Замыслы Французскаго Посла Себастїяни не имѣли тѣхъ слѣдствїй, какихъ ожидалъ Бонапарте. Диванъ открылъ глаза, и увидѣлъ пропасть, изрытую для него революцїонною политикою. Благоразумныя, рѣшительныя представленїя Посланниковъ Россїйскаго и Англїйскаго сдѣлали то, что Порта Оттоманская согласилась на всѣ справедливыя ихъ требованїя. Князь Морузи и Повѣренный въ дѣлахъ Князя Ипсилантїя, представляющїй лице своего Господаря, 17 Октября облечены въ почетные кафтаны, въ знакъ возстановленїя ихъ въ прежнее достоинство. Г. Италинскїй, который приготовился-было къ отъѣзду изъ Константинополя, остался въ сей столицѣ, и объявилъ Россїйско-Императорскимъ подданнымъ, что между Россїею и Портою по прежнему господствуетъ доброе согласїе. То же съ своей стороны сдѣлалъ Г. Арбутнотъ, Англїйскїй Посланникъ. Это заставило теперь Наполеона кричать, что Порта потеряла свою независимость!

Курфирстъ Гессенъ-Кассельскїй и сынъ его выѣхали изъ своихъ владѣнїй, которыя Наполеонъ *навсегда* присвоилъ себѣ, потому что упомянутые Князья состояли въ Прусской службѣ, первой въ достоинствѣ Фельдмаршала, другой въ чинѣ Генерала, и что владѣтельному Князю не прилично быть въ зависимости отъ другой Державы! Злое ру-

гательство! Изъ войскъ Курфирста Гессенскаго Бонапарте велѣлъ набрать для своей службы нѣсколько баталіоновъ; арсеналы и магазины перевозятся въ Майнцъ; дѣла въ присудственныхъ мѣстахъ отправляются именемъ Наполеона. Столь же злодѣйски поступлено съ Герцогствомъ Брауншвейгскимъ. Изъ Шверина увѣдомляютъ, что вся тамошняя область занята войсками Французскими, на тѣхъ же правилахъ, какъ и Гессенъ. Генералъ Мишо объявилъ побудительныя тому причины: 1, что три сына Герцогскіе состояли въ Прусской службѣ; 2, что въ прошломъ году войска Русскія и Шведскія пропущены были черезъ владѣнія Мекленбургскія, и 3, что Россія заняла Молдавію и Валлахію.

Курфирстъ Саксонскій поѣхалъ въ Берлинъ на поклонъ къ Наполеону, а вѣроятнѣе, для испрошенія у него помилованія несчастнымъ своимъ владѣніямъ; ибо Французы дѣлаютъ въ Дрезденѣ то же, что и вездѣ, то есть, грабятъ все и расхищаютъ. Арсеналы, магазины, сокровища Курфиршескія, словомъ — ни что не могло укрыться отъ руки ненасытнаго хищника. Изъ городовъ неутральныхъ пріѣзжаютъ къ Наполеону съ жалобами. Гамбургскіе депутаты не застали его въ Берлинѣ. Куда онъ отправился — не написано въ газетахъ.

Въ Познани, городѣ лежащемъ въ южной Пруссіи, заводится гнѣздо мятежниковъ. Врагъ человѣческаго рода подущаетъ Поляковъ къ злодѣйствамъ, которыми самъ прославился въ мірѣ. Не думаемъ, чтобы многіе соблазнились прокламаціями, ничего необѣщающими, кромѣ бѣдствій и нищеты. Въ одной изъ нихъ написано между прочимъ: „Почтенныя матери! подавайте сюда ваши драгоцѣнные уборы, ваше золото: вмѣсто ихъ, украшайтесь вѣнками патріотизма; вотъ тогда-то сдѣлаемся достойными покровительства Наполеона великаго (*)!“ Повторимъ: не многіе соблазнятся такими прокламаціями; ибо каждому извѣстно, что сдѣлаться достойнымъ покровительства Наполеонова и заслужить висѣлицу, есть — одно и то же. Ни одинъ изъ мятежниковъ не избѣжитъ праведнаго мщенія.

(*) Не трудно рѣшить, кто *большій* изъ двухъ героевъ, Наполеонъ, или Братъ Діаволъ, недавно схваченный и повѣшенный въ Неаполѣ по приказанію брата Іосифа. Италіянскій разбойникъ, при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, могъ бы заслужить славу Ермака, избавивъ свое отечество отъ Французскаго ига; напротивъ того Наполеонъ ни чѣмъ не загладитъ своихъ злодѣяній.

Въ Портсмутѣ и другихъ приморскихъ городахъ Англїи собираются войска, назначаемыя для высадки; еще не извѣстно, гдѣ онѣ будутъ дѣйствовать. Нѣкоторые полки и баталїоны уже прибыли въ Сицилїю; другїе находятся еще на морѣ. Въ Испанїи ожидали высадки 40,000 Мавровъ, которыхъ Марокской Императоръ, какъ думали, обѣщалъ употребить для выгодъ Великобританїи. Сїе обстоятельство, или другїя мѣры, принимаемыя Англїйскимъ Правительствомъ, внезапно распространили такой ужасъ, что Князь Мира въ Октябрѣ мѣсяцѣ два раза чрезъ окружныя письма ко всѣмъ Интендантамъ и Коррежидорамъ вызывалъ дворянъ и богатыхъ жителей къ патрїотическимъ пожертвованїямъ, а народъ къ воспринятїю оружїя для защиты отечества въ предстоявшей опасности. Теперь опять все утихло, и повидимому въ Испанїи не ожидаютъ никакой высадки.

P. S. Въ Данцигѣ Прусскїя войска (ихъ 17,000, а по другимъ извѣстїямъ 14,000) приготовились защищать городъ. — Французы бросаютъ бомбы въ Торунь изъ за-Вислы. — Людовикъ Бонапарте занялъ Ганноверъ Голландскими войсками.

28 *Декабря*, 1806.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1807.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Индѣйцы.

(Повѣсть Г-на Ричардсона.)

Печальная Марано сидѣла на высокомъ утесѣ. Склонясь на бѣлую руку, въ тихомъ уединенiи, она горевала о своемъ любезномъ. Волосы ея небрежно развѣвались зефирами; прекрасное лицо орошалось слезами; въ голубыхъ глазахъ изображалось нѣжное безпокойство; грудь ея тяжело подымалась отъ частыхъ вздоховъ.

„Скоро ли возвратится онъ? говорила Марано: скоро ли возвратится милой Онейо, любимецъ моего сердца?... скоро ли увижу его?.. Волны Онтарiйскiя! принесите его на милую родину, возвратите его друзьямъ, возвратите нѣжнымъ моимъ объятiямъ!... Скоро ли увижу его?.. скоро ли быстрая лодка промчится по озеру, и принесетъ героя

къ счастливому острову? Такъ! счастливой островъ! тогда веселые крики раздадутся на твоихъ утесахъ, на обширныхъ равнинахъ, въ темныхъ рощахъ; тогда радость водворится въ нашемъ селенiи.... Старцы поспѣшатъ къ нему на встрѣчу... Но, ахъ! можетъ быть онъ погибъ! — можетъ быть теперь испускаетъ послѣднiй вздохъ на кровавомъ полѣ!.. Онъ стремителенъ въ своемъ мужествѣ и пылокъ въ жару юности! можетъ быть въ сiю самую минуту летитъ на непрiятеля, и — погибаетъ!"

Когда Марано такимъ образомъ питала свою горесть, почтенный Ононтiо пришелъ утѣшить ее. Онъ примѣтилъ безпокойство въ душѣ ея, и скрытно слѣдовалъ за нею изъ деревни. Это былъ отецъ Онея, одинъ изъ старѣйшинъ племени, уважаемый за мудрость свою и любимый за добродѣтели. Умѣренностiю, воздержанiемъ и дѣятельностiю въ юношескихъ лѣтахъ Ононтiо умѣлъ сберечь веселость и здоровье для старости. Не заботы, но время провело морщины на челѣ его; осанка старца была величественна, видъ прiятенъ; онъ любилъ Марану съ родительскою нѣжностiю.

„Утѣшься! сказалъ Ононтiо: не предавайся отчаянiю. Великiй Духъ, носящiйся въ вихряхъ и гремящiй въ тучахъ, Отецъ и Правитель вселенныя, будетъ твоимъ

покровителемъ. Но знай, дочь моя! только тотъ достоинъ его милостей, кто уповаетъ на его волю. Грѣшно напередъ придумывать горести, и почитать себя несчастными, когда въ самомъ дѣлѣ еще никакого несчастія не терпимъ. Своенравные, непостоянные люди, робкіе и вмѣстѣ высокомѣрные трепещутъ, воображая далекую опасность; сѣтуютъ, какъ будто бы дѣйствительно уже страдали. Они сами себѣ творятъ бѣдствія, нагло жалуясь на Всемогущаго. Берегись, любезная дочь! не возставай противъ Великаго Духа: ибо роптать и жаловаться безъ причины значитъ возставать противъ него. Онъ повелѣлъ намъ быть счастливыми, и оскорбляется нашимъ неповиновеніемъ: предаваясь тщетному сѣтованію, мы не повинуемся его волѣ; разрушая собственное спокойствіе, дѣлаемся врагами всеобщаго блага, имъ устроеннаго, равно какъ если бы нарушили покой ближняго... Утѣшься! скоро возвратится любезный Онейо, обремененный Бриттанскими добычами."

„Если супругъ возвратится здоровымъ — отвѣчала Марано; то пламенныя желанія мои исполнятся совершенно. Если возвратится онъ обремененный добычами Бриттанскими, это не увеличитъ моей радости." Индѣецъ изумился. — „Не ужели ты забылъ, — продолжала она — что я сама

Бриттанка, что насильно увезена изъ отеческаго дому, когда Утагами опустошалъ нашу землю, и разпространялъ ужасъ до самыхъ вратъ Албанскихъ? Родители мои погибли. Я была тогда ребенкомъ, но помню кровавое пораженіе. Старшій братъ мой спасся, а я сдѣлалась жертвою ярости непріятельской. Уже протекло нѣсколько лѣтъ; но при имени Бриттанца грудь моя наполняется восторгомъ."

„Я твердо былъ увѣренъ, — отвѣчалъ старецъ — что ты насъ любишь. Мы приняли тебя въ свое племя, а сердце твое не намъ принадлежитъ! Ты печалишься о странѣ своихъ родителей! . . . . Я называлъ тебя дочерью, Марано! а ты хочешь оставить меня?" При сихъ словахъ Ононтіо взглянулъ на нее съ нѣжностію. „Ты хочешь оставить меня?" — повторилъ онъ, и слезы заблистали на глазахъ его. Марано схватила руку старца, и прижала ее къ розовымъ губамъ своимъ. „Нѣтъ! никогда тебя не оставлю. Сердце мое принадлежитъ тебѣ и любезному Онею. Я почитаю тебя; могу ли забыть твое состраданіе? могу ли забыть тотъ ужасный день, когда Утагами, въ собраніи своихъ единоплеменниковъ, опредѣлилъ принести меня въ жертву своему богу Арескуи? ты былъ тогда посломъ отъ своего народа. Онейо тебѣ сопутствовалъ; онъ вздыхалъ, видя мои слезы. Увы!

я была слаба, безъ друзей, среди непріятелей. Онейо умолялъ тебя помочь мнѣ. Сердце твое тронулось; ты сжалился надо мною, выкупилъ меня, и назвалъ *своею*. Онейо поспѣшилъ избавить меня, разорвалъ оковы мои, и прижалъ меня къ своему сердцу. Любовь наша возрастала вмѣстѣ съ лѣтами; ты смотрѣлъ на нее благосклонно, и утвердилъ желанія наши своимъ согласіемъ. Я слыхала объ Европейскихъ искуствахъ, о драгоцѣнныхъ одеждахъ, о высокихъ чертогахъ: простота здѣшнихъ утесовъ и рощь гораздо для меня пріятнѣе. Но если Онейо не возвратится, — я погибла. Нѣсколько мѣсяцовъ протекло уже, какъ онъ удалился съ отборными воинами нашего племени. Уже матери оплакиваютъ дѣтей своихъ. Увы! Онейо пылокъ, а воины Албіонскіе неустрашимы; кровь ихъ враговъ уже обагрила Огіо. Канада трепетала при ихъ нашествіи, и — можетъ быть теперь сдѣлалась добычею ихъ мужества. Горе мнѣ! если сынъ твой палъ, печаль сразитъ тебя. Я знаю всю нѣжность любви твоей къ сыну; она вгонитъ тебя во гробъ: тогда кто будетъ утѣшать меня? кто будетъ моимъ другомъ? посреди чужаго народа, останусь сиротою безъ отца, которой защитилъ бы меня; безъ брата, которой подалъ бы мнѣ совѣтъ, помогъ бы мнѣ.“

Ононтіо хотѣлъ отвѣчать. Въ ту самую минуту подходитъ Индѣецъ, и разсказываетъ съ печальнымъ видомъ, что надежда ихъ племени исчезла; что нѣсколько Индѣйцевъ сосѣдственной страны, возвратившись изъ Канады, принесли вѣрное извѣстіе о совершенномъ пораженіи друзей ихъ; что они сами едва спаслись; что Онейо сражался храбро, былъ окруженъ непріятелями, и вѣроятно сдѣлался жертвою ихъ ярости.

Марано лишилась чувствъ. Ононтіо вздыхалъ; бѣдственное состояніе дочери и желаніе утѣшить ее на минуту остановили въ немъ дѣйствіе собственной горести „Если сынъ мой палъ — сказалъ старецъ; то онъ умеръ, какъ прилично воину. Слава его сохранится, и дойдетъ до потомства въ пѣсняхъ военныхъ; имя его устрашитъ Европейца, когда предводители будущихъ временъ, съ яростію устремившись изъ лѣсовъ своихъ, окружатъ въ полночь жилище его, и поразятъ слухъ его кликами смерти. Отмщеніе за смерть Онейо!“ — Отмщеніе! — повторилъ Индѣецъ: вѣстники нашего бѣдствія послѣ пораженія устремились къ стѣнамъ Квебекскимъ, захватили часть непріятелей, и привезли ихъ на нашъ островъ. Старѣйшины опредѣлили принесть ихъ въ жертву памяти погибшихъ; исполненіе приговора отложено до твоего прибытія.

„Увы! — вскричала Марано: жертва плѣнниковъ мало принесетъ мнѣ утѣшенія. Смерть врага возвратитъ ли жизнь моему Онею? изцѣлитъ ли тяжкія раны его? оживитъ ли бездыханную грудь? . . . Оставь меня въ горести! оставь меня оплакивать его на горахъ уединенныхъ. Я проживу недолго; полечу къ моему любезному; встрѣчусь съ нимъ среди пустынь блаженной долины, гдѣ кровожадной врагъ не нападетъ на насъ. Оставь меня въ горести!... я гнушаюсь жизнію.“ Она просила напрасно. Индѣецъ и Ононтіо увели ее съ собою.

Племя Индѣйцовъ, которыхъ Онейо былъ предводителемъ, населяло островъ на озерѣ Онтаріо. Главная деревня лежала подлѣ пріятной рѣчки, выходящей изъ скалы, и текущей по узкой долинѣ въ озеро. Окрестные холмы украшались рощицами, луга покрывались зеленью и цвѣтами; деревня имѣла видъ круглой и была обнесена заборомъ изъ кольевъ. Стѣны хижинъ сдѣланы были изъ зеленаго дерну; кровли изъ тростнику и сухихъ листьевъ; все было просто. Великолѣпныя колоннады не гордились остроумными надписями, и пышное зодчество не возвышало до небесъ огромныхъ зданій. Ни высокіе храмы, ни грозныя башни, ни величественные чертоги не льстили тщеславію жрецовъ, политиковъ, воиновъ. Молодые люди, цвѣтущіе здоровьемъ

и крѣпостїю силъ, обыкновенно занимались звѣриною ловлею. Они обязаны были доставать съѣстные припасы для общества, и защищать его отъ непрїятельскихъ нападенїй. Женщины, всѣ старые и малолѣтные, неспособные къ труднымъ и опаснымъ предпрїятїямъ, оставались въ деревнѣ, и занимались работами, приличными своему возрасту и состоянїю; удобряли близь-лежащїя нивы для посѣву сорочинскаго пшена и другихъ полевыхъ растенїй; разводили лѣкарственныя травы, старались познавать ихъ свойства, и приготовляли для употребленїя. Женщины смотрѣли за дѣтьми, домашнимъ хозяйствомъ, умѣли искусно плести одежду изъ коры благовонныхъ деревъ; доставали соки изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыми намазывали лица своихъ воиновъ, чтобы сдѣлать ихъ ужаснѣе на сраженїи; съ особливымъ искуствомъ умѣли ткать ленты и пояса изъ вампа (*); разноцвѣтныя краски служили у нихъ знаками дружбы для родныхъ, союзниковъ и плѣнныхъ, принимаемыхъ ими въ свое племя. Дѣти заранѣе привыкали къ трудамъ и опасностямъ, заранѣе обучаемы были дѣйствовать лукомъ, весломъ, копьемъ и бросать изъ пращи. Когда юноши возвращались домой послѣ охоты, или другаго

(*) Родъ тростника.

какого-нибудь предпріятія, вся деревня представляла зрѣлище торжественной радости. Старики вмѣстѣ съ молодыми мѣшались въ хороводахъ, и въ пѣсняхъ своихъ прославляли подвиги воиновъ. Но когда надлежало заняться дѣломъ важнымъ, касающимся до благосостоянія племени; тогда тишина и благочиніе господствовали въ собраніи. Старѣйшины деревни, достигшіе сего достоинства не коварствомъ, не насиліемъ, истинно уважаемые за мудрость свою и опытность, собирались на открытомъ мѣстѣ посреди деревни, подъ тѣнію столѣтняго дуба. Каждой, одинъ послѣ другаго, произносилъ свое мнѣніе о предлагаемомъ дѣлѣ, спокойно и безъ остановки. Опредѣленія утверждаемы были большинствомъ голосовъ, и всѣ оставались довольны. Такимъ образомъ они жили невинно и счастливо. Не имѣя частной собственности, не были заражены страстію къ богатству, симъ ядомъ общественнаго благоденствія, сею отравою сердца. Владѣя всѣмъ вмѣстѣ, не знали ни терзаній сребролюбія, ни страшныхъ угрозъ нищеты, ни обмановъ, ни вѣроломства, ни притѣсненій. Люди, отличающіеся превосходными, отъ всѣхъ признанными достоинствами, имѣли въ рукахъ своихъ власть, и пользовались ею безъ тщеславія; слѣдственно не было мѣста ни высокомѣрію, ни случаямъ къ зависти, ни побужденіямъ

ко мщенію. Привыкнувъ къ трудамъ, къ умѣренности, жители острова вообще были мужественны, сильны, дѣятельны. Чувства любви и дружбы, не подавляемыя различіями состояній, не стѣсняемыя суетными, принужденными обыкновеніями, были пылки, чужды притворства и свободно изливались изъ сердецъ непорочныхъ.

Всѣ зарыдали, услышавъ о смерти Онея и другихъ своихъ братьевъ. Женщины въ разорванныхъ платьяхъ, съ растрепанными волосами, бѣжали на поле, наполняли воздухъ своими воплями, толпились вокругъ плѣнниковъ, и въ сильной горести осыпали ихъ ругательствами. Старѣйшины собрались; уже пылалъ костеръ, на которой долженствовали быть повержены несчастныя жертвы; ножи, сѣкиры и другія смертоносныя орудія лежали въ готовности; плѣнники, обремененные тяжкими оковами, приведены на мѣсто жертвоприношенія.

Хотя Марано терзалась жестокою горестію, но крики Индѣйцовъ и ужасныя приготовленія къ мучительствамъ обратили ея вниманіе на плѣнниковъ. Она смотрѣла на нихъ съ жалостію. Предводитель ихъ былъ молодъ, статенъ, пригожъ, крѣпокъ; природа напечатлѣла на грозномъ челѣ его храбрость и мужество; огненные глаза его, въ которыхъ изображалась непобѣдимая твердость, смотрѣли на приготовленія къ мучи-

тельной смерти равнодушно, а на враговъ съ презрѣніемъ. Храбрые товарищи его, казалось, неспособны были къ такой твердой рѣшительности; боязнь показывалась на ихъ лицахъ. Но взглянувъ на своего предводителя, они одушевились его примѣромъ и вооружились мужествомъ. Марано вздыхала. Чувство собственнаго несчастія исчезло на минуту. „Можетъ быть — говорила она въ душѣ своей — объ этомъ неустрашимомъ юношѣ станутъ также плакать, какъ плачу о моемъ Онеѣ; можетъ быть какая-нибудь милая дѣвица, которой клялся онъ въ вѣрности, теперь горюетъ, и ждетъ нетерпѣливо его прибытія; можетъ быть престарѣлый родитель, которому онъ былъ подпорою, безпокоится о его безопасности; можетъ быть осиротѣвшая сестра, безпомощная и оставленная подобно мнѣ, должна будетъ оплакивать смерть его!"

Тутъ Марано вспомнила о собственномъ состояніи, начала разсуждать о своихъ бѣдствіяхъ: она досталась въ плѣнъ въ юныхъ лѣтахъ; сдѣлалась чуждою своему народу, своимъ роднымъ; супруга ея не было уже на свѣтѣ; тотъ, котораго почитала вмѣсто отца, приближался теперь ко гробу. Сострадательное сердце ея забыло собственную горесть, и снова занялось жалостію о несчастныхъ жертвахъ. Марано удивлялась великодушію предводителя; смотря на

него, чувствовала въ себѣ необыкновенныя движенія, мучительную тоску; сама не понимала, что съ нею происходитъ; хотѣла подойти къ плѣннику. Онъ единоземецъ ея! . . . могла ли Марано видѣть грозящую ему погибель, и не стараться спасти его? . . . могла ли равнодушно смотрѣть на его мученія? . . .

Одинъ изъ Старѣйшинъ подалъ знакъ толпѣ. Все умолкло. Старѣйшина, принявъ на себя видъ строгости, произнесъ къ плѣннику: „костеръ пылаетъ, сѣкира изощрена! приготовься къ мученіямъ и жестокой смерти! Духъ погибшихъ носится надъ нами; онъ блуждаетъ по горамъ, и летаетъ въ вѣтрахъ; онъ требуетъ жертвы, и долженъ получить ее. Если у тебя отецъ или другъ? они тебя никогда не увидятъ! приготовься къ мученіямъ и жестокой смерти!“

Начинайте ваши мученія! — отвѣчалъ плѣнникъ: душа моя презираетъ ихъ. У меня нѣтъ родителей — некому плакать о Сидней; они погибли въ Албаніи, — погибли отъ безчеловѣчныхъ Индѣйцевъ. У меня была сестра — я лишился ее! она взята въ плѣнъ, и сдѣлалась жертвою неистовой вашей ярости. У меня есть друзья; но они Бриттанцы, — слѣдственно не знаютъ страха. Начинайте ваши мученія! душа моя презираетъ ихъ; но помните — день мести и для васъ настанетъ!

Марано изумилась. . . . Албанецъ, потерявшій своихъ родителей и сестру! . . . однимъ словомъ: онъ былъ братъ ея. Оба удивлялись, оба излили чувствованія любви братней! Марано упала на трепещущую грудь его; Сидней прижалъ ее въ своихъ объятіяхъ; душа его успокоилась. Марано нѣсколько времени не могла промолвить ни слова. Наконецъ прерывающимся голосомъ сказала: „Я нашла тебя, любезный братъ, утѣшеніе и защита моя! ты будешь радовать меня нѣжною своею любовію, будешь путеводителемъ въ дикой пустынѣ горестной моей жизни, будешь мнѣ вмѣсто отца! . . . Отчаяніе терзало меня; я была всѣми оставлена; душа моя изнемогала: а теперь . . . о! теперь стану все сносить терпѣливо.“ — Потомъ, обратясь къ изумленному народу, продолжала: „это братъ мой! братъ, рожденный отъ однихъ родителей. Если я заслужила милость вашу, то спасите его отъ погибели.“ Народъ былъ чрезвычайно тронутъ. „Не бойся! — сказалъ Ононтіо (онъ говорилъ съ согласія старѣйшихъ) не бойся! братъ Мараны заступитъ у насъ мѣсто Онея! Молодой человѣкъ — продолжалъ старецъ обратясь къ чужестранцу — я лишился сына Марано — супруга, племя — храбраго воина. Онъ убитъ народомъ вашей земли; мы хотѣли умилостивить Духъ его, принести жертву

его памяти. Но ты братъ Мараны; по ея просьбѣ мы отмѣняемъ свое намѣренїе, и принимаемъ тебя въ свое племя. Будь братомъ нашему народу, будь моимъ сыномъ. Заступи мѣсто умершаго, и наслѣдуй его славу; ибо ты также неустрашимъ и мужественъ." При сихъ словахъ Ононтїо подалъ ему калюметъ мира (*) и поясъ изъ вампа. Сидней слушалъ его съ почтенїемъ, но весьма удивился столь неожиданной перемѣнѣ. Переходъ отъ гнѣва къ сильной, горячей дружбѣ казался ему непонятнымъ. „Ты мыслишь — сказалъ Ононтїю — какъ Европейцы, которыхъ наружность внушаетъ къ себѣ почтенїе, но коихъ души исполнены вѣроломства и непримиримой злобы. Они показываютъ на лицѣ улыбку, между тѣмъ какъ измѣна гнѣздится въ ихъ сердцѣ; дружески подаютъ руку, между тѣмъ какъ думаютъ о способѣ нанести обиду. Гнѣвъ ихъ, соединенный со злостїю, продолжается по смерть. Кажется довольно обнаружить, что чувствуемъ нанесенную намъ обиду, и тѣмъ предохранить себя отъ оскорбленїй; нѣтъ, они стараются погубить врага, и покрыть его вѣчнымъ безславїемъ. Нося злобу въ сердцахъ своихъ, они почитаютъ злобными и своихъ противниковъ. Гнѣвъ ихъ не уменьшается удовлетворенїемъ; онъ усиливается отъ страха, и превращается

(*) Трубка съ табакомъ.

въ ненависть. Для нихъ легче забыть чужой проступокъ, нежели обиду, другимъ отъ нихъ нанесенную. Неумолимый нравъ, питаемый злостію, робостію и безсиліемъ, господствуетъ въ изнѣженныхъ душахъ ихъ. Таковы ли благородныя сердца въ гнѣвѣ своемъ? Нѣтъ! онѣ склонны къ примиренію, даже ко дружбѣ. Люди кроткіе, неиспорченные жадными и высокомѣрными желаніями — и потому неогорчаемые бѣдственными ихъ послѣдствіями: завистію и памятозлобіемъ — всегда великодушны, всегда хотятъ быть прощаемы, и всегда прощать готовы. Видя близкую смерть, вы обвиняли насъ въ жестокости. Дерзко есть думать, будто человѣкъ, котораго Великій Духъ одарилъ разумомъ, свирѣпѣе звѣрей пустынныхъ; ибо и они тогда только кровожадны, когда защищаютъ собственную жизнь свою. И такъ не судите о нашемъ поступкѣ, пока не узнаете причинъ и не разсмотрите нашего состоянія. Тотъ истинно жестокъ и безчеловѣченъ, кто для удовлетворенія желаній корыстолюбивыхъ, постыдныхъ, унижающихъ разумъ, недостойныхъ человѣческой природы, нарушаетъ спокойствіе невинныхъ, коварно поступаетъ съ простосердечными, угнетаетъ слабыхъ и беззащитныхъ, измѣняетъ вѣрному другу, и вольность своего народа продаетъ за золото. Индѣйцы не таковы. Правда, разумъ нашъ непросвѣщенъ,

но наша совѣсть непорочна; страсти наши пылки, но неиспорчены. Будучи жестоко огорчены бѣдствїемъ, насъ постигшимъ, будучи исполнены почтенїя къ памяти отличнаго воина, мы хотѣли умилостивить духъ его, и принести достойную дань его добродѣтели. Мы не печалимся о погибшемъ — онъ счастливъ; память его на вѣки останется между нами: но жалѣемъ о себѣ самихъ, жалѣемъ, потому что его лишились. Мы не думали обижать васъ; но хотѣли почтить умершаго. Вы готовы были вкусить смерть; чтожь? рѣшительному, неустрашимому воину смерть не есть безславїе. Она освобождаетъ его отъ тѣлесныхъ немощей, и ведетъ въ западныя долины блаженныхъ. Смерть есть несчастїе только для слабаго, для того, кто обезчестилъ память свою, обезобразилъ природу свою презрительною робостїю, — для того, кто оскорбляетъ Всемогущаго своею недовѣрчивостїю. Мы удивлялись вашей твердости; мы не чувствовали къ вамъ ни зависти, ни злобы; мы не имѣли намѣренїя обезславить вашу память: теперь смѣло предлагаемъ вамъ свою дружбу.

Могу ли — отвѣчалъ Европеецъ, чрезвычайно удивленный — я, произшедшїй отъ другаго племени, отъ народа враждебнаго вамъ, исповѣдующаго другую вѣру, могу ли быть принятъ въ ваше племя?

„Это языкъ предразсудка, — отвѣчалъ Ононтїо: простой, чистосердечной Индѣецъ, сынъ природы, незараженный рабскими предубѣжденїями, не знаетъ вашихъ отличїй. Великой Духъ не есть ли общїй отецъ нашъ? Не всѣ ли мы дѣти одного семейства? Не носимъ ли въ составѣ тѣла, въ душѣ нашей несомнѣнныхъ признаковъ одного начала? Природа, всегда мудрая, пекущаясь о своихъ дѣтяхъ, привязываетъ насъ къ друзьямъ, и въ сердцахъ великодушныхъ раждаетъ непобѣдимую любовь къ отечеству: но она никогда не повелѣвала намъ презирать чужестранца. Бѣгай порока; убѣгай всѣхъ тѣхъ, коихъ испорченныя склонности помрачатъ твою невинность, и заразятъ сердце твое злодѣйствомъ: всякое другое отличїе, отчуждающее насъ отъ человѣчества, есть уже начало гордости и постыднаго предразсудка. Ты другой вѣры? Это неправда. Подобно Индѣйцу, ты признаешь власть, мудрость и благость Всетворящаго Духа. Нѣтъ нужды, что наружные обряды вашего исповѣданїя отличны; нѣтъ нужды, что вы открываете милосердїе и всемогущество Творца въ чрезвычайныхъ явленїяхъ. Держи вѣру свою, будь свободенъ, люби свое отечество: но дай намъ свою дружбу и непобѣдимое мужество.“

Похваляю свободу и высокїя чувствованїя, — отвѣчалъ Бриттанецъ: гнущаюсь

лицемѣрною набожностїю и нелѣпыми предразсудками, унижающими человѣческую природу; но не могу согласиться, будто дикая жизнь Индѣйца предпочтительнѣе образованности ЕвропейскихЪ народовЪ.

„Что пользы вЪ этой образованности? — сказалЪ Ононтїо: укрѣпляетЪ ли она душу? дѣлаетЪ ли тебя неустрашимымЪ? дѣлаетЪ ли тебя способнымЪ переносить горести, и полагаться на волю НебесЪ? внушаетЪ ли терпѣнїе, спокойствїе, твердость? НѣтЪ! она разслабляетЪ душу; она причиною, что вы безпрестанно жалуетесь, и почитаете себя несчастными. Образованность даетЪ ли здоровье, силу? дѣлаетЪ ли васЪ способными покорять страсти? НѣтЪ! она раждаетЪ невоздержность и вольнодумство. Она есть ИсточникЪ неудовольствїй и скорби! . . . Что пользы вЪ вашей образованности? ИсправляетЪ ли она сердце, совершенствуетЪ ли чувствованїя? Сердце презираетЪ ее; чувствованїя раждаются сами собою. Онѣ не требуютЪ просвѣщенїя. Онѣ созрѣваютЪ на свободѣ. Онѣ неразрывно соединены сЪ нашимЪ бытїемЪ. Природа не дала ихЪ вЪ волю нашимЪ прихотямЪ. Всѣ чувствованїя, которыя получаемЪ отЪ природы, суть живы и сильны. Утонченность ослабляетЪ ихЪ. Вспомни юность! ВЪ цвѣтущихЪ лѣтахЪ жизни человѣкЪ трогается всякою повѣстїю о

несчастіи; и слезы свои смѣшиваетъ со слезами каждаго страдальца. Тогда онъ неспособенъ къ вѣроломству, и смотритъ на порокъ съ ужасомъ! Далѣе — становится хитрымъ; чувства его слабѣютъ; онъ издѣвается надъ доброхотствомъ, и дружбу считаетъ мечтою; дѣлается несправедливымъ, вѣроломнымъ, рабомъ сребролюбія и высокомѣрія, добычею зависти, злобы, мщенія. Что пользы въ вашей образованности? Наслаждайся свободою и простотою натуры. Будь невиннымъ, будь Индѣйцомъ."

Между тѣмъ приплыло нѣсколько лодокъ, наполненныхъ вооруженными воинами. Всѣ обратили на нихъ взоры; всѣ изумились и обрадовались, увидѣвъ знамя своего племени, и товарищей, которыхъ считали погибшими. Надежда Мараны оживилась. Съ заботливостію она спросила объ Онейо. „Онейо погибъ!" отвѣчалъ одинъ Индѣецъ. Марано поблѣднѣла, и безъ чувствъ упала на трепещущую грудь Ононтія. „Онъ погибъ! — продолжалъ Индѣецъ — и вмѣстѣ съ нимъ цвѣтъ нашихъ воиновъ! Полчища Бриттанскія и Французскія окружили стѣны Квебека. Страшное было пораженіе! Земля трепетала, воздухъ стоналъ отъ многократныхъ ударовъ грома. Предводители обѣихъ сторонъ убиты. Славно скончали они жизнь свою! души ихъ были неустрашимы! ярость воспламеняла ратниковъ на

битвѣ жестокой и упорной. Наконецъ Албїонъ побѣдилъ. Сыны его, подобно быстрому потоку, устремились на враговъ своихъ. Мы совѣтовали Онею отступить. Жестоко поражая непрїятелей, и являя чудеса храбрости, онъ впалъ въ толпу вражескую. Молодой, отважной воинъ махалъ кровавымъ мечемъ своимъ, и стремился поразить Онея. Мы поспѣшили удалиться съ поля смерти; остановились въ близлежащемъ лѣсу, и видѣли успѣхи непрїятеля. Стѣны союзниковъ нашихъ разрушены. Мечь Албїона будетъ преслѣдовать насъ. Увы! нашего щита, нашего храбраго воина, нашего Онея нѣтъ уже на свѣтѣ!"

Всѣ громко зарыдали. Сѣтованїе ихъ было прервано внезапнымъ изумленїемъ повѣствователя. „Схватите его, растерзайте! — вскричалъ онъ, взглянувъ на Бриттанца: его мечь былъ поднятъ на Онея. Онъ пронзилъ грудь нашего предводителя. Онъ погубилъ его."

Ярость снова закипѣла въ народѣ. „Я невиненъ въ его смерти!" отвѣчалъ плѣнникъ. Но слезы его и прозьба Ононтїева заглушены были криками и ругательствами.

Индѣйцы опять повлекли Сиднея на мѣсто казни. Марано, терзаемая сугубою горестїю, вскричала: „Пощадите, пощадите его!... Это братъ мой.... Его руки обагрены кровїю моего супруга!... Не уже ли кромѣ тебя

некому было умертвить его!“ Смерть, смерть Бриттанцу! — закричалъ народъ. Марано прижала его къ груди своей, и обратясь къ разъяренной толпѣ, дикимъ голосомъ произнесла: „Онъ обагрилъ руки свои въ крови моего супруга; что нужды! Я защищу его, или — сама погибну. Пусть одно копье пронзитъ насъ. Поражайте! пусть родная кровь наша смѣшается.“

Несчастїе Мараны — которая лишилась супруга отъ руки брата своего — любовь, горесть, отчаянїе на лицѣ ея изображенныя, смягчили неистовство народа, и произвели въ немъ состраданїе. Ононтїо, пользуясь сею минутою, уговаривалъ народъ съ отеческою любовїю и властїю. Сѣдины его придавали достоинство тѣлодвиженїямъ. Онъ говорилъ языкомъ сердца — и говорилъ краснорѣчиво, убѣдительно. Всѣ слушали съ глубочайшимъ почтенїемъ; смягчились, отмѣнили жертвоприношенїе. Тогда онъ, подкрѣпивъ Марану утѣшенїемъ, повелъ плѣнниковъ въ безопасное мѣсто.

Удалившись отъ народа, спросилъ онъ Бриттанца: „Скажи мнѣ, виновенъ ли ты въ смерти моего сына?“ — Не знаю — отвѣчалъ плѣнникъ гордо и съ негодованїемъ: я поднималъ мечь противу враговъ своего отечества, и не отвѣчаю за кровь, которую пролилъ. — „Молодой человѣкъ! — сказалъ Ононтїо, съ безпокойствомъ и оте-

ческою нѣжностїю: подумай о чувствахъ отца. У меня былъ только одинъ сынъ, подпора и утѣшенїе моей старости. Если онъ подлинно сошелъ во гробъ; то для меня не остается болѣе радости на свѣтѣ. Но если онъ жизнїю своею одолженъ твоему снисхожденїю; то молитвы старика достигнутъ неба, и Великїй Духъ низпослетъ на тебя свое благословенїе.“ Слезы показались на глазахъ Ононтїя; голосъ его прерывался; онъ вздыхалъ. . . . „Скажи мнѣ, живъ ли сынъ мой?“

Мнѣ не извѣстно! — отвѣчалъ Бриттанецъ — я ли умертвилъ твоего сына. Имя его и достоинство мнѣ неизвѣстны. Въ жаркой битвы одинъ храбрый Индѣецъ напалъ на меня. Онъ былъ утомленъ, измученъ. Я обезоружилъ его, и уже готовился вонзить мечь въ грудь его. „Бриттанецъ! — сказалъ онъ твердымъ голосомъ: не подумай, будто я боюсь смерти. Я рѣшился на всѣ опасности; не для себя прошу пощады. У меня есть престарѣлый отецъ, котораго жизнь отъ моей зависитъ. Супруга моя чужда моему племени; кто будетъ ея покровителемъ?“ — Храбрый юноша! — отвѣчалъ я: поди, утѣшай и защищай друзей своихъ! — Я отпустилъ его съ поля битвы, и не старался узнать о его состоянїи; ибо, сохранивъ ему жизнь, я повиновался закону своего сердца. — Какая радость для Мараны, для Ононтїя!

Но мысль, что нѣсколько дней прошло послѣ сраженія, и что до сихъ поръ не получено никакого извѣстія объ Онеѣ, уменьшила ихъ радость.

Между тѣмъ Ононтіо совѣтовалъ дочери отвести чужестранцевъ въ отдаленное убѣжище, и хранить ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ силою власти своея совершенно не успокоитъ народа. „Не обвиняй нашего племени, судя по сему примѣру его пылкости! — сказалъ Ононтіо: мы повинуемся побужденію природы, и часто переступаемъ за предѣлы умѣренности; но буря страсти тотчасъ утихаетъ, и разсудокъ беретъ власть свою. Ты видишь здѣсь природу свободную, но необезображенную; мы скоро раздражаемся, но не знаемъ скрытной ненависти.

Наступила ночь. Индѣйцы разсѣялись по своимъ хижинамъ. Небо было тихо и безоблачно. Полная луна въ свѣтломъ и торжественномъ величіи взошла на востокѣ. Лучи ея отражались въ серебрянномъ сіяніи отъ гладкой поверхности озера. Сѣрые холмы и мрачные лѣса хранили безмолвіе. Только шумящіе вдалекѣ водопады и вопли матерей, оплакивающихъ безвременную смерть чадъ своихъ, нарушали тишину сію. Марано повела плѣнниковъ изъ деревни, вдоль по берегу озера. Они достигли уединеннаго, никѣмъ непосѣщаемаго убѣжища,

окруженнаго съ двухъ сторонъ крутыми, высокими утесами, украшеннаго цвѣтами, и пересѣкаемаго ручейкомъ извивающимся. Столѣтній дубъ осѣнялъ источникъ. Нѣкоторые плѣнники, ослабѣвшіе отъ усталости, нашедши сухія листья въ близлежащихъ пещерахъ, предались сладкому покою. Марано долго разговаривала съ братомъ своимъ; всѣ чувствованія души излила въ его нѣжное сердце; облегчила горесть свою, и утѣшилась въ его невинныхъ объятіяхъ. Скоро пріятной сонъ овладѣлъ ими. Кроткая улыбка играла на прелестныхъ устахъ спящей Мараны; волосы ея небрежно лежали на бѣлой груди. На лицѣ Сиднея изображалась неустрашимость воина, смягченная любезностію нрава. Братъ и сестра наслаждались счастливыми мечтаніями, и не предчувствовали грозящей опасности.

Когда луна достигла средины пути своего, прерывающійся шумъ пловцовъ тихо началъ раздаваться по озеру. Лодка приближалась, и мокрыя весла, показываясь изъ воды, блистали надъ глубиною. Судно остановилось у песчанаго берегу. Юноша, покрытый косматою медвежею кожею, вооруженный лукомъ и копьемъ, выскочилъ изъ лодки. Это былъ Онейо. Получивъ раны на сраженіи, онъ не могъ скоро возвратиться на родину, и съ нѣсколькими Индѣйцами

жилъ въ окрестностяхъ Монтреля. Разными травами и бальзамическими соками онъ успѣлъ вылѣчиться, и теперь возвращается къ своему племени.

„Я приду тайно — говорилъ онъ самъ себѣ: обрадую печальную Марану, и сѣтующихъ моихъ товарищей, которые безъ сомнѣнія считаютъ меня погибшимъ. Удивлю ихъ нечаяннымъ своимъ приходомъ. Любезная Марано теперь неутѣшно рыдаетъ. Я прижму къ вѣрному сердцу любезную супругу; она заплачетъ отъ радости. Поспѣшу. . . .“

Такъ думалъ Онейо. Вдругъ видитъ Марану въ объятіяхъ чужестранца! отскакиваетъ назадъ; долго стоитъ неподвиженъ въ изумленіи; терзаемый горестію и гнѣвомъ, произноситъ нѣсколько несвязныхъ словъ; опять подходитъ къ ней; удостовѣряется, что глаза не обманываютъ его. „Вѣроломная! — вскричалъ онъ, отступивъ назадъ, и поражая себя въ грудь: въ такомъ ли состояніи надѣялся я найти тебя! . . . въ объятіяхъ чужестранца! . . . Наглый похититель моего счастія! ты погибнешь. Кровь твоя смоетъ безчестіе. . .“ — Ярость сверкала въ глазахъ Онея. Схвативъ мечь, онъ устремляется поразить врага — и узнаетъ въ немъ своего избавителя. „Я обезславленъ моимъ благодѣтелемъ! . . . . долженъ ли обагрить руки свои въ крови его! Онъ спасъ

мою жизнь. . . . Увы! какая безчеловѣчная милость! . . . Всесильный Духъ! ты, котораго жилище въ облакахъ, котораго гласъ во громѣ, и котораго око проницаетъ сердца! проводи меня въ блаженную долину: Онейо не хочетъ жить на свѣтѣ!" — Онъ вздохнулъ. — „Еще разъ взгляну, въ послѣдній разъ взгляну на мою любезную; я почиталъ ее вѣрною; для нее жилъ, для нее и умираю!" — Подошелъ къ ней, взглянулъ на нее съ горестію и сожалѣніемъ. — „Она не станетъ плакать обо мнѣ! вѣроломная! она обрадуется, увидѣвъ бездушной трупъ мой! . . . Нѣтъ! я не для того любилъ ее, чтобы. . ." — Онъ схватилъ копье. Марано жалобнымъ и нѣжнымъ голосомъ произнесла его имя. Она мечтала объ Онеѣ. „Приди! — говорила Марано: поспѣши къ своей любезной! не медли Онейо!" и Онейо въ восторгѣ радости обнялъ Марану; она проснулась, увидѣла своего супруга, простерла къ нему руки свои. „Прочь! — вскричалъ Онейо, поспѣшно удаляясь: поди, люби своего чужестранца! прочь вѣроломная!" — Это братъ мой. . . . — „Твой братъ? . . . Чужестранецъ! ты даровалъ мнѣ жизнь! ты храбръ и великодушенъ! Скажи, назвать ли тебя своимъ другомъ, и принесть тебѣ мою благодарность — или почитать обманщикомъ, обольстителемъ, и наказать твою дерзость?"

Бриттанецъ понявъ его ошибку, отвѣчалъ коротко и спокойно; разсказалъ ему о всемъ случившемся, и въ доказательство сослался на его родителя. Индѣецъ успокоился. По утру возвратились они въ деревню. Ононтіо принялъ ихъ съ восхищеніемъ, и день тотъ былъ днемъ радости и удовольствія.

Съ Англійскаго — И. Гржв.

II.

Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго.

(Продолженіе.)

Русскіе около сего времени походили на учениковъ мудраго Конфуція (*); теперь они переиначились, а особливо въ столицахъ. Тогда мало обращались съ иностранцами, и вообще думали, что молодой человѣкъ, путешествовавшій въ чужихъ краяхъ, привозитъ въ свое отечество болѣе поро-

(*) Дѣтямъ повторяли: *когда что дурное попадется тебѣ на глаза, отворотись; когда что дурное говорятъ, не слушай; когда что дурное хочешь вымолвить, промолчи.* — *Авт.*

ковъ, нежели добродѣтелей. Тогда думали, что направлять умъ и воображеніе къ роскоши, легкомыслію, тщеславію, къ нуждамъ иноземнымъ, — значитъ засѣвать въ народѣ сѣмена порока, портить человѣка, дѣлать его несчастнымъ.

Тогда умѣли довольствоваться тѣмъ, что у кого было. Русскіе, гостепріимные и по нынѣ, обыкновенно говаривали, приглашая къ себѣ на обѣдъ: *пожалуй откушать, что Богъ послалъ*; и въ самомъ дѣлѣ предлагали гостямъ только произведенія земли отечественной, или рукъ людей, имъ подвластныхъ — избыточные плоды умнаго домоводства. Послѣдній изъ народа безъ смятенія приглашалъ къ себѣ знатнаго барина. Усердіе и добродушіе замѣняли то, чего недоставало на столѣ бѣднаго. Отцамъ, матерямъ (*) и старикамъ оказывали глубокое

(*) Матери сами кормили дѣтей своихъ, для которыхъ пріискивали наставниковъ, но никогда не думали ни о *гувернёрахъ*, ни о *гувернантшахъ*; родители сами смотрѣли за поведеніемъ дѣтей своихъ. Слабое здоровье и корыстные разсчеты не заставляли ихъ отсылать новорожденныхъ младенцовъ въ деревни для воспитанія — какъ это бываетъ нынѣ въ просвѣщенныхъ земляхъ, а особливо во Франціи, гдѣ знатные вель-

уваженіе, которое почитаемо было главною опорою общественнаго устройства и благонравія. Въ праздничные дни молодые люди обязаны были являться не только къ старѣйшимъ изъ родственниковъ, но даже ко всѣмъ друзьямъ отцовъ своихъ свидѣтельствовать почтеніе. Въ Россіи и теперь еще сіе наблюдается; я помню, что родитель мой всегда заставлялъ меня исполнять сію обязанность.

Также почиталось непремѣннымъ долгомъ въ большіе праздники обѣдать у старшаго родственника: сей обычай наблюдается и по нынѣ во внутренности Россіи, гдѣ моды Французскія не исказили еще стариннаго благонравія.

Никто не смѣлъ предпринять что-либо, не посовѣтовавшись съ ближними, старѣйшими родственниками. Въ дѣлахъ, относившихся до общей пользы, вся родня собиралась у старшаго, которой предсѣдательствовалъ въ семъ собраніи. Каждая фамилія во внутреннихъ дѣлахъ своихъ составляла родъ малой республики, гдѣ старѣйшины и по-

---

можи не стыдятся заглушать въ себѣ голосъ природы. Въ Россіи до сихъ поръ кажется это злодѣяніемъ; у насъ не понимаютъ, какъ можно рѣшиться на такой гнусной поступокъ. — *Авт.*

чтенные люди имѣли преимущественной голосъ. Всякой стыдился дурныхъ поступковъ своего родственника: для того всѣ совскупно старались исправить порочнаго, и удержать его въ границахъ должности. Нарушитель законовъ благонравія подвергался неминуемо суду ближайшихъ родственниковъ, или полнаго собранія всей фамиліи. Вотъ истинный судъ совѣсти!

Человѣкъ, оставленный родственниками и преданный гражданскому суду, былъ почитаемъ съ того времени не способнымъ къ исправленію, и вовсе не стоющимъ уваженія при самомъ еще началѣ дѣла. Царь Ѳеодоръ Алексіевичь высоко цѣнилъ сіи малыя семейственныя судилища, и очень много дѣйствовалъ черезъ нихъ на усовершенствованіе нравственности своихъ подданныхъ.

Екатерина II. во многихъ случаяхъ обнаружила доброе мнѣніе о фамильныхъ сужденіяхъ. Въ Наказѣ своемъ, которой служитъ основаніемъ Россійскому Законодательству, она возбуждаетъ любовь къ чувству древняго условія, употреблявшагося нашими предками въ договорахъ: *кто не устоитъ въ словѣ, тому будетъ стыдно.*

Изъ сего можно видѣть, что нравы и обычаи нашихъ предковъ были весьма не-

сходны съ обычаями нынѣшняго вѣка: однакожь Русскїе и теперь еще во многомъ разнятся отъ другихъ народовъ; и теперь еще они увѣрены, что молодой человѣкъ, умѣющїй молчать и краснѣть, подаетъ о себѣ весьма хорошую надежду, что застѣнчивость есть счастливой признакъ сердца неиспорченнаго, и что румянецъ, разливающїйся по лицу, есть слѣдствїе не малодушїя, но внутренняго отвращенїя отъ всего дурнаго. Между тѣмъ, какъ въ наши времена (*) въ Парижѣ послѣднїй изъ Адвокатовъ, достигши двадцати-лѣтняго возраста, почитаетъ себя первымъ законодателемъ свѣта, и ничего не стыдится, въ Россїи думаютъ, что гдѣ менѣе стыда, тамъ болѣе злодѣевъ.

Chez les ſombres devots, l'amour propre eſt damné.
„C'eſt l'ennemi de Dieu, aux enfers il eſt né.“
Vous vous trompés, ingrats! C'eſt un don de Dieu même. etc. etc.

Съ того времени, какъ Вольтеръ поразилъ симъ пїитическимъ перуномъ воображенїе Французовъ, съ того времени кажется самолюбїе начало дѣйствовать свободно;

(*) Это было писано во время Французской революцїи. *Перев.*

слѣдствія видимъ въ теперешнихъ произшествіяхъ Франціи. — Благодаря Бога, въ Россіи дѣйствующіе по внушенію одного самолюбія, а не любви къ добру, и въ наше время бываютъ всѣми благомыслящими презираемы. Царь Ѳеодоръ Алексіевичь никакихъ должностей не повѣрялъ такимъ людямъ. Сей мудрый Государь не уступалъ своему родителю въ искуствѣ управлять народомъ. Вельможи и послѣдніе изъ гражданъ, всѣ совокупно старались сообразоваться съ законами природы и совѣсти. Правило, что *человѣкъ безъ доброй совѣсти никуда не годится*, было у Русскихъ въ великомъ уваженіи. Предки наши занимались болѣе образованіемъ сердецъ, нежели *украшеніемъ* головъ пустыми идеями, знаніями ничтожными и вредными для внутреннихъ достоинствъ благонравнаго человѣка.

За малѣйшую ложь дѣтей наказывали. Нѣжныя матери часто говаривали: лучше теперь наказывать робенка, нежели допустить, чтобы дурныя привычки довели его до висѣлицы. Хотя въ то время только высшему Духовенству, разумѣвшему языкъ Латинской (*), извѣстна была старинная по-

(*) Иностранные писатели свидѣтельствуютъ, что и свѣтскія особы умѣли изъясняться на Латинскомъ языкѣ. *Изд.*

словица: *humanum est peccare, diabolicum perseverare* (*); однако смыслъ ея глубоко былъ напечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго гражданина, а особливо старѣйшины семейства. Потому-то почитали за честь признаваться въ своихъ ошибкахъ; а хитрыя уловки, для прикрытія оныхъ употребляемыя, были столь же строго наказываемы, какъ и самыя ошибки.

Простыя, но полезнѣйшія правила (Doveri negativi e Doveri positivi), которымъ доброй Фердинандъ *IV* учитъ своихъ подданныхъ въ книгѣ *о законахъ*, написанной для небольшой колоніи близь Казерты, соотвѣтствовали нравственности предковъ нашихъ, и обнаруживались во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Немного было книгъ учебныхъ; примѣры отцовъ занимали ихъ мѣсто, и дитя, достигая возмужалыхъ лѣтъ, дѣлалось несравненно совѣстнѣе всѣхъ нынѣшнихъ философовъ и законодателей Парижскихъ. Еще менѣе въ то время извѣстны были сіи искуства *человѣческой промышленности*, какъ обыкновенно теперь выражаются, которыя, занимая множество рукъ въ продолженіе тридцати, сорока или шестидесяти мѣсяцовъ, производятъ игрушку для минутнаго увеселенія богатаго человѣка, страждущаго

(*) То есть: человѣку свойственно грѣшить, діаволу — не исправляться.

безчувствїемъ подъ тяжестїю своего избытка.

Если бы книги и нынѣшняя промышленность доставляли счастїе людямъ, то уже давно были бы люди счастливыми. Не говоря о другихъ странахъ, а особливо о Францїи, гдѣ послѣднїй изъ жителей, почитая себя лучшимъ философомъ, отдаетъ въ печать свои мнѣнїя, и гдѣ множество ежедневно выходящихъ книгъ становится несносно самымъ страстнымъ любителямъ чтенїя; не говоря о всѣхъ скороспѣлыхъ произведенїяхъ Французскихъ, стоитъ только обратить взоръ на сочиненїя, выходящїя въ Германїи, — и увидимъ, что всякой годъ два раза привозятъ на Лейпцигскую ярмарку отъ пяти до шести тысячь новыхъ произведенїй во всѣхъ родахъ, которыя продаются весьма дешево: при всемъ томъ неутомимая Нѣмецкая мудрость не можетъ сдѣлать Нѣмцовъ счастливѣе, не можетъ усовершенствовать состава Имперїи! Народъ сей дѣйствительно кажется разсудительнѣйшимъ въ Европѣ, и при всемъ томъ до сихъ поръ еще далекъ отъ цѣли благоденствїя, не смотря на множество нововыходящихъ книгъ! Это приводитъ мнѣ на память мысль Ж. Ж. Руссо, что *не возможно сдѣлать весь народъ философствующимъ, но возможно сдѣлать его счастливымъ*

посредствомъ хорошей нравственности. Хорошее и честное поведенїе, по моему мнѣнїю, гораздо лучше для счастїя людей, нежели нынѣшняя философїя торгующаго ума, которой только измѣряетъ, взвѣшиваетъ, исчисляетъ выгоды физическаго человѣка, и упускаетъ изъ виду нравственное его состоянїе. Я даже смѣло могу прибавить, что нынѣ вредятъ и физическому сложенїю человѣка, возбуждая въ немъ страсти, воспламеняя воображенїе. Теперь каждой старается превзойти другаго; тихой и спокойной ходъ никому уже не нравится; безпрестанная лихорадка трясетъ нынѣшнихъ умниковъ; — а болѣзнь, какая бы она ни была, никогда не можетъ быть счастїемъ. Отъ сихъ-то волненїй, съ самаго нѣжнаго возраста, люди нынѣшняго поколѣнїя Европейскаго кажутся карлами передъ величавымъ ростомъ нашихъ предковъ, и часто умъ ихъ бываетъ не что иное, какъ легкой паръ, мгновенно изчезающїй въ воздухѣ. Славной Докторъ *Санхецъ* приписываетъ болѣзни сїе перерожденїе Европейцовъ; я думаю, что оно есть слѣдствїе развращенности. Предки наши, образованные не по нынѣшнему, не были подвержены ни тѣлесному, ни душевному разслабленїю.

Царь *Ѳеодоръ Алексїевичъ*, слѣдуя по стопамъ своего родителя, старался усовер-

шенствовать характеръ народа и поддерживать его во всей цѣлости. Россія была счастлива и спокойна до конца его царствованія.

. . . . . .

. . . . . .

Царь Ѳеодоръ Алексіевичь оставилъ послѣ себя двухъ братьевъ, Іоанна и Петра; послѣдній былъ отъ втораго брака. Царевичь Іоаннъ, какъ старшій сынъ, имѣлъ право на наслѣдство престола. Но сестра ихъ Царевна Софія, старшая обоихъ братьевъ, прекрасная, умная и честолюбивая — будучи въ томъ возрастѣ, когда зрѣютъ всѣ способности, когда человѣкъ быстрой и рѣшительной, ничего не обдумывая предается первому движенію, и когда страсти, однажды возбужденныя, дѣйствуютъ со всею силою надъ человѣкомъ, неуважающимъ законовъ строгой честности — Царевна, говорю, вступилась за право Іоанна для того, чтобы властвовать подъ его именемъ.

Дѣло старшаго Царевича было справедливо. Не льзя обвинять тѣхъ, кои, имѣя въ виду только право наслѣдства, и ничего не предусматривая, захотѣли возвести на престолъ Царевича Іоанна. Составилась партія. Люди простосердечные въ первомъ своемъ движеніи не могли примѣтить, что стано-

вятся подъ знаменами Царевны Софіи. Царевна, опираясь на справедливое дѣло малолѣтнаго брата, въ скоромъ времени успѣла увеличить число своихъ поклонниковъ. Самые опрометчивые изъ нихъ, по своему неблагоразумію, или по внушенію Царевны, немедленно обнаружили честолюбивые свои виды. Тогда открылось, что Софія не столько хочетъ защитить брата, сколько владычествовать сама подъ его именемъ. Добродѣтельные граждане начали бояться, чтобы честолюбивая Софія навсегда не удалила младшаго Царевича отъ престола. Планъ сей тѣмъ удобнѣе казался имъ для исполненія, что Царевна могла отважиться на всѣ средства, и что состояніе здоровья старшаго Царевича не обѣщало долговременной жизни. Но число людей, смотрѣвшихъ на дѣла съ сей точки, было сначала невелико. Догадливая Софія тотчасъ примѣтила расположеніе умовъ; желая истребить такія мысли при самомъ ихъ рожденіи, поспѣшила склонить стрѣльцовъ на свою сторону, и велѣла имъ умертвить Нарышкиныхъ, ближайшихъ родственниковъ матери Царевича Петра, которыхъ почитала главными виновниками.

Честолюбіе снимаетъ съ себя личину, употребляетъ всѣ возможныя средства, и надѣется восторжествовать посредствомъ

мятежныхъ стрѣльцовъ. Нѣтъ ничего священнаго для ихъ неистовой ярости: они расхищаютъ Царскіе чертоги и Божіе храмы, вездѣ ищутъ Нарышкиныхъ, убиваютъ ихъ въ присутствіи малолѣтныхъ Царевичей, въ Соборахъ, и даже предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ нѣкоторые изъ гонимыхъ жертвъ надѣялись спасти жизнь свою. Царица Наталія Кириловна, — которая, при стеченіи сихъ обстоятельствъ, могла бы присоединиться къ сторонѣ людей, желавшихъ, чтобы сынъ ея былъ ближайшимъ наслѣдникомъ престола послѣ смерти старшаго своего брата — вмѣсто того, чтобы сдѣлаться главою партіи, исполняла священныя обязанности нѣжной матери; единственно старалась спасти своего сына, предохранить его отъ бѣдствій и пагубныхъ впечатлѣній. Она ввѣрила добродѣтельнымъ вельможамъ судьбу своего сына, твердо уповая, что Существо благое, справедливое и всемогущее, не допуститъ невинность до погибели. Примѣрное великодушіе сей Государыни поселило во всѣхъ добрыхъ сердцахъ любовь къ ней и почтеніе. Свирѣпое истребленіе Нарышкиныхъ, возбудивъ всеобщее неудовольствіе въ умахъ, открыло наконецъ глаза и тѣмъ, кои защищали только права старшаго Царевича; всѣ поспѣшили на помощь угнѣтенной невинности. Партія Софіи уменьшилась, и Царевна — при всей оборо-

шливости ума своего, наконецъ принуждена была уступить желанію людей благонамѣренныхъ. Оба брата начали царствовать вмѣстѣ.

При сихъ перемѣнахъ обнаружился характеръ нашихъ предковъ, характеръ, которой для нынѣшнихъ просвѣщенныхъ умниковъ можетъ показаться грубымъ, варварскимъ. Правила религіи, глубоко въ сердцахъ напечатлѣнныя, предписывали мщеніе почитать злодѣйствомъ; ни мать, ни Нарышкины, изъ коихъ большая часть пострадала во время стрѣлецкихъ возмущеній, никогда не преслѣдовали виновниковъ своего несчастія.

(Симъ оканчиваемъ *Мысли о Россіи* нашего Автора. Здѣсь онѣ, какъ сказано выше, помѣщены сокращенно; нѣкоторыя мѣста совсѣмъ пропущены единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать статью сію сколько можно приличнѣе для Журнала. Г. Авторъ заключаетъ свое сочиненіе слѣдующими словами: „Пора сбираться въ дорогу. Если нынѣшнею зимою не возвращусь въ отечество, гдѣ мои должности не позволятъ имѣть много свободнаго времени, и если останусь внѣ Россіи; то воспользуюсь досугомъ, которой нуженъ для моего здоровья. Надѣюсь получить отсрочку отъ милосердой моей Государыни. Въ Вѣнѣ опять займусь

воспоминаніями объ отечествѣ, припѣвая съ Виргиліемъ: Illa mihi haec otia dedit!)

III.

Къ моимъ согражданамъ.

Къ мечамъ! настало время славы!
Сыны Отечества, къ мечамъ! —
Орлы! летимъ на бой кровавый,
На встрѣчу пулямъ и смертямъ!
На насъ Монарховъ, царствъ Европы
Вниманіе обращено. —

Учиться ль скиптры и короны
Царямъ законнымъ возвращать,
И опрокинутые троны
Рукой всесильной возставлять?
Учиться ль намъ карать кичливыхъ,
И ставить замысламъ конецъ?

Ужь знамя брани развѣваетъ,
Отъ стали сыплются лучи;
„Рази враговъ!“ намъ долгъ вѣщаетъ;
И жаждутъ крови ихъ мечи.
О долгъ священный, долгъ пріятный —
Царя и Вѣру защищать! —

Чѣмъ гдѣ опаснѣй, — тѣмъ славнѣе!
Рука съ рукой и съ грудью грудь —

Ударимъ на враговъ дружнѣе,
По трупамъ ихъ проложимъ путь;
Унизимъ дерзкую надменность, —
И кровью свой замѣтимъ слѣдъ!

Что трудъ? — мы ставимъ трудъ забавой!
Что смерть? — мгновеніе одно,
Котораго трепещетъ слабой;
Для храбрыхъ жизнь и честь равно:
Прекрасно умереть въ сраженьѣ!
Смерть за Отечество сладка!

Къ мечамъ! — настало время славы!
Сыны Отечества, къ мечамъ!
Россіяне! на бой кровавый,
На встрѣчу пулямъ и смертямъ!
Исполнимъ ожиданье свѣта,
Дадимъ Европѣ прочной миръ!

А. Воейковъ.

IV.

Эпиграммы.

1.

Барма, нашедъ Ѳому чуть жива, на отходѣ,
Скорѣе! закричалъ, изволь мнѣ долгъ платить!
Ужь завтраковъ теперь не будешь мнѣ сулить! —
„Охъ! братъ, хоть умереть ты дай мнѣ на свободѣ!“ —

Вотъ право хорошо! хочу я посмотрѣть,
Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

2.

Съ повязкой на глазахъ за шалости Ѳемида! —
Ужь наказаніе! ужь подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ руки ей связать.

В. Ж. . . . й.

V.

Новой Стихотворецъ и Древность.

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ Древность заворчитъ съ досадой: „что за диво!
Я то же до тебя сказала, и давно!“
Смѣшна беззубая! больно
Ей послѣ не придти къ невѣждѣ!
Тогдабъ сказалъ я то же прежде.

В. Ж . . . й.

VI.

Новоложалованный.

Пріятель, отъ чего присѣлъ? —

„Злодѣй корону на меня надѣлъ!“ —
Чтожь! я не вижу въ этомъ зла! —
„Охъ, тяжела!“

В. Ж . . . й.

VII.

Пѣсня.

Когда я былъ любимъ — въ восторгахъ,
въ наслажденьѣ,
Какъ сонъ плѣнительный вся жизнь моя текла;
Но я тобой забытъ — гдѣ счастья привидѣнье?
Ахъ! счастіемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ — тобою вдохновенный,
Я пѣлъ; моя душа хвалой твоей жила!
Но я тобой забытъ — погибъ мой даръ
мгновенный:
Ахъ! геніемъ моимъ любовь твоя была.

Когда я былъ любимъ — дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!
Но я тобой забытъ — нѣтъ въ сердцѣ со-
страданья!
Ахъ! благостью моей любовь твоя была!

В. Ж . . . й.

VIII.

Новая книга.

Заговоръ Катилины противъ Республики Римской, описанный *Саллустїемъ*. Съ Французскаго Билькокова перевода. Москва, въ Типографїи П. Бекетова. Въ 12 д. л. 136 страницъ, съ картинкою.

Заговоръ Катилины есть достопамятнѣйшая эпоха въ Римской Исторїи, прославленная чрезвычайною дерзостїю злоумышленїя, рѣдкими дарованїями главы мятежниковъ, прозорливыми распоряженїями Консула Цицерона, и наконецъ безсмертнымъ именемъ Саллюстїя, которой оставилъ потомству описанїе о семъ важномъ произшествїи, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ онаго. Другое сочиненїе Саллюстїево, въ цѣлости до насъ дошедшее, и также образцовымъ почитаемое, содержитъ въ себѣ описанїе войны между Римлянами и Югуртою, Царемъ Нумидїйскимъ. Отъ пространной Римской Исторїи сего Автора остались только нѣкоторые отрывки. Еще извѣстны двѣ Рѣчи о правительствѣ, и одна ругательная на Цицерона, приписываемыя Саллюстїю; однакожь многїе критики почитаютъ ихъ подложными.

Саллюстїй удачно подражалъ Ѳукидиду въ сильной выразительности, въ точной

опредѣленности, и въ важности слова. Древнїе и новѣйшїе Ученые почитаютъ его великимъ писателемъ, съ тою только разностїю, что одни приписываютъ ему болѣе достоинствъ, другїе менѣе. Марцїалъ называетъ его первымъ историкомъ Римскимъ (*); многїе были одного мнѣнїя съ Марцїаломъ. Титъ Ливїй, вмѣняя въ порокъ Саллюстїю то, что онъ занятыя у Грековъ мысли будто бы ослаблялъ и безобразилъ, предпочитаетъ ему Ѳукидида. Судъ пристрастный! Сенека свидѣтельствуетъ, что Титъ Ливїй не столько любилъ Ѳукидида, сколько боялся Саллюстїя, и что, поставивъ Саллюстїя ниже Греческаго историка, онъ надѣялся скорѣе взять верхъ надъ Римскимъ. Изъ сего видимъ, что великїй талантъ не предостерегъ Тита Ливїя отъ зависти, хотя восхищаясь прекраснымъ слогомъ, любимъ представлять его въ умѣ своемъ человѣкомъ кроткимъ и совершенно добродѣтельнымъ.

Читая Саллюстїя не льзя не видѣть, что онъ весьма хорошо зналъ человѣческое сердце. Не только произшествїя, но даже причины сихъ произшествїй онъ изобразилъ кистїю искуснаго художника. Читатель остается въ нерѣшительности, чему болѣе над-

(*) Crispus Romanâ primus in historiâ.

лежитъ удивляться, описаніямъ ли, изображеніямъ лицъ, или Рѣчамъ, которыя историкъ нашъ влагаетъ въ уста своимъ героямъ. Многіе сравниваютъ его съ Тацитомъ; другіе послѣднему отдаютъ преимущество въ глубокомысліи, въ знаніи человѣческаго сердца и въ сильной выразительности.

Въ писаніяхъ Саллюстія находятъ слѣдующія погрѣшности, излишества и недостатки: предисловія, неимѣющія никакой связи съ повѣствованіемъ; частыя отступленія отъ главнаго предмета; частое употребленіе словъ старинныхъ и ново-изобрѣтенныхъ, смѣлыхъ метафоръ и Греческихъ выраженій; наконецъ умышленное опущеніе многихъ событій, а особливо такихъ, которыя служатъ къ прославленію Цицерона. Сенатъ опредѣлилъ торжественно возблагодарить Цицерона за избавленіе Республики отъ величайшей опасности безъ пролитія крови; Катулъ и Катонъ въ собраніи Сената наименовали его отцемъ отечества; Капуа опредѣлила воздвигнуть ему статую за спасеніе Рима; Сенатъ почтилъ его безпримѣрнымъ отличіемъ, повелѣвъ совершить во храмахъ обрядъ моленія (supplicatio), отличіемъ, на которое имѣли право только Тріумфаторы: Саллюстій о томъ не говоритъ ни слова! Въ *Заговорѣ Катилины* все подробно описано,

кромѣ того, что сдѣлано Цицерономъ, спасителемъ Рима! Не ужели Саллюстій не чувствовалъ, что такое молчаніе, за которое и безпристрастнаго историка не прощаютъ, непріятелю вмѣнено будетъ въ гнусной поступокъ? не уже ли онъ думалъ, что, скрывъ общественныя событія, предастъ ихъ забвенію, и что никто другой не возвѣститъ о нихъ потомству? не долженствовалъ ли онъ предвидѣть, что умышленное молчаніе подастъ причину говорить: Саллюстій ничего не упомянулъ о почестяхъ, которыми Сенатъ и народъ Римскій отличилъ Консула Цицерона?

Впрочемъ, вражда такого человѣка, какимъ описываютъ Саллюстія, не служитъ къ безславію Цицерона. Всѣ единодушно свидѣтельствуютъ, что Саллюстій, имѣя рѣдкія дарованія, былъ человѣкъ развращеннѣйшій. Онъ изгнанъ изъ Сената за распутство, и въ такое время, когда благонравіе наблюдалось въ Римѣ уже не такъ строго, какъ прежде. Писатели, достойные вѣроятія, утверждаютъ, что онъ употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ важной слогъ, и занималъ у Катона Цензора старинныя слова единственно для того, чтобы прикрыть развращенность своихъ нравовъ, обмануть читателей, и заставить ихъ думать, будто любитъ строгія правила первыхъ вѣковъ Республики.

Саллюстій, расточивъ свое имѣніе, пристал къ сторонѣ Цесаря, которой, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, имѣлъ нужду въ подобныхъ людяхъ. Порочные во всѣ времена были орудіями честолюбивыхъ. Диктаторъ доставилъ ему въ Сенатѣ прежнее мѣсто, и по окончаніи войны въ Африкѣ поручилъ ему Нумидію въ управленіе. Нашъ Историкъ, ограбивъ провинцію, собралъ несмѣтныя богатства, купилъ великолѣпной сельской замокъ близь Тиволи, и славные сады, извѣстные до сихъ поръ подъ именемъ Саллюстіевыхъ. Жители Нумидіи жаловались Цесарю на своего безсовѣстнаго правителя: но тому ли наказывать хищника, кто самъ похитилъ изъ храма общественное сокровище? Саллюстій далъ половину награбленной добычи своему покровителю, а другую оставилъ себѣ на прожитокъ. Таковъ былъ человѣкъ, которой въ сочиненіяхъ своихъ вопіетъ на всеобщій развратъ, и часто упоминаетъ о древнихъ нравахъ!

Саллюстіевы сочиненія о заговорѣ Катилины и о войнѣ Югуртинской переведены на Россійской языкъ съ подлинника, и напечатаны въ С. Петербургѣ 1769 года. Надобно признаться, что лѣтъ за сорокъ прежде въ Россіи выходило болѣе полезныхъ книгъ, нежели въ нынѣшнее время, хотя

теперь болѣе книжныхъ лавокъ и типографій. Тогда прилѣжнѣе занимались классическими сочиненіями древнихъ писателей. Еслибъ мѣлочныя Французскія произведенія не отнимали у насъ много времени; еслибъ съ тѣхъ поръ мы постоянно занимались обработываніемъ вкуса и языка, слѣдуя правиламъ здравой словесности: то теперь могли бы уже хвалиться не маловажными успѣхами. Не имѣя передъ собою стараго перевода описанія заговора Катилины, не можемъ сдѣлать сравненіе между имъ и нынѣшнимъ; сличать же сей послѣдній съ Латинскимъ подлинникомъ не почитаемъ за нужное. На заглавномъ листкѣ объявлено, что нашъ Авторъ переводилъ съ Французскаго языка; это значитъ, что онъ не отвѣчаетъ за точность своего перевода противу Латинскаго подлинника. Впрочемъ можно рѣшительно сказать, что охотники до полезнаго чтенія, незаботящіеся, съ какого языка и вѣрно ли переведено сочиненіе, останутся довольны сею книгою. Г. Переводчикъ понималъ своего Автора, и выражалъ на Русскомъ языкѣ мысли его такъ, какъ говорятъ въ хорошихъ обществахъ. Уважая полезной трудъ, читатели охотно извинятъ нѣкоторыя погрѣшности противъ чистоты языка, напримѣръ: Отрывки твореній его, дошедшіе до насъ, *достаточны его обезсмертить*" (Предисл. стр. VII);

„*самыя* его выраженія — — — доказываютъ торжество добродѣтели, принуждающей человѣка *самаго* развратнаго *ей благоговѣть*“ (тамъ же стр. XI); „*неприверженный ни къ которой партіи*, страхъ и надежда не могутъ меня тревожить“ (стр. 20); „она (то есть республика) была какъ будто *истощена* великими мужами“ (стр. 101, здѣсь г. Переводчикъ, по видимому, желая выразить, что въ Римѣ перевелись великіе мужи, сказалъ совсѣмъ другое); и проч. Читатели, знакомые съ древнею словесностію, лучше хотѣли бы видѣть Силлу (Sylla), Цезаря (Caesar), нежели *Циллу*, *Кесаря*; ибо собственныя имена должно писать и выговаривать по свойству языка Латинскаго.

Если бы позволяло пространство Журнала, мы помѣстили бы здѣсь для примѣра мастерскія Саллюстіевы изображенія, Катилины, Семпронія, Цезаря и Катона, также прекрасныя рѣчи, которыя нашъ Историкъ влагаетъ въ уста Цезарю (стр 83), Катону (стр. 92), Катилинѣ (стр. 106): это безсмертные памятники древняго краснорѣчія!

Пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ соотечественниковъ принялъ на себя трудъ перевести Саллюстіевы сочиненія съ Латинскаго подлинника, и просла-

вился бы, подобно иностраннымъ литтераторамъ, съ успѣхомъ трудившимся надъ переложенїемъ знаменитаго Римскаго Историка.

IX.

Россїйскїй Театръ.

Московская публика уже три раза видѣла *Росслава*, трагедїю въ пяти дѣйствїяхъ соч. г-на *Княжнина*, а я ничего еще не сказалъ о ней вашимъ читателямъ! Извините; домашнїя дѣла мѣшали мнѣ думать о Театрѣ.

Трагедїя *Росславъ* представлена въ Москвѣ въ первой разъ Ноября 29 дня прошлаго года, то есть, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ она сочинена и напечатана. Чему должно приписать такую медленность?

Христїернъ II, Король Датскїй, прозванный *безчеловѣчнымъ*, принудивъ Чиновъ Шведскихъ выбрать себя Королемъ въ 1520 году, началъ тиранствовать надъ новыми подданными, съ которыми обѣщалъ поступать какъ съ дѣтьми своими. Неслыханныя жестокости сего изверга вооружили противъ

него Шведовъ. Сынъ Герцога Грипсгольмскаго, *Густавъ Ваза* — котораго *Христїернъ* содержалъ подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Копенгагенѣ — нашедши случай уйти изъ тюрьмы своей, долгое время скрывался въ Далекарлїи, Шведской провинцїи, лежащей близь Норвегїи. Онъ рѣшился избавить отечество отъ чудовища, привлекъ на свою сторону многихъ Шведовъ, выгналъ Христїерна изъ Стокгольма, и занялъ его мѣсто на Шведскомъ престолѣ. Сїе историческое событїе послужило основанїемъ трагедїи. Изъ всѣхъ обстоятельствъ, низверженїе тирана, есть одно, которому Исторїя не противорѣчитъ; все прочее, даже всѣ лица, кромѣ одного *Христїерна*, вымышлены стихотворцомъ.

Полагая, что содержанїе *Росслава*, какъ трагедїи довольно уже старой, всѣмъ извѣстно, не буду разсказывать его читателямъ вашего *Вѣстника*; вмѣсто того помѣщу здѣсь нѣкоторыя общїя замѣчанїя, которыя недавно читать мнѣ случилось.

Какъ далеко простирается власть трагическаго стихотворца пользоваться достовѣрными событїями, переиначивать оныя по своему произволу, смѣшивать истинныя произшествїя съ вымышленными, выводить на позорище лица, которыхъ никогда не бывало, давать историческимъ лицамъ свой-

ства такія, какихъ требуютъ приличія, связь, выгоды трагедіи? Сей вопросъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе къ намъ, и по времени и по мѣсту, произшествія представляемыя на театрѣ.

Клитемнестра убиваетъ Агамемнона; сопрягается съ Эгистомъ, совиновникомъ въ своемъ злодѣяніи; Орестъ отмщаетъ своей матери: вотъ историческія событія, подтвержденныя свидѣтельствомъ вѣковъ и народовъ! вотъ богатая руда, которая во всѣ времена доставляла стихотворцамъ чистое золото! Самое мѣсто дѣйствія есть отечество героическихъ басней; геній можетъ располагать ими по своей волѣ: ибо тамъ все подвластно воображенію.

Но если Исторія свидѣтельствуетъ, что Христіернъ II, современникъ Великаго Князя Василія Іоанновича, никогда не воевалъ съ Россіею; что Густавъ Ваза скрывался не въ Россійскихъ предѣлахъ, но въ горахъ Далекарліи; что ни Россія, ни полководцы ея не брали участія въ низверженіи Христіерна; что ни *Росславъ*, ниже кто-либо другой изъ Россіянъ не сражался съ Поляками за Шведовъ: то можетъ ли стихотворецъ увѣрить зрителей своихъ, что все это дѣйствительно случилось?

Сїе замѣчанїе относится не къ одному только *Росславу*, но вообще ко многимъ трагедїямъ, коихъ содержанїе взято изъ новѣйшей Исторїи, и о которыхъ можно сказать то же самое, что критики говорятъ объ *историческихъ романахъ*.

Публика весьма довольна была игрою г-на Плавильщикова и г-жи Караневичевой; первой представлялъ *Росслава*, другая — *Зафиру*. Каждой разъ громкїя рукоплесканїя раздавались въ театрѣ, когда г. Плавильщиковъ произносилъ:

Чтобъ пламень погасить я Россъ — сего довольно.

Также:

Ты унижаешь тѣмъ Россїйскихъ храбрыхъ воевъ;
Колико согражданъ, толико тамъ героевъ.

Еще:

Узнай въ сей часъ во мнѣ, всѣ Россы каковы.

и послѣ многихъ другихъ стиховъ, произнесенныхъ съ благородною гордостїю, съ чувствомъ своего достоинства. Въ тѣхъ явленїяхъ (дѣйст. II и V), гдѣ *Росславъ* даетъ смѣлые отвѣты Христїерну, зрители восхищались искуствомъ г-на Плавильщикова.

Не льзя лучше сказать сихъ, и подобныхъ имъ, стиховъ:

Тиранна низости прощаю я сомнѣнье;
И Христіерново не нужно мнѣ почтенье.
Хотя на тронѣ ты, хотя во узахъ я,
Пусть міръ у ногъ твоихъ, со мною честь моя.

Послѣ перваго представленія *Росслава*, публика вызвала г-на Плавильщикова, которой, со слезами на глазахъ, поблагодарилъ ее за вниманіе къ своему таланту. Зрѣлище окончилось новою драмою: *Рѣдкая честность*, переведенною съ Нѣмецкаго языка, и состоящею въ одномъ дѣйствіи.

Дюлре, будучи принужденъ поспѣшно удалиться изъ Франціи, зарылъ въ землю деньги свои въ скрытномъ мѣстѣ, о которомъ никто не зналъ, кромѣ *Эрмана*, его друга. *Эрманъ* терпитъ крайнюю нужду, сноситъ голодъ; но не смѣетъ прикоснуться къ чужому сокровищу. *Дюлре* возвращается въ отечество, и находитъ свои деньги въ цѣлости. Содержаніе драмы, само по себѣ занимательное, не сдѣлало никакого впечатлѣнія въ публикѣ, которая однакожь не могла не замѣтить пріятной игры дѣвицы Ольги Лобановой въ ролѣ Амаліи, Эрмановой дочери. Кто видѣлъ *Рѣдкую честность*

на театрѣ, или читалъ ее, тотъ конечно согласится, что *Феликсъ*, сынъ Г-на *Дюпре*, есть лице совершенно лишнее.

Новая комедія въ одномъ дѣйствіи: *Отецъ по случаю*, переведенная съ Нѣмецкаго г-мъ *Краснопольскимъ*, игранная 14 Декабря, гораздо лучше расположена, и болѣе занимала зрителей, которые охотно согласятся смотрѣть ее въ другой и въ третій разъ.

Д. Н. — е.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Молдавіи.

(*Продолженіе.*)

Яссы, 7 Января.

Сборъ податей простирается не свыше 2,700 кошельковъ (кошелекъ содержитъ въ себѣ 500 Турецкихъ піастровъ, или 62½ Голландскихъ червонцовъ), изъ числа коихъ около 500 кошельковъ получаетъ Порта. Сія сумма собирается Исправниками со всѣхъ поголовно, и составляетъ главной доходъ Господарей. Однакожь есть еще множество другихъ налоговъ, которыхъ сумма равняется первой. Сюда принадлежитъ пошлина, собираемая съ вина, съ пчеловодства, съ трубъ, съ соляныхъ откуповъ, съ продаваемаго скота, съ привозимыхъ товаровъ и проч. и проч. Все сіе въ хорошій годъ приноситъ Господарю болѣе 6000 кошельковъ. Заплативъ дань Портѣ, одаривъ Министровъ Турецкихъ (что составляетъ главной расходъ), употребивъ нѣкоторую сумму на содержаніе своего двора и на исправленіе другихъ надобностей, онъ можетъ сберечь для себя цѣлую половину. Ежегодной остатокъ простирается

отъ 500 до 600,000 талеровъ; а Господари отправляютъ должность свою по три и по четыре года; и такъ можешь видѣть, что они, получивъ увольненіе, имѣютъ способы жить въ Константинополѣ прямо по княжески. Однакожь всякой уволенной Господарь, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ показывать себя совершенно бѣднымъ, иначе жадные Турецкіе Министры непремѣнно ограбятъ его. Въ такомъ случаѣ обыкновенно стараются прятать наличныя деньги; подъ чужимъ именемъ отдаютъ ихъ въ церкви и монастыри, получая около 8 процентовъ; повѣряютъ ихъ надежнымъ и искреннымъ банкирамъ; умышленно обременяютъ себя *неоплатными* долгами; дозволяютъ на себя жаловаться правительству; подвергаются взысканію за неисправной платежъ, и проч.

Вѣрные сообщники Господаря, подражая примѣру его, всячески стараются наполнять свои корманы. Однакожь это не всегда имъ удается, потому что мѣстъ бываетъ гораздо менѣе, нежели искателей. Сіе обстоятельство заставляетъ Господарей давать мѣста чиновникамъ весьма на короткое время, и не болѣе, какъ на одинъ годъ. За то уже съ обѣихъ сторонъ наблюдается, чтобы мѣсто было прибыльное. Жалованье опредѣляется чрезвычайно великое, относительно

къ здѣшней цѣнѣ денегъ. Мѣсячной окладъ первыхъ гражданскихъ чиновниковъ простирается отъ 2000 до 3000 піастровъ. Таковы мѣста: *великаго постельника* (перваго министра государственнаго), *великаго камараша* (казначея), *великаго гатмана* (министра полиціи) и начальника малочисленной гвардіи (кромѣ которой Господарь не смѣетъ держать ни одного солдата), и нѣкоторыя другія. Жалованье составляетъ самую малую часть ихъ доходовъ; случайные сборы гораздо важнѣе. Упомянутые чиновники продаютъ за деньги низшія мѣста, отъ нихъ зависящія; принимаютъ подъ свою защиту купцовъ, которые не хотятъ платить заимодавцамъ; платятъ не иначе, какъ обрѣзными деньгами; берутъ на откупъ разныя вещи, и проч. Даже низшія должности придворныя очень прибыточны; такъ напримѣръ камердинеръ Господаря получаетъ, кромѣ содержанія, двадцать кошельковъ чистаго доходу, и сверхъ того еще, по мѣрѣ власти своей надъ Княземъ, можетъ набогащаться взятками. Придворной гофмейстеръ, мундшенкъ, кофешенкъ, подрядчикъ и всѣ служители, умѣютъ явными обманами, на которые и хорошій Господарь обыкновенно смотритъ сквозь пальцы, дѣлать мѣста свои столь прибыльными, что, по окончаніи службы, каждой по своему состоянію можетъ нѣсколько лѣтъ роскош-

но прожить въ Константинополѣ. Если въ этотъ классъ попадется честной человѣкъ, то прочїе служители въ короткое время успѣютъ замарать его гнусною клеветою, такъ что онъ долженъ почитать себя счастливымъ, когда получитъ отставку, не вытерпѣвъ жестокаго наказанїя, которое обыкновенно состоитъ въ такъ называемой *фалангѣ* (*).

Желая кому-нибудь изъ низшихъ служителей оказать особенную милость, препоручаютъ ему рѣшить спорное дѣло въ отдаленномъ округѣ. Всѣ знаютъ напередъ, что онъ рѣшитъ въ пользу того, кто заплатитъ ему болѣе; но для сего-то его и посылаютъ. Мнѣ случилось недавно видѣть, какъ надъ однимъ молодымъ служителемъ смѣялись старшїе товарищи его,

(*) *Фалланга* есть наказанїе весьма употребительное на Востокѣ. Виновнаго бьютъ тонкими палками по голымъ, или только слегка покрытымъ, подошвамъ. Его кладутъ на спину, прищемивъ ноги въ доскѣ, нарочно къ сему приготовленной. Два человѣка поднимаютъ доску вмѣстѣ съ ногами въ верхъ, а одинъ или два же сѣкутъ преступника по подошвамъ. Сей родъ наказанїя принадлежитъ къ самымъ мучительнымъ.

что онъ не умѣлъ хорошо окончить порученное дѣло; а именно, онъ признался имъ, что отъ двухъ крестьянъ, между которыми разбиралъ онъ тяжбу, получилъ только 300 піастровъ.

Сколь мало заботится Порта о правосудіи и внутреннемъ управленіи сей земли, можешь судить по слѣдующему произшествію. Не задолго передъ симъ Господарь * * * долженъ былъ рѣшить важное уголовное дѣло двухъ знатнѣйшихъ бояръ. Господарь, находясь въ затрудненіи, не хотѣлъ подвергать себя отвѣтамъ, почелъ за полезное представить дѣло на разсмотрѣніе въ Диванъ, и спросить, не повелѣно ли будетъ рѣшить оное по приложенному мнѣнію. Диванъ отвѣчалъ, что совершенно одобряетъ мнѣніе Князя, но очень удивляется, что онъ осмѣлился такими мѣлочами беспокоить высокую Порту, которая для того вручила ему мечь и жезлъ, чтобы онъ по своему благоразсмотрѣнію судилъ своихъ подданныхъ. Фирманъ былъ прочтенъ собраннымъ боярамъ, и имѣлъ весьма выгодныя слѣдствія для Господаря. Легко можно представить себѣ, какъ дѣйствуетъ на характеръ народа подобный образъ правленія. Справедливость здѣсь почитается совершенною мечтою.

Яссы, 10 Января.

Характеръ жителей Молдавіи таковъ, каковъ онъ всегда бываетъ въ странахъ, деспотически управляемыхъ. Опасность отъ одной перемѣны обстоятельствъ, безъ малѣйшей вины, потерять званіе, честь, собственность и жизнь, необходимо должна побуждать умъ къ изысканію средствъ предохранить себя отъ внезапныхъ перемѣнъ такого рода. Кто своимъ умомъ, богатствомъ, силою не можетъ быть страшенъ для другихъ; тому остается ползать, безъ противорѣчія подвергаться волѣ сильнаго, лукавымъ притворствомъ и обманомъ стараться получить тѣ выгоды, которыми у насъ добрый гражданинъ пользуется по благости закона. Весьма понятно, что въ такомъ состояніи не можетъ быть ни чувства собственнаго достоинства, ни чистоты нравственной. Не смотря на законъ, существующій только для виду, каждой членъ общества, достигшій почетной степени, снискавшій уваженіе, для собственной безопасности принужденъ дѣйствовать хитро, лукаво, коварно. Онъ долженъ озираться кругомъ, исчислять всѣ возможности, отклонять могущія случиться опасности, сочинять вѣрные планы для низверженія сильныхъ противниковъ; однимъ словомъ, долженъ, подобно сильнымъ госу-

дарствамъ, содержать у себя кабинетъ въ маломъ видѣ.

Въ сей странѣ дѣйствіе совершенно соотвѣтствуетъ своей причинѣ. Деспотизмъ, который здѣсь, отъ частой перемѣны Князей, страшнѣе обыкновеннаго, довелъ народъ до совершенной безчувственности нравственной; особенно можно замѣтить въ состояніяхъ высшихъ. Весьма справедлива одна Молдавская пословица: „Боярское слово — ложь;“ а ты знаешь, что я пословицы очень уважаю. По крайней мѣрѣ здѣсь никакъ не льзя полагаться на обѣщанія, развѣ въ такомъ случаѣ, когда онѣ полезны тому, кто ихъ произноситъ. Здѣсь не вмѣняется въ стыдъ не исполнить обязательства; напротивъ, это еще дѣлаетъ честь тому, кто симъ способомъ умѣлъ избѣгнуть наказанія. Честность — по нашимъ понятіямъ лучшее достоинство, а особливо въ чиновникахъ — почитается слѣдствіемъ глупости. Здѣсь не хотятъ даже казаться честнымъ человѣкомъ, опасаясь, чтобы не дать поводу заключать о себѣ, какъ о простякѣ, неспособномъ къ хитрымъ замысламъ. Несчастной образъ правленія не только дѣлаетъ людей низкаго состоянія безчувственными къ нравственности, но еще поселяетъ въ нихъ нечувствительность и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Нужда заставляетъ

ихъ почитать дозволенными и ложь и обманъ: симъ способомъ они скрываютъ свое имущество. Однакожь къ сожалѣнію часто случается, что и обманы не помогаютъ имъ, и что бѣдные люди сіи должны еще приучать кожу свою къ мужественному терпѣнію. Безчеловѣчной помѣщикъ, даже всякой проѣзжій Турокъ вымучиваетъ у крестьянъ деньги побоями. Ты можетъ быть помнишь повѣствованія *Котта* и другихъ путешественниковъ; они пишутъ, что, проѣзжая сѣверную Турцію, за наличныя деньги учтивостію не льзя достать никакихъ припасовъ, и что получить ихъ можно не иначе, какъ рѣшившись прибить крестьянина. Я почиталъ сіи извѣстія несправедливыми; но здѣшніе жители увѣряютъ меня, что кнутъ есть самое лучшее средство доставать дорогою все нужное, и притомъ за дешевую цѣну, и что симъ средствомъ преимущественно пользуются Турецкіе купцы, проѣзжая Молдавію и Валлахію. Грекъ, служившій у меня за годъ передъ симъ во время моего путешествія сюда, разсказывалъ, что онъ и самъ часто поступалъ такимъ образомъ; что это можно дѣлать, ничего не опасаясь, и что крестьянинъ не смѣетъ защищаться. Если народъ до такой степени потерялъ чувство собственнаго достоинства, то ему не возможно уже болѣе унизиться.

Здѣшніе бояре любятъ гостепріимство. Они съ уваженіемъ принимаютъ чужестранца, которой можетъ жить въ домѣ, гдѣ его угощаютъ, болѣе мѣсяца, и не долженъ опасаться, чтобы его посѣщеніе почли тягостнымъ, и захотѣли бы освободиться отъ него неучтивымъ образомъ. Я знаю чужестранцевъ, которые здѣсь безъ всякаго дѣла болѣе году проживаютъ въ разныхъ домахъ, какъ гости, и которые, не имѣя ни способностей, ни опытности въ искуствѣ обращаться съ людьми, пользуются уваженіемъ. Надобно только, чтобъ чужестранецъ не трогалъ ихъ суевѣрія и женщинъ.

Что касается до образованности въ религіи и наукахъ, Молдаване стоятъ на самой низшей степени. Это иначе и быть не можетъ; потому что духовенство ихъ находится въ крайнемъ невѣжествѣ. Если по сему сословію можно судить о прочихъ; то народное просвѣщеніе у жителей Молдавіи весьма ограниченно. Не думаю, чтобы въ которой-нибудь странѣ Европы такъ мало заботились о наукахъ.

Яссы, 10 Января.

Молдаване исповѣдуютъ вѣру Греческую. Здѣшніе Католики, по большей части иностранцы, пользуются свободою въ отправленіи

своего исповѣданія; они имѣютъ церкви въ Яссахъ и въ Романскомъ уѣздѣ. Греческимъ духовенствомъ управляетъ Митрополитъ, пребывающій въ Яссахъ. Число подвластныхъ ему людей духовнаго званія простирается, какъ увѣряютъ, до 20,000. Вся ученость, потребная для духовной особы, состоитъ здѣсь въ познаніи церковныхъ обрядовъ; умѣть же исправно читать и писать почитается дѣломъ нестоющимъ вниманія. Ни отъ кого не требуется здѣсь, чтобы разумѣлъ Новой Завѣтъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ написанъ, не смотря на близкое сродство новаго Греческаго языка съ древнимъ. Высшіе начальники по неволѣ должны быть снизходительны; ибо они сами не въ силахъ дѣлать испытанія. Имѣвъ случай бесѣдовать нѣсколько разъ о Новомъ Завѣтѣ съ однимъ Епископомъ, съ которымъ часто вижусь, я спрашивалъ его о смыслѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя читалъ онъ при отправленіи своей должности, какъ мнѣ казалось, не понимая ихъ значенія. Всякой разъ открывалось, что я не ошибался. Впрочемъ онъ человѣкъ добродушной; очень жалѣетъ, что я *не христіанинъ*; часто побуждаетъ меня къ принятію крещенія, и печалится, что бѣдная душа моя должна погибнуть. Я увѣрялъ его, что я уже крещенъ, какъ протестантской христіанинъ, и что не имѣю надобно-

сіи въ другомъ крещеніи. Онъ очень удивился, что я, протестантъ, осмѣлился назваться христіаниномъ, и сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ одного достовѣрнаго Европейца — здѣшніе жители не считаютъ себя въ числѣ Европейцовъ — будто протестанты не вѣруютъ во Христа. Всѣ мои доказательства, что протестантская церковь признаетъ божество Іисуса Христа и Святаго Духа, остались тщетны; ибо онъ думалъ, что въ такомъ случаѣ протестанты дѣйствительно были бы *отчасти* христіанами, какими однакожь, по его мнѣнію, никто ихъ не почитаетъ. Сначала мнѣ показалось, что ему извѣстны успѣхи наши въ Богословіи, и что онъ цѣлитъ на церковныхъ нашихъ учителей и философовъ; я пришелъ-было въ замѣшательство, и старался обратить разговоръ на другіе предметы; однакожь скоро замѣтилъ, что онъ говорилъ совсѣмъ не о томъ.

Не можно думать, чтобы прочее духовенство было просвѣщеннѣе своихъ начальниковъ; въ самомъ дѣлѣ, оно стоитъ еще ниже. Это и простительно; потому что здѣсь почти вовсе нѣтъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ сіи люди могли бы получать хотя главныя, необходимыя для нихъ познанія. Правда, здѣсь есть одно публичное училище, въ которомъ преподаются начальныя основа-

нія Латинскаго и древняго Греческаго языковъ; но оно такъ худо устроено, что не ему должно приписывать, если бы какому-нибудь ученику удалось приобрѣсть свѣдѣнія. Здѣсь успѣваютъ только въ Латинскомъ языкѣ, которому обыкновенно учатъ Поляки. Сходство Молдавскаго съ симъ языкомъ — ибо Молдавской и Валахской отъ него произошли — облегчаетъ способы учиться. Впрочемъ полатыни здѣсь говорятъ чрезвычайно дурно. Однакожь не думай, чтобы духовные учились полатыни; это бываетъ очень рѣдко; а занимаются онымъ по большей части бояре.

Духовная особа, познаніями своими или способностію разсуждать о религіи превышающая товарищей, подвергается не малой опасности. По крайнему невѣжеству, будучи не въ состояніи опровергнуть доводовъ своего собрата, они прибѣгаютъ къ обыкновенному средству, то есть называютъ его еретикомъ, и обвиняютъ въ ужасныхъ преступленіяхъ. Достойно примѣчанія, какимъ образомъ обыкновенно поступаютъ они въ подобныхъ случаяхъ. Разскажу тебѣ объ одномъ происшествіи. Нѣкоторой Греческой монахъ, чувствуя благородное желаніе просвѣтиться, ѣздилъ во Францію, гдѣ въ продолженіе революціи приобрѣлъ отличныя знанія въ наукахъ и опытность.

Нынѣшній Господарь Мурузи, Князь весьма умной и просвѣщенной, опредѣлилъ сего — когда онъ возвратился въ Яссы — учителемъ въ здѣшнюю школу. Вступивши въ новую должность, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на злоупотребленія; а этого было довольно, чтобы сдѣлаться ненавистнымъ всему духовенству, которое рѣшилось опаснаго сочлена выгнать изъ государства. Господарь любилъ и уважалъ монаха; надлежало поступить какъ можно хитрѣе, и обвинить его такъ, чтобъ самъ Князь долженствовалъ подтвердить приговоръ объ изгнаніи сего еретика изъ Молдавіи. Какимъ образомъ сдѣлать это? Еслибъ его обвиняли въ убійствѣ, то еще можно было бы ожидать прощенія: но онъ говорилъ противъ злоупотребленій церкви; это беззаконіе, ничемъ неизвиняемое! Господарь могъ бы обстоятельно развѣдать и открыть клевету, еслибъ стали доказывать, что мнѣнія сего еретика противны догматамъ вѣры. Чтожь сдѣлалъ Митрополитъ? началъ увѣрять, будто сей монахъ есть — масонъ, и требовалъ, чтобъ его непремѣнно изгнали. Князь не смѣлъ оставить безъ вниманія сіе ужасное обвиненіе, боясь, чтобы тѣмъ не возбудить противъ себя всего духовенства; онъ сказалъ, что монахъ заслуживаетъ изгнаніе, если только пре-

ступленіе несомнительно; велѣлъ Митрополиту разсмотрѣть сіе дѣло какъ можно лучше; обѣщалъ исполнить его желаніе, если представитъ хотя одно несоборимое доказательство, — въ противномъ же случаѣ доносителя принудить публично удовлетворить невиннаго. Митрополитъ, увидѣвши въ Князѣ такую рѣшительность, а въ пріисканіи доказательствъ непреодолимую трудность, почелъ за лучшее не подвергать опасности честь свою, и объявилъ, что изъ любви къ миру оставляетъ сіе дѣло безъ розысканія. По общему здѣсь мнѣнію масонъ есть вмѣстилище всѣхъ мерзостей. Здѣсь скорѣе простятъ атеиста, хотя бы онъ былъ Вольтеровой школы; но быть масономъ есть такое преступленіе, за которое ни на землѣ, ни на небеси нѣтъ помилованія. Нѣсколько разъ пытался я вывести изъ заблужденія тѣхъ, которыя такъ думаютъ. Чтожь вышло? меня самаго начали почитать членомъ сего опаснаго ордена, за которой я вздумалъ-было вступаться!!

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Не можемъ не помѣстить здѣсь одного письма, писаннаго 1 Ноября изъ Лунда, что въ Скадинавіи. Вотъ его содержаніе: „Всѣ извѣстія, получаемыя здѣсь изъ Стралзунда, Штеттина и другихъ мѣстъ, согласно подтверждаютъ, что сраженіе 14 Октября проиграно *полрасинѣ измѣны*. Прусскія войска, ободряемыя присутствіемъ Короля своего и достопочтеннѣйшаго Герцога Брауншвейгскаго, дрались весьма храбро. Не смотря на превосходное число Французовъ, онѣ конечно отразили бы непріятеля, еслибъ не помѣшала тому измѣна Генерала * *, которой нарочно оставилъ большой промежутокъ въ войскѣ, находившемся подъ его начальствомъ. Сильная непріятельская колонна пѣхоты, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, дошла до заднихъ рядовъ Прусской арміи, и привела ее въ безпорядокъ. Генералъ, и еще три Офицера, также подозрѣваемые въ измѣнѣ, взяты подъ стражу; они преданы будутъ военному суду, лишь только дозволятъ обстоятельства. Мнѣ извѣстны имена сихъ измѣнниковъ; не хочу объявить ихъ потому только, чтобъ не ошибиться.“ Въ припискѣ сказано: „Въ сію минуту получилъ я изъ Стралзунда письмо, въ которомъ извѣщаютъ меня, что Генералъ * * повѣшенъ, и что

Гаугвицъ содержится подъ присмотромъ.“ Другаго нечего и ожидать отъ Бонапарте, котораго вся жизнь есть длинной рядъ злодѣйствъ и обмановъ.

Нарочной, привезшій въ Вѣну извѣстіе о присоединеніи Эрцгерцога Фердинанда къ Рейнскому союзу, и о переименованіи области его въ великое Герцогство, распустилъ слухъ о подробныхъ обстоятельствахъ сего несчастнаго произшествія. Увѣряютъ, что Наполеонъ съ братомъ своимъ Іеронимомъ, ѣдучи въ армію, прибылъ въ Вирцбургъ въ то самое время, когда Эрцгерцогъ, предвидя плачевныя слѣдствія, приготовился удалиться изъ своей столицы. Бонапарте *упросилъ* его остаться. Выщедши изъ за стола Фердинандъ и Наполеонъ разговаривали наединѣ три четверти часа; между тѣмъ Французскія и Вирцбургскія войска стояли подъ ружьемъ на площади. По окончаніи разговора, герольдъ возвѣстилъ народу о возведеніи Княжества Вирцбургскаго въ достоинство великаго Герцогства Франконскаго. Великій Герцогъ получитъ Фульду, и не будетъ принуждаемъ воевать противъ Австріи. Наполеонъ на прощаньи сказалъ Фердинанду: „Теперь обнимаю васъ какъ друга своего и союзника; надѣюсь, что скоро обниму васъ какъ *брата* и *Короля*.“

Несчастіе, грозящее Фердинанду, сбылось уже съ Курфирстомъ Саксонскимъ. Сей Государь, знаменитѣйшій древностію своего рода, обезславленъ нечестивою дерзостію Бонапарте; словомъ — онъ *возведенъ* (horribile dictu!) въ Королевское достоинство. Мирной договоръ между Саксоніею и Франціею подписанъ въ Познани 16 Декабря (нов. ст.). Курфирстъ обязался дать Наполеону до 20,000 человѣкъ войска — вѣроятно въ знакъ благодарности за то, что похититель престола Бурбоновъ и самозванецъ обезчестилъ его своимъ покровительствомъ. Бонапарте, еще прежде нежели вступилъ въ Саксонскія владѣнія, по обыкновенію своему, издалъ мятежническій вызовъ къ народу, миновавъ Курфирста. „Саксонцы! — написалъ врагъ человѣческаго рода въ объявленіи своемъ 10 Октября: Прусаки заняли вашу землю. Я иду освободить васъ. Они насильственно расторгли союзъ, которымъ соединены были ваши войска; они присоединили ихъ къ своей арміи. Вы должны проливать кровь свою не только за чужія выгоды, но даже за выгоды, вамъ совершенно противныя. Прусаки насильственно вошли въ вашу землю тогда, какъ мои войска приготовились-было оставить Германію. Онѣ возвратятся во Францію, какъ скоро Пруссія признаетъ независимость вашу, и отречется отъ своего намѣренія, для васъ

вреднаго. Саксонцы! вашъ Государь до сихъ поръ не соглашался на себя возлагать обязанности, противныя должностямъ своимъ; онъ возложилъ ихъ на себя, единственно будучи принужденъ къ злому нашествіемъ Прусаковъ. Я былъ глухъ (je fus sourd) къ высокомѣрному вызову Пруссіи воевать съ моимъ народомъ; я былъ глухъ до тѣхъ поръ, пока она вооружалась въ своихъ владѣніяхъ: но когда войска ея вторглись въ вашу землю; Министръ мой немедленно выѣхалъ изъ Берлина. Саксонцы! ваша судьба теперь въ рукахъ вашихъ. Усомнитесь ли, чью принять сторону, — тѣхъ ли, которые порабощаютъ васъ, или тѣхъ, которые хотятъ принять васъ подъ свое покровительство? Мои успѣхи утвердятъ бытіе и независимость вашего Государя и вашего народа; успѣхи Прусаковъ наложатъ на васъ вѣчныя оковы. Завтра потребуютъ они Лаузица; послѣ завтра — берега Эльбы. Что я говорю? развѣ они уже не требовали у васъ всего? развѣ они давно уже не покушались принудить Государя вашего признать надъ собою власть самодержавную, которая изгладила бы имя ваше изъ списка народовъ? Тогда независимость ваша, законы, свобода остались бы только въ памяти; тѣни предковъ вашихъ, храбрыхъ Саксонцовъ, вознегодовали бы, увидѣвъ васъ безъ сопротивленія подвергшихся рабству, которое

давно приготовили враги ваши; они возпегодовали бы, увидѣвъ землю вашу претворившуюся въ Прусскую провинцїю. "

Въ предшедшемъ нумерѣ *Вѣстника* упомянуто объ отъѣздѣ Бонапарте изъ Берлина; по причинѣ неизвѣстности не было сказано, куда онъ отправился. Носились слухи, что Жидъ Фуртадо, Президентъ Сангедрина, имѣя надобность повидѣться съ другомъ своимъ лже-мессїею Наполеономъ, просилъ его прекратить на нѣкоторое время разбои свои въ Германїи, и пожаловать въ Парижъ для приведенїя въ порядокъ нѣкоторыхъ дѣлъ, относящихся до ветхозаконїя. Вышло, что вѣсти сїи несправедливы. Бонапарте скакалъ стремглавъ на берега Вислы, желая посмотрѣть, какъ Русскїе станутъ бить Французовъ. Громъ пушечной изъ Кремлевской крѣпости и помѣщенныя въ публичныхъ обѣихъ столицъ газетахъ статьи о военныхъ произшествїяхъ, въ свое время возвѣстили намъ о пораженїи полчищъ непрїятельскихъ. Не возможно было ожидать лучшаго начала. Французская сволочь показала на самомъ дѣлѣ, что помнитъ еще битвы при Требїи и подъ Нови, и что бѣгать не разучилась, не смотря на успѣхи двухъ лѣтъ послѣднихъ — успѣхи, приобрѣтенные болѣе коварствомъ, нежели истинною храбростїю.

Находясь въ Познани, еще до сраженія при Пультускѣ, Бонапарте получилъ извѣстіе чрезъ нарочнаго о вступленіи Россійскихъ войскъ въ Валлахію. Въ семъ же городѣ Маркизъ Луккезини и Генералъ Цастровъ опять имѣли сношеніе съ Министрами Наполеоновыми, и потомъ отправились въ Кенигсбергъ къ Е. В. Королю Прусскому. Бонапарте принималъ шесть человѣкъ Варшавскихъ Депутатовъ, въ числѣ которыхъ былъ Александръ Потоцкій; поговоривши съ сими Поляками нѣсколько времени, велѣлъ ихъ покормить своему Оберъ-Маршалу Дюроку. Депутатовъ Гамбургскихъ — которые пріѣхали къ Наполеону съ донесеніемъ, что по милости Французскихъ солдатъ, землякамъ ихъ нечего ѣсть — кормилъ у себя Талейранъ. Пятьнадцатилѣтній Адъютантъ почетной гвардіи, по прозванію Хлаповскій, счастливѣе всѣхъ Депутатовъ. Этотъ мальчикъ — о сю пору уже нарушившій вѣрность къ законному своему Государю и присоединившійся къ шайкѣ мятежниковъ, слѣдственно подающій о себѣ весьма *хорошую* надежду — такъ понравился лже-мессіи, что удостоился обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Какой ударъ для родителей, если только они честные люди!

Читателямъ нашимъ извѣстно, что Е. В. Римскій Императоръ повелѣлъ собрать-

ся сильному корпусу въ Богеміи и вообще на границахъ, сопредѣльныхъ ѳеатру нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, — подъ видомъ защищенія своихъ владѣній въ случаѣ надобности, или, какъ теперь говорятъ, для содержанія вооруженнаго неутралитета. Недавно писано было въ нѣкоторыхъ публичныхъ листкахъ, что Французскому послу, въ Вѣнѣ пребывающему, сдѣланъ вопросъ: что значитъ предпринятое образованіе Польскихъ легіоновъ? Этого уже довольно для разныхъ, очень правдоподобныхъ догадокъ. Принужденный миръ не есть миръ прочный. Австрія имѣетъ причину всего ожидать отъ неукротимой дерзости Наполеона, и отъ его жадности ненасытной. Извѣстіе о вновь начавшейся войнѣ между Австріею и Франціею ни кому не показалось бы сомнительнымъ; вмѣсто того пишутъ теперь изъ Вѣны, что Австрійскимъ полкамъ, находящимся на границѣ, *велѣно возвратиться* на прежнія квартиры, и что опасеніе войны совершенно прекратилось. Не хотимъ вѣрить слуху сему, пока не получимъ подтвержденія, особливо потому, что пишутъ съ береговъ рѣки Майна, будто многіе полки Венгерскіе получили повелѣніе идти въ Польскія провинціи, въ которыхъ, сказать правду, ихъ присутствіе, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, весьма нужно.

Въ Прусской Шлезіи еще только одна крѣпость, а именно Глогау, сдалась непріятелю. Бреславль, Швейдницъ, Зильбербергъ, Глацъ, Нейссе, Бригъ и Козель запасены гарнизономъ и всѣми потребностями къ выдерживанію осады. Королевской Флигель-адьютантъ, Майоръ Графъ Гецъ, обнародовалъ объявленіе Шлезскимъ жителямъ, въ которомъ написано, что Князь Ангальтъ-Плессъ пожалованъ въ Генералъ-Губернаторы Шлезіи, что Король имѣетъ подъ своимъ начальствомъ войско, что двѣ Россійскія арміи стоятъ надъ Вислою, что третья находится въ пути, и проч.

❋

Лудовикъ Бонапарте въ посланіи своемъ къ Ихъ Высокомочіямъ написалъ слѣдующее: „Господа! посылаемъ къ вамъ предначертаніе закона. Въ числѣ Монархій только Голландія не имѣетъ ни одного Кавалерскаго ордена; Голландскій народъ знаніями своими и военными дѣйствіями прославился въ лѣтописяхъ міра; мы возложили на себя долгъ всемѣрно стараться удержать при немъ ту степень и то уваженіе, которыми онъ всегда пользовался: въ слѣдствіе того хотимъ установить общественныя награды для тѣхъ подданныхъ нашихъ вообще всѣхъ состояній, которые отличились или впредь отличатся, а особливо для Офицеровъ морскихъ и сухопутныхъ. Почему и

предлагаемъ вамъ слѣдующее опредѣленїе: 1) Установляется великїй орденъ Королевства, подъ именемъ *ордена Союза*, и другой *Королевской орденъ Заслуги.* 2) Великїй орденъ Союза будетъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 30 Кавалеровъ большаго креста; съ нимъ не сопрягаются никакїя денежныя выгоды; кому оказано будетъ отличїе, тотъ употребитъ собственныя издержки на приготовленїе знаковъ. 3) Королевской орденъ Заслуги будетъ состоять не болѣе, какъ изъ 50 Коммандоровъ и 300 Кавалеровъ. 4) Орденъ Заслуги получаетъ 60,000 гульденовъ на свои издержки. 5) Король объявляетъ себя Великимъ Магистромъ и основателемъ обоихъ орденовъ; титла сїи всегда остаются при его наслѣдникахъ. 6) Король жалуетъ Кавалерами и Коммандорами обоихъ орденовъ въ присутствїи Капитула, состоящаго изъ трехъ старшихъ Коммандоровъ, трехъ старшихъ Кавалеровъ и Великаго Канцлера" и проч.

P. S. Францїя, занявъ своимъ войскомъ Фульду, объявила, что сїе Княжество никогда уже не достанется Оранскому дому. — На лѣвой берегъ Рейна приведено множество рекрутъ. Число войскъ Французскихъ, въ Германїи и въ южной Пруссїи находящихся, простирается до 300,000 человѣкъ. — Мно-

жество врачей вызвано изъ Саксонїи и Пруссїи въ главную Французскую армїю для прекращенїя свирѣпствующихъ болѣзней. — Г-жа Бонапарте (Іозефина) нынѣ гоститъ у Примаса, во Франкфуртѣ. — Черный Георгъ, какъ увѣряютъ, заключилъ миръ съ Турецкимъ Султаномъ, которой призналъ его Княземъ Сербскимъ. — Изъ Берлинской Кунсткамеры Е. В. Короля Прусскаго похищены Французами разныя драгоцѣнности, а изъ Королевскихъ чертоговъ статуи и картины, которыя скоро отправлены будутъ въ Парижъ. — Стралзундъ объявленъ состоящимъ въ осадѣ. Уже сдѣланы приготовленїя выжечь предмѣстїя, въ случаѣ надобности.

12 *Января* 1807.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1807.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

СМЕРТЬ.

Разговоръ первый.

(Изъ Энгелева Свѣтскаго Философа.)

Недалеко отъ Безансона, въ маленькой деревенькѣ жилъ честной, отставной Бригадиръ, Мервиль, старикъ семидесяти лѣтъ, совершенной образецъ добродушія и любезности. Будучи еще молодъ, онъ служилъ въ арміяхъ Людовика XIV, и вмѣстѣ со всѣми Французами воображалъ, что умереть за славу Короля и умереть за благо отечества — одно и тоже; но едва по заслугамъ своимъ получилъ онъ достоинство Бригадира, какъ увидѣлъ, къ совершенному ужасу, что былъ орудіемъ угнетенія народовъ. Лишась одушевляющей мечты, онъ разлю-

билъ и самую службу, потребовалъ отставки, не принялъ пенсіона, которымъ хотѣли наградить его за храбрость и вѣрность, и стыдился почтенныхъ своихъ ранъ, которыя казались ему неизглаженными слѣдами юношескихъ заблужденій. Возвратясь въ деревню, родину давно имъ оставленную, онъ началъ обработывать поля — небогатое наслѣдіе предковъ — и всѣ часы, въ которые былъ свободенъ отъ заботъ хозяйства, посвятилъ Философіи и Музамъ. Посредственность состоянія не позволяла ему дѣлать большихъ издержекъ; онъ долженъ былъ ограничить себя весьма малымъ обществомъ: два или три испытанныхъ друга — и довольно. Въ числѣ ихъ былъ Шевро, Членъ Безансонскаго Парламента, человѣкъ особенно имъ любимый и особенно достойный любви его.

Природа наградила Шевро завиднымъ расположеніемъ ко всему доброму и благородному. Въ характерѣ его не было той легкости, которую обыкновенно приписываютъ молодымъ Французамъ. Онъ имѣлъ болѣе жару, нежели пылкости, болѣе меланхолической задумчивости, нежели веселости; болѣе добродушія, нежели мягкости. Впечатлѣнія, рѣдкія, но глубокія, были неизгладимы въ душѣ его; никогда не обманывала его наружность, никогда лице его не противорѣчило сердцу. Имѣвши право благодарить Провидѣ-

ніе за величайшее благо, какое только оно можетъ даровать человѣку, за родителей добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ, родителей, которыхъ дѣятельная любовь образовала его душу, онъ при всѣхъ необыкновенныхъ качествахъ, полученныхъ отъ природы, былъ человѣкомъ твердыхъ и непоколебимыхъ правилъ честности, съ сильнѣйшимъ патріотизмомъ, былъ совершенно достоинъ имѣть друга, подобнаго Мервилю.

Шевро любилъ — одинъ разъ въ жизни — дѣвицу, прелестную и видомъ и милымъ своимъ сердцемъ, Эльмину, дочь Парламентскаго Президента въ Безансонѣ. Препятствія, которыя нѣсколько лѣтъ противились ихъ союзу съ нею, казались непобѣдимыми; но то, что въ слабомъ сердцѣ умерщвляетъ любовь, то самое въ сердцѣ Шевро ее животворило. Сама Эльмина была привязана къ нему всѣми узами любви и почтенія; по несчастію она была богата, а ея родители надѣялись къ милліону своей дочери присоединить другой милліонъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ знатнѣйшихъ чиновъ во всемъ Королевствѣ. Эльмина терпѣла жестокія гоненія за любовь свою къ Шевро; но она съ твердою рѣшимостію сказала своимъ родителямъ, что никакое убѣжденіе, никакая сила на свѣтѣ не исторгнутъ изъ ея сердца привязанности къ сему человѣку, столь привлекательному и благо-

родному, что она или будетъ его женою, или пойдетъ въ монастырь. Уже нѣсколькимъ женихамъ было отказано; Эльмина была непреклонна. Наконецъ убѣдительный примѣръ одной родственницы, которая, не успѣвши сдѣлаться Маркизою, потеряла навсегда спокойствіе, и увидѣла все свое имѣніе на туалетахъ танцовщицъ и на груди оперныхъ пѣвицъ, смягчилъ ея родителей. Шевро получилъ позволеніе посѣщать ихъ домъ; наконецъ согласились принять его въ свое семейство. Тутъ любовники, въ минуту блаженнѣйшаго соединенія, испытанные горестію и терпѣніемъ, почувствовали, что значитъ несчастіе, и къ какимъ чистымъ радостямъ иногда оно приготовляетъ.

Эльмина скоро должна была сдѣлаться матерью. Воображеніе Шевро единственно устремлялось на ту неизъяснимо-сладостную минуту, въ которую блаженство его увеличится обладаніемъ младенца. Наконецъ наступила сія минута, съ такою радостію, съ такимъ нетерпѣніемъ ожиданная: Эльмина дала жизнь прекрасному сыну.

Радость отца была несказанна; но то была важная, задумчивая радость чувствительнаго человѣка, которой, въ минуту своего блаженства, ощущалъ всю великость должностей, ему предлежавшихъ, и въ глу-

бинѣ души произносилъ обѣтъ всегда почитать ихъ священными. Эльмина счастливо разрѣшилась отъ бремени; но вскорѣ, послѣ многихъ припадковъ, ей приключилась опасная болѣзнь, которая наконецъ сдѣлалась смертельною. Щевро не отходилъ отъ постели; онъ былъ свидѣтелемъ ея неописанныхъ страданій; видѣлъ, какъ юность, едва разцвѣтшая, боролась съ могуществомъ смерти, и какъ наконецъ истощенная натура уступила. Эльмина въ послѣдній разъ съ унылою, трогательною улыбкою устремила глаза на своего супруга, въ послѣдній, ослабѣвшею рукою, съ смертною конвульсіею прижала руку его къ своему сердцу, и томнымъ голосомъ, съ послѣднимъ вздохомъ жизни сказала: Щевро, не позабудь любви моей!

Никакое завѣщаніе умирающаго друга не исполнялось такъ свято. — Щевро съ покойнѣйшимъ равнодушіемъ приготовилъ все для погребенія своей Эльмины. Онъ смотрѣлъ на ея тѣло, и не плакалъ; остался одинъ — мрачный, неподвижный — и укорялъ себя въ нечувствительности; на другой день послѣ погребенія попадается ему нечаянно на глаза ожерелье Эльмины — подарокъ супругѣ въ день ея рожденія: тутъ пробудилось его сердце, онъ упалъ на землю, и залился слезами.

Видъ младенца, милой причины ея смерти, всякой день разтравлялъ его раны, и не смотря на то, былъ единственнымъ утоленіемъ его скорби. Уже на ясномъ лицѣ невинности изображалась вся пріятность, вся трогательная чувствительность Эльмины; съ каждымъ днемъ сіе сходство увеличивалось. Шевро не могъ смотрѣть на своего сына безъ скорбнаго и вмѣстѣ сладостнаго содроганія; въ меланхолическихъ взорахъ его изображалось какое-то горестное, мучительное наслажденіе; смотря на него, онъ вспоминалъ о протекшемъ, о часахъ прежняго щастія, чистаго, незабвеннаго и, увы! невозвратимаго; онъ любилъ своего сына съ нѣкоторою страстію: въ сей любви соединены были всѣ его радости, всѣ прошедшія и всѣ настоящія.

Въ нѣсколько лѣтъ Луи сдѣлался милымъ, прелестнымъ мальчикомъ, предметомъ зависти всѣхъ матерей Безансонскихъ. Красота младенца одушевлялась веселостію, живо напечатлѣнною на цвѣтущемъ лицѣ его. Шевро устремлялъ всѣ усилія на образованіе своего сына; онъ наслаждался, такъ какъ немногіе отцы наслаждаются, слѣдуя за нимъ съ одной степени совершенства на другую. Луи начиналъ уже свободнѣе объяснять всѣ маленькія идеи, всѣ милыя чувства невинной

души своей; уже обнаруживались въ немъ всѣ признаки яснаго, высокаго ума, и сердца, способнаго ко всему возвышенному и благородному; но вдругъ, зараженный оспою, послѣ ужаснаго и тяжкаго боренія съ болѣзнію, онъ умираетъ на рукахъ отца своего. Шевро, свидѣтель страданія Эльмины, былъ свидѣтелемъ и страданій невиннаго младенца; видѣлъ его подъемлющаго руки, слышалъ трогательный голосъ, молящій о помощи, которую былъ онъ подать не въ силахъ, наконецъ увидѣлъ его хладнаго и неподвижнаго. Сей послѣдній ударъ, сильнѣйшій перваго, растворилъ всѣ прежнія раны сердца; всѣ прежнія страданія возобновились съ новою, неописанною силою. Потерявъ два существа, драгоцѣннѣйшія для души своей, онъ потерялъ съ ними привязанность ко всему земному, привязанность и къ друзьямъ и къ самому себѣ. Несчастный, не имѣющій внѣ себя ничего любезнаго, наконецъ и отъ самаго себя отвращается. Весь пламень его души, прежде устремленный на Эльмину и Луи, на сіи священные предметы любви чистой и безкорыстной, долженъ былъ сокрыться во глубину ея, и тамъ истощаться безплодно: ужасныя мысли, которыми оскорбленное человѣчество мститъ Провидѣнію, когда почитаетъ его неправымъ, остались единственною пищею сей души, раздраженной

мученіемъ. Погруженный въ такое безмолвное и угрюмое уныніе, онъ могъ еще своимъ воображеніемъ преобратить всю окружавшую его природу въ обитель ужаса и бѣдствія. Посреди міра Божія остался онъ съ такимъ сердцемъ, съ какимъ другъ человѣчества обитаетъ въ землѣ, деспотомъ угнетаемой.

Единственный голосъ, иногда доходившій до его сердца, былъ голосъ Мервиля. Старикъ скоро изъ рѣчей Шевро узналъ весь ужасъ его положенія: онъ щадилъ его, и въ разговорахъ своихъ не смѣлъ напоминать о той потерѣ, которая такъ страшно омрачила судьбу сего несчастливца. Иногда старался онъ оживлять его увядшую чувствительность, обращая ее на тотъ или на другой предметъ, и надѣясь произвести въ его сердцѣ какое-нибудь спасительное потрясеніе. Наконецъ видя, что Шевро становился часъ отъ часу мрачнѣе и угрюмѣе, заключилъ, что самая дружба запрещала щадить его: тогда рѣшился онъ очистить и изцѣлить раны своего друга, прежде нежели ядъ ихъ могъ вкрасться во внутреннѣе сосуды жизни, и уничтожить самую возможность изцѣленія. Скоро представился случай исполнить сіе благодѣтельное намѣреніе. Шевро, болѣе изъ вѣжливости, нежели по внушенію сердца, и желая за-

платить Мервилю за его частыя посѣщенія, назвался пріѣхать къ нему въ деревню.

„Душа ваша разстроена — сказалъ старикъ, положивъ съ нѣжнымъ участіемъ обѣ руки на плеча своего друга: и вы дурно дѣлаете, любезный Шевро, что совершенно въ самаго себя углубляетесь; позвольте другу увидѣть ваше сердце; и если моя постоянная къ вамъ привязанность даетъ мнѣ нѣкоторое право на вашу любовь, то не скрывайте отъ меня причины сего безпрестаннаго, угрюмаго унынія! Вы такъ часто называли меня своимъ отцемъ! . . . И я жилъ въ свѣтѣ! и я былъ несчастливъ!“

Право? — сказалъ Шевро съ видомъ человѣка, въ которомъ собственное несчастіе уничтожило всю способность чувствовать чужія горести.

„Я имѣлъ жену и дѣтей, и потерялъ ихъ: сердце мое все испытало, что только человѣческому сердцу испытать возможно. Я знаю, каково разрушить вдругъ всѣ сладостныя связи, уничтожить всѣ милыя надежды сердца, и не смотря на то, Шевро . . . . не смотря на то, были еще ужаснѣйшія минуты въ моей жизни, минуты, въ которыя друзья мои, существа, обладавшія моимъ сердцемъ, явились предо мною въ

видѣ предателей. Тогда отчаялся я въ человѣческой натурѣ, тогда усомнился въ бытіи добродѣтели. Живучи посреди людей, я почиталъ себя въ кругу бѣснующихся, или злодѣевъ, и только вы, любезный Шевро, и только подобные вамъ можете понять, сколь бѣдственно было мое состояніе. О мой другъ! о еслибъ по собственному чувству могли вы знать сіе ужасное состояніе!"

Чтожь если мнѣ извѣстно ужаснѣйшее! Отъ общества человѣковъ можно бѣжать; есть пещеры и степи: но, Мервиль . . . . — Онъ замолчалъ, и съ глубокимъ вздохомъ устремилъ глаза на небо.

„Но, Шевро!" —

За чемъ говорить о томъ, о чемъ и мыслить уже страшное бѣдствіе! — онъ опять на минуту умолкъ, наконецъ съ глубокимъ душевнымъ прискорбіемъ и съ видимымъ трепетаніемъ всѣхъ членовъ произнесъ: Куда и какъ бѣжать отъ Бога? — Онъ вскочилъ съ мѣста, и пошелъ стремительно въ садъ, желая избавить себя отъ такого разговора, который слишкомъ былъ для него мучителенъ. Мервиль за нимъ послѣдовалъ.

„Ты въ рукахъ моихъ, Шевро! ты непремѣнно долженъ мнѣ открыться. Мой другъ, говори со мною, какъ бы говорилъ съ собственною мыслїю! — Ты недоволенъ Творцемъ своимъ?“

Ужасно, если это правда, Мервиль! —

„И еще было бы ужаснѣе, когда бы ты имѣлъ право! Но, Шевро — прибавилъ онъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, устремивъ на него блистающїе взоры — нѣтъ! ты не имѣешь права! ты не можешь имѣть его. Недовольный Творцемъ недоволенъ и всѣмъ, что превосходно и совершенно: сущая невозможность для души способной мыслить! Пойми себя, мой другъ! ты недоволенъ своимъ *понятїемъ* о Творцѣ. Смотри же, какъ много выигрываешь отъ сего единственнаго объясненїя. — Когда бы причина заключена была въ самомъ *Богѣ*, Существѣ безконечно тебя превышающемъ, безконечно могущемъ; тогда какое прибѣжище могло бы для тебя остаться, для тебя, невластнаго перемѣнить законовъ мїра, невластнаго воспротивиться тому потоку, который неодолимо тебя увлекаетъ своимъ стремленїемъ? Когда же причина заключена въ одномъ только понятїи твоемъ о Богѣ: тогда, Шевро, тогда осталась еще

надежда. Мой другъ! уничтожимъ сїе ложное понятїе, и вмѣсто обманчивой точки зрѣнїя поспѣшимъ открыть настоящую и вѣрную."

Они приближились къ крутому скату вызвышенїя, на которомъ стоялъ Мервилевъ домъ; передъ нимъ простиралась обширная долина, усѣянная деревьями, рощами, зелеными холмами. Старикъ посадилъ своего друга на дерновую скамью подъ сѣнь густаго каштановаго дерева; простеръ руку на восхитительно-прелестную окружность, на поля обогащенныя жатвами, на пажити, оживленныя стадами, на пригорки, украшенные виноградомъ, и съ выраженїемъ убѣжденнаго человѣка сказалъ: „обвиняйте Провидѣнїе; я буду его оправдывать."

Какъ, Мервиль! насѣкомому возставать противъ Всемогущаго? созданїю одной минуты противъ Вѣчнаго возмущаться? — О! нѣтъ; позвольте мнѣ обожать и безмолвствовать. Богъ тамъ, гдѣ я говорю . . . . .

„И тамъ, гдѣ ты мыслишь, Шевро!"

И для чего же мнѣ говорить, Мервиль? Беретесь ли объяснить всѣ сомнѣнїя ума моего? усмирите ли всѣ буйныя чувства моего сердца? —

„Всѣ, мой другъ? Нѣтъ, я стою на краю гроба, и, можетъ быть, послѣднихъ

минутъ, оставленныхъ мнѣ Провидѣнїемъ, будетъ слишкомъ мало, можетъ быть уже не успѣю убѣдить тебя. Никогда остроумїе человѣка не бывало такъ изобрѣтательно и языкъ его такъ краснорѣчивъ, какъ въ тѣ минуты, когда онъ дерзалъ судить своего Бога; но если какая-нибудь чрезмѣрная скорбь, какое-нибудь мучительное сомнѣнїе тебя угнѣтаютъ — —"

Хорошо, Мервиль; вы принуждаете меня обнаружить предъ вами мое сердце; хорошо, я буду говорить. Повѣрьте, не утрата моихъ любезнѣйшихъ дѣлаетъ меня теперь несчастнымъ; ихъ уже нѣтъ, и я побѣдилъ свою горесть: но взоры мои, отвратившись отъ ихъ гроба, устремились на человѣчество и природу — — о другъ мой! человѣкъ для собственнаго спокойствїя долженъ не мыслить, а только обманывать себя мечтами; его спокойствїе въ незнанїи бѣдности житейской . . . Иду во слѣдъ за каждымъ бытїемъ, за каждою силою, дѣйствующею въ природѣ: онѣ изчезаютъ въ разрушенїи. Прислушиваюсь къ восклицанїямъ и пѣснямъ радости: онѣ обращаются въ стенанїя печали. Разсматриваю лице, оживленное улыбкою блаженства и блескомъ наслажденїя: черезъ минуту оно обезображено конвульсїями смерти. Все, все въ природѣ лежитъ на разрушенїи, погибели, ничтожествѣ. Ангелъ жизни на-

саждаетъ бытіе единственно для того, чтобы Ангелъ смерти, за нимъ летящій, всегда имѣлъ готовую жертву. Надежды на счастіе, которое всегда сокрыто во глубинѣ отдаленнаго, украшаютъ жизнь единственно для того, чтобы минута ужаснаго содроганія смерти казалась для насъ еще ужаснѣйшею, — и если посмотрю на всю сію пучину страданія, на всѣхъ издыхающихъ на одрѣ кончины, въ минуту мучительнаго уничтоженія, на всѣхъ оставленныхъ и осиротѣвшихъ; если всякой глыбѣ земли, попираемой ногою моею, могу сказать: ты могила милліоновъ, которые терзались, обнимали съ трепетаніемъ драгоцѣнную жизнь, и отторгнутые отъ нея погибли! если къ каждой пылинкѣ, у ногъ моихъ лежащей, говорить могу: и ты была чувствительною нервою, и ты содрогнулась въ минуту разрушенія! если долженъ обитать въ природѣ, какъ въ страшномъ и необъятномъ хранилищѣ труповъ, костей и праха: — тогда могу ли внять голосу моего друга, могу ли думать о счастіи, могу ли радоваться и улыбаться? — — — Нѣтъ! всѣ мои благороднѣйшія и возвышеннѣйшія понятія уничтожены; во мнѣ уже нѣтъ оной всеоживляющей мысли о безконечномъ милосердіи; ничего, ничего не осталось въ душѣ моей, кромѣ грознаго понятія о всемогуществѣ. — Мервиль! вы указали на сіи прекрасныя цвѣтущія долины;

какъ будто бы одно ихъ зрѣлище могло быть довольно убѣдительнымъ; но, Мервиль — и сія красота, и сія жизнь, которою здѣсь все дышетъ и все такъ полно, — онѣ изникли изъ разрушенія, и опять должны изчезнуть въ разрушеніи. — Нѣтъ! нѣтъ! самая возможность счастія для меня погибла: натура потеряла свое очарованіе въ глазахъ моихъ.

„О какъ ты несчастливъ, другъ мой! Но для чего же прежде сія самая натура, которую теперь находишь пустынною и мертвою, приводила тебя въ восхищеніе? Шевро! вспомни о томъ прекрасномъ тихомъ вечерѣ, когда на самомъ этомъ мѣстѣ сидѣлъ ты подлѣ Эльмины! вспомни, какъ все тогда казалось тебѣ исполненнымъ жизни и великолѣпія; какъ далека была душа твоя отъ мрачной идеи о смерти, отъ горестнаго помышленія о ничтожности.“

Я не забылъ о немъ, Мервиль! то были часы моего счастія, сіи толь скоро промчавшіеся часы моего счастія! Воображеніе, одушевленное радостію . . . . о! какъ быстро преобращаетъ оно и самую пустыню въ садъ Эдемскій!

„Право? ты почитаешь это возможнымъ для воображенія? . . И такъ ему воз-

можно еще болѣе! волшебство его не рѣдко изъ самаго сада Эдемскаго творитъ ужасную пустыню! Такому ли путеводцу захочешь послѣдовать, путеводцу, которой самъ прежде повинуется направленїю чувства, и потомъ собственнымъ полетомъ далеко отклоняется отъ путей истины? Ограничь разсудкомъ сїю безпорядочную силу воображенїя; пускай за сими пристрастными взглядами послѣдуетъ новый безпристрастный взглядъ на творенїе: тогда сладостный миръ снова поселится въ душѣ твоей, мрачная твоя горесть обратится въ тихое унынїе, и борьба со враждебною судьбою въ спокойную покорность Всемилосердому. — Уже ли не признаюсь, что въ природѣ есть горе? скажу ли, что образъ смерти не ужасенъ? — Нѣтъ! я противорѣчилъ бы тогда собственному непобѣдимому увѣренїю. Я чувствую, какъ и другой, что жребїй мой — кончина; ужасы смерти не пощадятъ меня, какъ и самой Ангелъ смерти; ахъ! можетъ быть и то, что робкїй, слабый старикъ встрѣчаетъ ихъ съ сильнѣйшимъ содроганїемъ, нежели юноша. — — Но ты, Шевро, уже ли не согласишься, что жизнь имѣетъ радости? уже ли ты, обладавшїй нѣкогда Эльминою, и теперь неблагодарный противъ Того, Кто наградилъ тебя симъ благомъ, уже ли осмѣлишься не признать ихъ, уже ли отречешься отъ сихъ

возвышенныхъ радостей, которыя даны тебѣ вмѣстѣ съ жизнїю?"

Нѣтъ, Мервиль, я не отрекусь отъ нихъ.

„И тамо наша жизнь имѣетъ свои радости?"

Непрочныя! мечтательныя!

„Какая несправедливость, Шевро! А наши горести развѣ прочнѣе и существеннѣе? — Уже ли слезы восхищенїя, которыя блистали въ глазахъ твоихъ въ то время, когда, на самомъ этомъ мѣстѣ, сидѣлъ ты подлѣ Эльмины, и былъ такъ счастливъ, мечтательнѣе сихъ горькихъ слезъ, которыя теперь изъ тѣхъ же самыхъ глазъ излиться готовы? и сїи самыя слезы уже ли не могутъ скоро изсякнуть? Другъ мой! бытїе наше *имѣетъ* радости существенныя, разнообразныя — этого не льзя отвергнуть. Остается разрѣшить вопросъ: стоитъ ли радость горестей, и жизнь смерти? Если ты сомнѣваешься . . . . ."

И могу ли не сомнѣваться, Мервиль? Вся бѣдность человѣка передъ глазами моими безпредѣльная, неописанно разнообразная. Но радости человѣка? о! сколь онѣ малочисленны! и сїи малочисленныя сколь несовершенны и ничтожны!

„Такъ думаетъ несчастливецъ въ минуту скорьби и ропота. Шевро! есть тысячи, которые въ жизни своей были стократъ блаженнѣе тебя — я могъ бы на нихъ указать; но я хочу говорить о *твоей* жизни. — И такъ, мой другъ! ты думаешь, что радостей было для тебя слишкомъ мало?“

Я въ этомъ увѣренъ.

„Ахъ нѣтъ, Шевро! ты въ заблужденіи.“

То есть, мои чувства приводятъ меня въ заблужденіе; но кто же, кромѣ чувствъ, можетъ быть правосуднымъ судьею и счастія и несчастія, и скорьби и удовольствія? . . . . . .

„Но самое сіе чувство — —“

О! оно во глубинѣ моего сердца, и никакія убѣжденія разсудка не извлекутъ его оттуда.

„Я и не думалъ о убѣжденіяхъ разсудка. Всякое чувство безъ сомнѣнія должно быть собственнымъ своимъ судьею; но будущее и протекшее суду его не подвержены. — Любезный Шевро! густое облако распространило ужасную тѣнь на всю твою жизнь, тѣнь, которою все обезображено и все омрачается. Глядишь ли на протекшее — оно для тебя мертво! какое воспоминаніе своимъ со-

вершенствомъ, своею силою и полнотою можетъ сравняться съ тягостнымъ ощущеніемъ настоящихъ страданій? А будущее — что для тебя будущее? точка настоящаго, на цѣлую жизнь разпространенная. Ты придаешь безконечность своей печали, думая, что вѣчная потеря должна имѣть и слѣдствія вѣчныя — при такомъ несчастномъ состояніи сердца, когда всякое бѣдствіе, тебя постигшее, столь мрачнымъ, столь грознымъ и непобѣдимымъ тебѣ представляется, когда прелестные призраки утраченныхъ радостей блистаютъ такъ рѣдко и тускло, подобно немногимъ звѣздамъ, посреди туманнаго неба мелькающимъ, какъ можешь ты полагаться на приговоръ своего чувства? способенъ ли свѣсить горесть и радость, и самую смерть признать достойною цѣною жизни? — О Шевро! если бы не боялся я нанести чрезмѣрно чувствительной раны твоему сердцу . . . . . "

Моему сердцу! чувствительной раны!

„Хорошо, мой другъ! слушай — я желалъ бы сказать тебѣ голосомъ Всемогущаго: Шевро! мой приговоръ уничтоженъ: да будетъ жизнь твоя подобна жизни другихъ людей! Возвращаю тебѣ Эльмину, она предъ тобою, и на рукахъ ея тотъ младенецъ, котораго бытіе было причиной ея смерти! — когда бы съ живымъ восторгомъ ты устремился въ ея объятія, когда бы съ неизречен-

нымъ наслажденіемъ отца прижалъ къ сердцу своего сына; тогда по усмиреніи перваго бурнаго чувства, при первой спокойнѣйшей улыбкѣ, я взялъ бы тебя за руку и сказалъ: Шевро, чего болѣе въ природѣ, удовольствія или печали? О! какимъ бы восхитительнымъ блескомъ тогда озарилось для тебя протекшее! въ какой бы легкой, едва примѣтной туманъ обратились сіи облака, толь грознымъ сумракомъ покрывающія твою участь! Но въ чемъ бы произошла тогда перемѣна, въ самой ли твоей жизни, или только въ твоихъ понятіяхъ о жизни? прошедшее не осталось ли бы такимъ же точно, какимъ оно было прежде, а будущее также неизвѣстнымъ и непроницаемымъ для очей смертнаго? — Шевро, сказалъ бы я еще, сіе чувство блаженства достойно ли быть куплено цѣною страданія? и сколь бы ничтожнымъ тогда представилось глазамъ твоимъ страданіе! сколь быстро поднялась бы въ верхъ его чаша, которую оно теперь своею тяжестію къ землѣ приклоняетъ! — — Извини, мой другъ, если словами своими усиливаю твою горесть. По несчастію, я не имѣю сего всемогущаго гласа; но ты, Шевро, ты можешь испытать могущество разсудка. Остановись на минутѣ настоящей, и раздѣли свою жизнь. Твое будущее не можетъ остаться такимъ, какъ теперешняя твоя го-

рестъ его изображаетъ: но всякую радость, но всякое счастїе, возможныя для ума моего, ты примешь теперь за нарушенїе любви супружеской и родительской. И такъ смотри на одно прошедшее! старайся быть непристрастнымъ въ своемъ приговорѣ! испытай, чего болѣе ты имѣлъ въ жизни: удовольствїя, или печали."

Какой разговоръ, Мервиль! О, сколь противно моей душѣ то, что долженъ вамъ сказать въ отвѣтъ! Я гнушаюсь неблагодарностїю, и теперь могу ли самъ сдѣлаться неблагодарнымъ? могу ли даже имѣть наружность неблагодарнаго? Нѣтъ, мой другъ! нѣтъ! скажу, что были радости въ моей жизни.

„Скажешь, не будучи въ этомъ увѣренъ?"

Скажу, потому что въ этомъ увѣренъ. О! тотъ самый Творецъ, который одарилъ меня сею жизнїю, тотъ самый благословилъ меня и многими радостями. Видите, Мервиль, какъ я охотно съ вами соглашаюсь!

„И долженъ согласиться! въ противномъ случаѣ, не имѣвши радостей, могъ ли бы ты, Шевро, такъ унывать объ ихъ утратѣ? и могъ ли бы предаваться такой чрезмѣрной печали, когда бы самыя сїи радо-

сти были ничтожны? — Ты хочешь судить о своей жизни, мой другъ! но по какимъ понятіямъ будешь судить объ ней? По счастію и несчастію? по слезамъ и улыбкамъ? по надеждамъ, исполнившимся и разрушеннымъ? по всему мечтательному и существенному.“ —

Какъ же иначе?

„Скажи лучше: какъ несправедливѣе? — Отъ чего мы такъ часто бываемъ неправыми обвинителями своего Создателя? отъ того, что наши понятія, слабыя и ничтожныя, всегда полагаютъ такія границы, какихъ не можетъ быть въ натурѣ. Мы любимъ раздѣлять и отдѣлять, когда въ самой вещи все смѣшано и нераздѣлимо. Не рѣдко горесть бываетъ не горесть, а наслажденіе. Ужасъ имѣетъ свой сладостный трепетъ; несчастіе пріятно въ воспоминаніи; чувство слабости приводитъ друга въ объятія друга; унылость располагаетъ сердце ко всякому нѣжному, слѣдовательно сладкому ощущенію; нужда производитъ въ насъ довѣренность къ нашей силѣ и нашему достоинству — Такъ, другъ мой, такъ судя о жизни . . . Но могу ли сего требовать отъ тебя, обремененнаго печалію! Выслушай меня, Шевро, меня, который былъ несчастливъ, который самъ, подобно тебѣ, всего лишился, который, какъ и ты, имѣлъ душу одаренную сильными чувствами. Уже вол-

неніе страстей усмирилось въ моемъ сердцѣ! Ничто болѣе не можетъ меня сдѣлать пристрастнымъ къ небу, ни радость, ни скорьбь чрезмѣрныя! Состояніе моего духа есть спокойствіе. Съ симъ вожделѣннымъ спокойствіемъ обращаю назадъ свои взоры, смотрю на протекшее, и благодарю моего Создателя: тамъ ясныя минуты многочисленнѣе мрачныхъ; добра несравненно болѣе, нежели зла. Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ и жизнь милліоновъ, въ такомъ же видѣ и бытіе звѣря и бытіе насѣкомаго; ибо и они вышли изъ рукъ того же Бога, который и меня вызвалъ изъ ничтожества; и наконецъ — Шевро, какъ благодарить тебя за усовершенствованіе моего блаженства? какъ благодарить за то восхитительное сіяніе, которымъ ты озарилъ окрестъ меня природу? — И такъ каждая глыба земли, которую нога твоя попираетъ, есть могила милліоновъ? — О мысль животворящая! Сіи милліоны были здѣсь, наслаждались бытіемъ, ощущали себя блаженными! каждая пылинка, лежащая у ногъ моихъ, была чувствительною нервою! Мечта неизъяснимо сладкая! Сія нерва была нѣкогда оживлена для удовольствія! сія нерва чаще содрогалась отъ наслажденія, нежели отъ скорьби! — — Но спрашиваю, для чего же сія радость не безконечна, для чего находимъ въ природѣ смерть?"

Предвижу вашъ отвѣтъ, Мервиль! когда есть жизнь, скажете вы . . . .

„Такъ, конечно тогда и смерть необходима. Смерть есть условіе жизни, смерть, изтекающая со всѣми своими ужасами, со всѣмъ своимъ мученіемъ, изъ той же самой натуры, изъ которой и радости наши изтекаютъ — теперь захочешь ли спросить, Шевро, для чего есть *жизнь* въ природѣ?“

Могу спросить, для чего *сія* жизнь, а не другая, для чего сія слабая, скоропреходящая, такимъ многообразнымъ страданіямъ подверженная натура, а не другая совершеннѣйшая досталась въ удѣлъ человѣку?

„Чтожь мнѣ отвѣчать на такой вопросъ? Представить ли глазамъ твоимъ чертежъ созданія? указать ли на сію неразрывную цѣпь, въ которой всѣ кольца, такъ плотно между собою соединенныя, одно безъ другаго существовать не могутъ? Нѣтъ, Шевро! такое разсматриваніе завело бы насъ слишкомъ далеко во мрачность, слишкомъ священную и непроницаемую. Лучше отвѣчай мнѣ! Ты желаешь радости? ты требуешь счастія?“

Конечно, по праву всѣхъ, имѣющихъ умъ и чувство.

„Какогожь счастія, Шевро? извѣстнаго тебѣ или неизвѣстнаго, постигаемаго твоимъ понятіемъ или непостигаемаго?“

Безъ сомнѣнія — постигаемаго!

„Смотри же, какое противорѣчіе въ твоихъ желаніяхъ, и какъ противорѣчитъ себѣ тотъ, или смѣетъ судиться съ Богомъ! — Мы требуемъ *своихъ* радостей, собственныхъ своихъ радостей, соединенныхъ съ сею собственною нашею натурою, по сему собственному нашему чувству намъ извѣстныхъ; и притомъ отвергаемъ ту самую натуру, съ которою наши радости необходимо соединяются. — Не должны ли мы устыдиться, Шевро, испытавъ все безумство тѣхъ обвиненій, по которымъ Творца предъ судилище свое призываемъ? Ни слова больше о твоемъ возраженіи! оно слишкомъ неосновательно и ничтожно — — И такъ наша жизнь имѣетъ свои радости, которыхъ большую часть неблагодарность наша забываетъ при разсчетѣ. Натура, изъ которой онѣ изтекаютъ въ такомъ изобиліи, неразлучно соединяется съ смертію; одинъ безумецъ въ своемъ ропотѣ назоветъ Провидѣніе неправымъ за то, что оно даровало намъ сію, а не другую натуру, что человѣка сотворило человѣкомъ, а не безсмертнымъ Ангеломъ. Смертныя муки — о! какъ могъ я столь долго отдаляться отъ сей великой идеи! — смертныя муки услаждаются взглядомъ на лучшую жизнь, надеждою на безсмертіе, въ которомъ все увѣряетъ человѣка — и разсматриваніе природы, и сладкая вѣра въ ея Создателя;

и если все, мой другъ, въ Божіемъ мірѣ таково, каково оно быть должно: то можетъ ли мой разсудокъ возстать противу Неба, и можетъ ли въ начертаніи человѣческой жизни находить одни слѣды враждебной силы, а не признаки Милосердія, вѣчно дѣйствующаго и всесохраняющаго? — Всегда, Шевро, всегда человѣческая безсмысленность обрѣтаетъ въ смерти одно *простое* зло, тогда какъ она есть зло *необходимое*; скажу болѣе! назову смерть источникомъ добра, источникомъ благъ, которыя безъ нее не могли имѣть начала!"

Смерть источникъ благъ?

„Конечно! и смерть и всякое зло въ природѣ. — Посмотри, Шевро! на горизонтѣ за отдаленными холмами собирается ужасная громовая туча: тамъ гибель и жизнь таятся въ одномъ и томъ же нѣдрѣ; тамъ благость и разрушеніе въ единомъ мракѣ скрываются! И въ смерти, ономъ ужаснѣйшемъ злѣ, не тоже ли видитъ безпристрастное око?"

Но мрачное небо и пыль, которая столбомъ подымается на долинѣ, предвѣщаютъ близость грозы. Возвратимся домой! тамъ, слыша удары грома, при смѣшенномъ шумѣ дождя и вѣтровъ, будемъ продолжать свои разсужденія о смерти, будемъ говорить о Богѣ, который и въ буряхъ и въ громахъ

также достоинъ обожанія, какъ и въ прохладномъ дыханіи утренняго вѣтерка, когда свѣтозарное солнце надъ пламенными холмами востока является.

(Окончаніе въ слѣд. Нум.)

II.

Орелъ и Жукъ.

(Басня)

Орелъ, пустясь изъ тучь, на Кролика напалъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы приютиться,
На норку Жука набѣжалъ;
Не норка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И лапкѣ мѣста нѣтъ! нашъ Кроликъ такъ и сякъ,
Свернувшися въ кулакъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орелъ за нимъ стрѣлою,
И хочетъ драть. Жучекъ приползъ къ его ногамъ:
„Царь птицъ! и я и онъ ничто передъ тобою!
Но сжалься, пощади! позоръ обоимъ намъ.
Когда въ моей норѣ невинность растерзаешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепріимства знаешь:
Смягчись, или пускай погибну съ нимъ и я!“

Орелъ съ улыбкою надменной,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ Жучка крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ,
Какъ не бывалъ! — Жучекъ, жестоко оскорбленной,
Въ гнѣздо къ Орлу! и вмигъ яички всѣ побилъ:
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотябъ одно, хотябъ одно онъ пощадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое разоренье,
Наполнилъ крикомъ лѣсъ;
Стенаетъ:
О ярость! Кто сей врагъ? кому отмстить? . . . . не знаетъ!
Напрасно сѣтуетъ: среди пустыхъ небесъ
Отчаяннаго стонъ безплодно изчезаетъ.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложить,
Гнѣздожь повыше свить.
Пришла весна! въ гнѣздѣ яички! матка сѣла.
Но Жукъ не спитъ, опять къ гнѣзду, — ячекъ нѣтъ!
Увы! едваль взглянуть на нихъ она успѣла:
Страданье выше мѣръ! груститъ! противенъ свѣтъ!
И эхо цѣлой годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный Орелъ
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслитъ: „Кто дерзнетъ къ сѣдящему во славѣ

Съ злодѣйской мыслью приступить!
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтей моихъ хра-
нить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мірѣ?
Осмѣльтесь хищники подняться къ небесамъ!"
И яица кладетъ на Зевсовой порфирѣ.
Но Жукъ — проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Онъ платье Вѣчнаго закапалъ грязью. Богъ —
Которой пятнышка на немъ терпѣть не
могъ —
Тряхнулся, яйцы хлопъ! Орелъ взбѣсился,
На Зевса окрикъ: „Я сей часъ съ небесъ
долой,
Оставлю и тебя и громъ и нектаръ твой!
Въ пустыню спрячусь! Богъ съ то-
бою!" —
Всевышній струсилъ; звать Жучка;
Жучокъ предсталъ;
Что было, гдѣ и какъ, Зевесу разсказалъ,
И вышло, что Орелъ одинъ всему виною.
Мирить ихъ: къ статѣ ли! и слышать не
хотятъ!
Чтожь сдѣлалъ Царь вселенной?
Нарушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утверж-
денной.
Съ тѣхъ поръ, когда Орлы на яицахъ си-
дятъ,
Родъ жучій, вмѣстѣ съ байбаками,
Не видя свѣта, скрытъ подъ снѣжными буграми.

В. Ж — ій.

III.

Англійская промышленность.

Въ галантерейныхъ лавкахъ, въ Лондонѣ, появилось множество искуственныхъ насѣкомыхъ, сдѣланныхъ изъ золота, серебра, металлическихъ составовъ и проч. Сіи вещицы употребляются для ношенія на головѣ и на косынкахъ. Черныя мухи всему предпочитаются; второе мѣсто по нихъ занимаютъ прекрасныя бабочки. Для праздничнаго убора бабочки дѣлаются съ драгоцѣнными камнями различныхъ цвѣтовъ, изображающихъ естественную пестроту насѣкомаго.

Извѣстно, что изъ стекла приготовляются весьма тонкія трубочки, называемыя волосяными. Едва ли гдѣ-нибудь, кромѣ Англіи, умѣютъ такъ искусно дѣлать сію игрушку, которая однакожь служитъ къ чести ремесленника. Въ стекольныхъ Лондонскихъ лавкахъ продаются теперь султаны изъ стекла, которые по тонкости своей, по прекрасному виду и по удивительной работѣ нравятся Англійскимъ щеголихамъ. Въ Лондонѣ давно уже носятъ стеклянные султаны; жаль только, что уборъ сей не можетъ быть прочнымъ.

Въ числѣ новыхъ Англійскихъ издѣлій достойны примѣчанія цыфирныя доски на

часахъ, наведенныя желтою эмалью, а еще болѣе, цыфирныя же доски золотыя, дѣлаемыя на старинный образецъ. Расточительные охотники до модныхъ вещицъ наперерывъ стараются запастись часами съ новѣйшими цыфирными досками.

Нельсонова побѣда надъ Французами имѣла важное влїянїе на дѣла политическїя; но польза ея гораздо болѣе ощутительна по тому впечатлѣнїю, которое знаменитый Герой оставилъ въ сердцахъ земляковъ своихъ. Чистая любовь къ отечеству пламенѣла въ душѣ Нельсона, когда онъ отдавалъ послѣднїй приказъ флоту: „Англїя надѣется, что каждой исполнитъ свою должность!“ Англичане никогда не забудутъ сего достопамятнаго изреченїя. На многихъ товарахъ, а особливо приготовляемыхъ для всенароднаго употребленїя, на примѣръ на лентахъ и тому подобныхъ издѣлїяхъ, изображены слова: *Англїя надѣется, что каждой исполнитъ свою должность!*

IV.

Англїйскїе Анекдоты.

Дѣдъ нынѣшняго Герцога Нортумберланда былъ человѣкъ весьма гордой. Его иначе

же называли, какъ высокомѣрнымъ Герцогомъ Соммерсетомъ. Служитель въ черномъ платьѣ, съ жезломъ въ рукѣ, каждой день передъ обѣдомъ приходилъ въ гостинную, и восклицалъ громогласно: „Слушайте, слушайте, слушайте (oyez, oyez, oyez)! да будетъ извѣстно, что Его Свѣтлости Герцога Соммерсета столъ уже накрытъ!“ и тотчасъ удалялся. Можно судить, какъ трудно было получить доступъ къ сему кичливому Герцогу. Славный въ тогдашнее время Докторъ Ратклифъ, пришедши къ нему за крайнею нуждою, принужденъ былъ дожидаться нѣсколько времени. Герцогу, въ бытность его Вице-Королемъ въ Ирландіи, случилось занемочь; въ то самое время Докторъ пріѣхалъ въ Дублинъ для своихъ надобностей. Вице-Король, услышавъ о прибытіи славнаго врача, весьма обрадовался, и велѣлъ поскорѣе звать его къ себѣ. Имѣя удобной случай отмстить гордецу, Ратклифъ отвѣчалъ, что онъ въ Ирландіи не отправляетъ врачебной практики, и что если Герцогъ имѣетъ нужду, то потрудился бы самъ пріѣхать къ нему на квартиру. Отвѣтъ показался Герцогу очень страннымъ; однакожь чего не сдѣлаешь для здоровья! Онъ пріѣхалъ къ Доктору; велѣлъ сказать о себѣ; но принужденъ былъ дожидаться Ратклифа, которой вышелъ не прежде, какъ черезъ полчаса. „Вѣрно вамъ невнятно сказали мое имя;

иначе вы поспѣшили бы принять меня. Я Герцогъ Соммерсетъ, Вице-Король Ирландіи!" — Знаю, отвѣчалъ Докторъ; но мнѣ до того нѣтъ нужды. Вы пріѣхали къ человѣку, которой значитъ болѣе васъ. Король властенъ, кого захочетъ, возвести въ достоинство Герцога и Вице-Короля Ирландіи: другаго Ратклифа сотворить можетъ только одинъ Богъ.

❋

Бровнъ, Англичанинъ духовнаго званія, не учился ни въ какомъ Университетѣ, и изъ древнихъ языковъ разумѣлъ только одинъ Латинской. Желая заступить священническое мѣсто въ Честерѣ, онъ явился для испытанія къ учрежденному экзаминатору; ибо въ Англіи Епископы, за старостію лѣтъ, иногда забываютъ Греческой и Латинской языки. Оказалось, что Бровнъ не разумѣлъ погречески, и слѣдовательно не могъ получить желаемаго мѣста. Онъ вздумалъ учиться Греческому языку, потѣлъ надъ нимъ нѣсколько времени, и опять явился для посвященія. Чтобы не имѣть никакого дѣла съ несноснымъ экзаминаторомъ, Бровнъ просилъ самаго Епископа, которому былъ извѣстенъ, сдѣлать испытаніе. Епископъ не могъ отклонить сію прозьбу, чтобы не дать причины сомнѣваться въ своихъ знаніяхъ. Началось тѣмъ, что Бровну велѣно изъ Англійскаго молитвенника перевести

одну статью на Греческой языкъ. Какая задача! Ставленникъ нашъ приступилъ къ дѣлу. По счастїю, онъ зналъ оба первыя слова; на третьемъ остановился. „Только? болѣе не можете?“ Бровнъ признавался въ слабости знанїй своихъ, и просилъ Епископа сдѣлать ему Архипастырское вспомоществованїе. „Пропустите это слово — сказалъ Епископъ — и продолжайте далѣе.“ Тутъ Бровнъ догадался, что экзаминаторъ его не очень силенъ въ Греческомъ языкѣ; просилъ объяснить только одно трудное слово, и увѣрялъ, что далѣе пойдетъ гораздо лучше. Доброй старикъ, желая скрыть свое незнанїе, потребовалъ къ себѣ книгу; взглянулъ на страницу; сказалъ, что не можетъ читать мѣлкое письмо; наконецъ велѣлъ переводить другую статью. Бровнъ опять смѣшался. Епископъ потребовалъ себѣ очки и молитвенникъ, въ листъ напечатанной; разсматривалъ долго статью, и рѣшительно объявилъ, что глаза его, противъ обыкновенїя, въ сей день *ничего не видятъ*. Бровнъ увѣрившись, что Лордъ Епископъ столько же знаетъ погречески, какъ и самъ онъ, ободрился; взялъ книгу въ руки, и началъ переводить, выдумывая свои собственныя, ничего незначущїя слова, которымъ придавалъ Греческїя окончанїя. Епископъ безпрестанно приговаривалъ: „хорошо! прекрасно!

далѣе, далѣе!" По окончанїи испытанїя его преосвященство изъявилъ Брогну свое удовольствїе, и удивлялся невѣжеству экзаминатора, которой обвинялъ такого ученаго мужа въ незнанїи Греческаго языка!!

(*Изъ Англ. Слѣс.*)

V.

Братство страдальцевъ любви.

Въ провинцїи Пуату, 1350 года, учрежденъ былъ Орденъ подъ названїемъ *братства страдальцевъ любви*, съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы доказать чрезвычайную любовь претерпѣнїемъ всѣхъ жестокостей погоды. Мущины, женщины и дѣвицы, записанныя въ орденъ, должны были въ сильную стужу носить самое легкое платье, а во время несносныхъ жаровъ одѣваться въ теплыя шубы. Лѣтомъ обыкновенно грѣлись они у пылающихъ дровъ, а зимою жгли въ каминахъ листья и тонкїя прутья; то и другое дѣлали, говоритъ одинъ старинный писатель, чтобы доказать всемогущество любви, которая производитъ чудесныя превращенїя. Когда Кавалеръ Ордена посѣщалъ собрата, то хозяинъ обязанъ былъ стеречь лошадь своего гостя, дозволялъ ему располагать всѣмъ въ своемъ домѣ, и не прежде могъ войти въ комнату, какъ уже по отъѣздѣ Кавалера. Между тѣмъ гость проводилъ

время съ хозяйкою. Тотъ же старинный писатель свидѣтельствуетъ, что многїе погибали отъ стужи, занимаясь любовными своими разговорами, и осыпая колкими ругательствами тѣхъ, которые дерзали одѣваться въ шубы. Кавалеры и Дамы, столь *славно* скончавшїе жизнь свою, достойно заслужили названїе страдальцевъ любви!!

Изъ Франц. Журн.

VI.

Смѣсь.

Съ удовольствїемъ переводимъ нѣсколько строчекъ изъ одной статьи, помѣщенной въ Польскомъ Виленскомъ Журналѣ. Хотя Авторъ говоритъ къ своимъ одноплеменникамъ, однакожь и намъ не безполезно внять его совѣту. „Привязанность ко Французской словесности причиною тому, что отечественная остается въ небреженїи. Опасаться должно, чтобы всегдашнее подражанїе совсѣмъ не изгладило въ насъ оставшихся слѣдовъ первобытности. Поищемъ хорошаго въ словесности чужеземной; употребимъ въ свою пользу чужїя богатства: но не оставимъ въ небреженїи своихъ собственныхъ. Пускай чужой языкъ будетъ для насъ не инымъ чѣмъ, какъ только языкомъ, то есть

способомъ къ достиженію цѣли, но не самою цѣлью; пускай будетъ онъ для насъ ключемъ къ сокровищу, но не самымъ сокровищемъ. Французы шли другою дорогою; они долго пренебрегали чужестранными произведеніями. Вольтеръ прежде всѣхъ познакомилъ ихъ съ Англійскою словесностію. Въ наше время только нѣкоторые Французы — безпристрастные, способные къ высокимъ чувствованіямъ — начали знакомиться съ Нѣмецкими сочиненіями, и переводить ихъ на языкъ свой природной. Станемъ слѣдовать ихъ примѣру. Можно смѣло увѣрять, что мы не *обгерманимся*. Знакомство съ новою отраслію всеобщей словесности и выздоровленіе отъ *галломаніи* (*) надлежитъ полагать въ числѣ важнѣйшихъ выгодъ."

*

На островѣ Кадьякѣ заведено училище, и собрана библіотека, въ которой число книгъ простирается до тысячи, и которая еще приумножена въ бытность Г-на Крузенштерна. Кромѣ того заведены тамъ земледѣліе и скотоводство. Утѣшительно для человѣчества надѣяться, что въ странѣ, едва вышедшей изъ младенчества, возрастутъ полезнѣйшіе плоды, если только Россійско-Американская Компанія всегда съ одинакою попечительностію будетъ зани-

(*) Бѣшеная страсть ко всему Французскому.

маться благосостоянїемъ новаго края — въ чемъ и сомнѣваться не льзя : ибо въ томъ состоитъ собственная польза ея. Кто могъ предусмотрѣть, что заря просвѣщенія отъ западныхъ странъ взойдетъ на горизонтъ сѣверной Америки! — „Сія перемѣна должна ли радовать друга человѣчества? намѣренія Россїянъ полезны ли для островитянъ?“ Это вопросы людей, которые во всемъ любятъ сомнѣваться. *Сауеръ*, въ описанїи путешествїя Капитана Биллинга, говоритъ о какихъ-то безчеловѣчныхъ поступкахъ; изображаетъ Россїянъ Низзарами и Корецами; напротивъ того безпристрастный Венкуверъ представляетъ воображенію прїятнѣйшїя картины. Можетъ быть частные люди прежде дозволяли себѣ дѣлать то, на что Компанїя, состоящая нынѣ подъ Высочайшимъ покровительствомъ, конечно не отважится. Выгоды людей, ожидающихъ прибыли отъ одного или двухъ предпрїятїй, не сходствуютъ съ выгодами постояннаго общества, которое надежду честнаго присбрѣтенїя основываетъ на благосостоянїи колонистовъ. Капитанамъ кораблей, совершившихъ около свѣта путешествїе, и въ особенности Г-ну Посланнику Резанову, предписано было обозрѣть Россїйскїя селенїя, подробно развѣдать о состоянїи жителей, и обо всемъ донести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Человѣколюбивый

АЛЕКСАНДРЪ о всѣхъ подданныхъ своихъ равно печется.

*

„Полное затмѣнїе солнца — пишетъ Г. Лаландъ, въ которомъ старость не потушила страстной охоты къ Астрономїи — есть столь достопамятное произшествїе, что еслибъ я не былъ боленъ, то непремѣнно отправился бы въ Бостонъ для наблюденїя сего рѣдкаго явленїя, видѣннаго тамъ въ 16 день Іюня. Въ протекшемъ вѣкѣ были такія затмѣнїя 1706, 1715 и 1724 годовъ; въ настоящемъ столѣтїи не будетъ ни одного, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ могли бы мы дѣлать наблюденїя. Г. Ферреръ, Испанскїй астрономъ, пребывающїй въ Новомъ-Йоркѣ, нарочно переѣхалъ къ сторонѣ Албани подъ 42 гр. 23 м. широты, то есть на мѣсто, надъ которымъ, по его вычетамъ, надлежало быть центральному затмѣнїю. Полное затмѣнїе, по наблюденїю Г-на Феррера, продолжалось отъ 11 час. 7 мин. 55 сек. до 11 час. 12 мин. 32 сек.; изъ того я заключаю, что соединенїе солнца и луны послѣдовало въ 11 час. 25 мин. 33 сек. — Г. Виттъ пишетъ ко мнѣ, что многїе люди видѣли свѣтящуюся точку на черномъ кругѣ луны. Въ моей Астрономїи я упомянулъ о многихъ подобныхъ примѣрахъ, которыхъ причину, безъ малѣйшаго сомнѣнїя, отношу

бытїю огнедышущей горы. — Г. Ферреръ замѣтилъ притомъ весьма чудное обстоятельство, а именно, что луна освѣтилась за семь минутъ, прежде нежели окончилось затмѣнїе; это я приписываю дѣйствїю небольшой атмосферы. — Онъ примѣтилъ еще свѣтлое кольцо, одноцентренное солнцу; думаю, что оно дѣлается отъ освѣщенной земной атмосферы, окружающей пространство, тѣнью покрытое. — Тма была не такъ густа, какъ предполагали. Изъ большихъ звѣздъ видимы были только шесть; птицы прятались въ гнѣзда; земля слегка покрылась росою. Свѣтъ кольца разгонялъ густоту мрака."

*

Жители городка Нарси, лежащаго въ пяти миляхъ отъ Неверса, не имѣя вблизи ни источниковъ, ни рѣчекъ, принуждены довольствоваться грязною водою изъ двухъ ручьевъ, изобилующихъ насѣкомыми, и текущихъ по дну иловатому. Сїе предувѣдомленїе объясняетъ случай, которой мы разсказать намѣрены. Одна дѣвушка девятьнадцатилѣтняя, живущая въ Нарси, сряду восемь мѣсяцевъ чувствовала колотье въ желудкѣ; ея здоровье весьма повредилось отъ жестокой боли. По сему обстоятельству и по нѣкоторымъ припадкамъ, начали думать, что у нее завелась плоская глиста. Когда рѣшились-было пользовать больную при-

личными лѣкарствами, въ то самое время схватили ее судороги, и позвало на рвуту. Дѣвушка выбросила изъ желудка множество насѣкомыхъ, которыя съ чрезвычайною скоростїю бѣгали по полу. Г. Рокъ, Лѣкарь пользовавшїй больчую, поймавъ нѣсколько сихъ животныхъ, увидѣлъ, что онѣ принадлежатъ къ роду водяныхъ мокрицъ. Дѣвушка въ ту минуту почувствовала облегченїе, и совершенно выздоровѣла. — Можно было бы усомниться въ справедливости сего произшествїя, еслибъ оно случилось не въ присутствїи волостнаго начальника, родителей и сестеръ больной дѣвушки, и еще постороннихъ свидѣтелей. Нѣкоторые увѣряютъ даже, что это и прежде случалось не одинъ разъ въ городкѣ Нерси.

*

Г. Вокелень, Членъ Парижскаго Института и Профессоръ Химїи при Музеѣ Натуральной Исторїи, раздробляя образчики серебра изъ рудниковъ Гвадалкиналскихъ, что въ Эстрамадурѣ, нашелъ въ нихъ десятую часть платины. Онъ объявилъ Институту о новомъ открытїи своемъ, и представилъ образчики металла. До сихъ поръ находили платину только въ двухъ мѣстахъ Испанской Америки, и то очень немного. Чрезвычайная дороговизна сего металла препятствуетъ употреблять его на разныя художественныя издѣлїя, для которыхъ онъ

былъ бы весьма полезенъ, особливо по своей *нерастолимости и неизмѣняемости* (*). Слѣдственно открытїе Г-на Вокеленя заслуживаетъ искреннюю признательность ученыхъ и художниковъ.

✠

N B. На концѣ книжки приложена картинка, не въ счетъ обѣщанныхъ. Въ слѣдующемъ четвертомъ Нумерѣ, которымъ оканчивается *Часть*, наши читательницы найдутъ статью о новѣйшихъ заграничныхъ модахъ и картинку.

(*) Кажется не льзя иначе перевести: infusibilité, inaltérabilite. *Изд.*

ПОЛИТИКА.

I.

Примѣчанія на посланіе отъ Наполеона Бонапарте въ его хранительной сенатъ.

Разсматривая бумаги, издаваемыя въ свѣтъ Французскимъ правительствомъ, благоразумный читатель не можетъ не воскликнуть: „О! какъ Бонапарте и Министръ его Талейранъ должны были смѣяться симъ пышнымъ словамъ и фразамъ, которыми они потчиваютъ благосклонныхъ своихъ сенаторовъ, и простодушную великую націю!“ Въ самомъ дѣлѣ, не употребляется ли во зло даръ слова и искуство книгопечатанія, когда сими способами обманываютъ родъ человѣческій, развращая умы, изрыгая клеветы на всѣхъ Монарховъ, ложно обличая ихъ въ несуществующихъ замыслахъ, исключительно себѣ приписывая благородныя намѣренія, и представляя безстыднѣйшія лжесоплетенія съ такою увѣрительностію, которая одной только истинѣ прилична? Давно уже удивляются, почему никто не противорѣчитъ злоумышленнымъ свидѣтельствамъ, почему никто умными розраженіями, — наблюдая благопристойность, безъ

пристрастія, безъ брани, довольствуясь только чистосердечнымъ изложеніемъ истины — до сихъ поръ не предпринялъ остановить стремительной потокъ лживыхъ показаній? По крайней мѣрѣ тогда люди честные и благоразумные имѣли бы въ рукахъ доказательства для обличенія нечестивыхъ, для вразумленія слабыхъ и легковѣрныхъ.

Въ числѣ многихъ бумагъ, сочиняемыхъ съ намѣреніемъ обманывать праздныхъ, или питать несогласіе между ними, одна отличается дерзостію лжей, которыя въ ней содержатся: я говорю о посланіи отъ Наполеона Бонапарте въ хранительной сенатъ, писанное въ Берлинѣ 21 Ноября 1806 года. Не чему удивляться, если твари и льстецы Наполеоновы почитаютъ сіе посланіе средствомъ къ сохраненію власти своей: но не льзя не болѣзновать, не льзя смотрѣть равнодушно на людей, которые показывая, что гнушаются нечестивыми правилами, превозносятъ и слогъ и содержаніе сего посланія, или для того, чтобы охуждать мнимыя ошибки въ бумагахъ, выходящихъ изъ другихъ Кабинетовъ, или чтобы чернить собственное свое правительство, почитая себя отъ него обиженными. Весьма жаль, что часто видимъ подобные примѣры! Симъ господамъ можно сказать въ отвѣтъ, что ни мало не удивительно, если Французы знаютъ при-

родной свой языкъ лучше иностранцевъ, въ чемъ охотно и не краснѣясь имъ отдаемъ преимущество, и что разсматривая внимательно правила, принятыя Дворами, найдемъ съ одной стороны правоту, искренность и благодушіе, съ другой обманы, коварство и дерзость, по несчастію подкрѣпляемыя чрезвычайными успѣхами.

Постараемся разобрать сіе великолѣпное посланіе, чтобъ достойно оцѣнить его; довольно будетъ упомянуть подъ каждою статьею о произшествіяхъ, къ ней относящихся.

„Сенаторы! При нынѣшнихъ обстоятель-
„ствахъ дѣлъ Европы желаемъ увѣдо-
„мить васъ и націю о правилахъ, при-
„нятыхъ нами въ основаніе нашей по-
„литики.“

Сенаторы по большей части думаютъ только о способахъ удержаться на мѣстахъ своихъ, пользоваться своими доходами и приобрѣтеннымъ имѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ рта отворить, ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ противорѣчить своему султану. Что касается до націи, она ежедневно оплакиваетъ несчастія отъ безконечной войны; оплакиваетъ дѣтей, которыхъ насильно отнимаютъ у нее, и про-

клинаетъ ненасытное честолюбіе, которому принуждена жертвовать своею кровію и имуществомъ.

„Война три раза начиналась и оканчивалась; чрезвычайная умѣренность наша „была причиною войны, снова начавшейся. Мы принуждены были бороться съ четвертымъ военнымъ союзомъ, спустя девять мѣсяцевъ по „разрушеніи третьяго, спустя девять „мѣсяцевъ послѣ знаменитыхъ побѣдъ, „которыя Провидѣніе даровало намъ, и „которыя долженствовали утвердить „долговременный миръ въ Европѣ.“

Чтобы имѣть понятіе объ этой *чрезвычайной умѣренности*, надобно взглянуть на списокъ земель, присвоенныхъ Франціею.

Сардинской Король лишенъ всѣхъ своихъ на твердой землѣ владѣній, которыя превращены во Французскія провинціи.

Королевская Неаполитанская фамилія объявлена лишенною престола, которой властителю Франціи угодно было подарить одному изъ своихъ братьевъ.

Штатгалтеръ Голландскій лишенъ титуловъ своихъ и владѣній; соединенныя провинціи достались другому брату.

Курфирсты Майнцкій, Кельнскій и Трирскій не существуютъ; области ихъ сдѣлались добычею Франціи.

Венецїанская республика разрушена; ея областями торговали какъ мѣлочнымъ товаромъ, которой наконецъ остался во власти Францїи.

Брабантъ присоединенъ ко Францїи; равно какъ всѣ области, лежащїя на лѣвомъ берегу Рейна.

Республики Генуэская и Луккская, Княжество Пїомбино и островъ Эльба въ мирное время объявлены Французскою собственностїю.

Вся Италїя порабощена.

Княжества Парма, Пїаченца и Гвасталла отданы были добродѣтельному Князю съ тѣмъ, что по смерти его должны оныя принадлежать Францїи. Владѣтель скоро потомъ скончался.

На Швейцарїю сдѣлано нападенїе безъ всякой причины. Сїя республика, ограбленная, опустошенная, обагренная кровїю, покрытая развалинами, принуждена была принять отъ Францїи новое уложенїе, и отдаться ея власти.

Нѣмецкая Имперїя разрушена; всѣ Князья, всѣ члены, составлявшїе оную, лишены своихъ правъ, которыя отданы васалламъ Французскаго правительства.

Король Испанскїй принужденъ былъ отступиться отъ Сен-Доминго и отъ части твердой земли въ Америкѣ. Его заставили воевать противъ своихъ кровныхъ, и отнять

у Португалліи нѣкоторыя куски; его заставили признать низверженіе съ престола Короля, своего брата; у него хотѣли отнять острова Балеарскіе, которые назначены были для вознагражденія Королевскаго Принца Неаполитанскаго.

Герцогство Мекленбургское захвачено по той причинѣ, что прошлаго году Русскія войска приняты въ немъ были съ радостію.

Весь берегъ Далматіи съ островами сопредѣльными, республика Рагузинская, три Папскія легатства, Авиньйонъ, Женевская республика, Княжество Невшатель, Марграфство Аншпахъ, Епископство Фульда, Графство Ганава, города Франкфуртъ и Гамбургъ, Курфиршество Гессенское, Герцогства Бергское и Клевское, и проч. и проч. и проч. взяты подъ владѣніе Франціи.

Не скоро можно бы окончить, захотѣвъ изчислять всѣ хищенія, сдѣланныя Французскимъ правительствомъ въ мирное время и въ военное, не упоминая о частныхъ насильствахъ, о нарушеніи всѣхъ договоровъ, о неуваженіи независимыхъ областей, объ оскорбленіи всѣхъ Дворовъ. И виновникъ всеобщаго разрушенія, виновникъ бѣдствій общественныхъ и частныхъ, смѣетъ хвалиться своею *трезвычайною* умѣренностію!

„Не смотря на то, Англія управляетъ „многими Кабинетами Европы; а безъ „прочнаго мира съ сею Державою нашъ

„ народъ не можетъ наслаждаться выгодами, которыя суть главная цѣль нашихъ трудовъ, единственной предметъ нашей жизни. Для того, не взирая на торжествующія наши обстоятельства, ни высокомѣрной языкъ Англіи, ни ея требованія не остановили насъ въ продолженіи послѣднихъ переговоровъ. Мы согласились уступить Мальту, съ которою, такъ сказать, сопряжена честь настоящей войны, и которая есть главною виною сей войны; ибо Англія удержала Мальту вопреки мирному договору. Мы соглашались, чтобы Англія, удержавъ за собою Цейлонъ и Миссурскую Имперію, присоединила еще ко владѣніямъ своимъ Мысъ доброй надежды.“

Кабинеты Европейскіе властны имѣть сношенія съ Англіею, чтобы удержать бичь, всему грозящій разрушеніемъ; они властны заключать союзъ съ храбрымъ и великодушнымъ народомъ, которой до сего времени мужественно противится неистовому честолюбію. Кто высокомѣрнѣе въ словахъ и поступкахъ? . . .

Пожертвованія Наполеоновы весьма не важны. Цейлонъ достался Англіи по Амьенскому договору; Миссурская Имперія по-

корена оружїемъ; островъ Мальта и Мысъ доброй надежды не принадлежатъ властителю Францїи: и такъ по какому праву Бонапарте можетъ уступить сїи земли? Онъ однакожь не упоминаетъ, что въ замѣну сихъ мнимыхъ пожертвованїй требовалъ отъ Англичанъ Сицилїи и Неаполитанскаго Королевства!

„Всѣ усилїя наши уничтожены, когда „Совѣты нашихъ непрїятелей перестали „быть одушевлены благороднымъ често„любїемъ и желанїемъ благо всемїрное „согласить съ настоящимъ благомъ ихъ „отечества, а настоящее благо ихъ оте„чества съ благомъ твердымъ и прочнымъ; „но никакое благо не можетъ быть „прочнымъ для Англїи до тѣхъ поръ, „пока она не отречется политики „обширной и неправедной, которая от„нимаетъ торговлю у шестидесяти „миллїоновъ сосѣдственныхъ ей бога„тыхъ и храбрыхъ жителей, и ли„шаетъ ихъ выгодъ мореплаванїя.“

Сколько тутъ насказано *блага*! но, увы! оно состоитъ только въ пустыхъ словахъ. Куда дѣвалось благо ограбленныхъ, опустошенныхъ войною Государствъ Европы? Какъ согласить благо всемїрное съ притя-

заніями и хищеніями Франціи? Нѣтъ Монарха, которой отъ искренняго сердца не желалъ бы мира; нѣтъ Монарха, которой не желалъ бы купить его великими пожертвованіями: но всѣ предложенія ихъ отвергаемы были оскорбительнымъ высокомѣріемъ, и каждой разъ открывалось, что мирное состояніе столь же опасно для нихъ, какъ и военное, но гораздо затруднительнѣе сего послѣдняго. Францію одну можно укорять въ *обширной и неправедной ея политикѣ*. Не принимаясь оправдывать Англію, можно сказать, что она въ мирное время никогда не препятствовала сосѣдамъ своимъ производить торговлю и мореплаваніе. Каждая изъ приморскихъ Державъ дѣлала все, что могла для распространенія промышленности своей и умноженія народнаго богатства.

„Немедленно послѣ кончины перваго Ми-
„нистра Англійскаго, мы легко усмо-
„трѣть могли, что переговоры продол-
„жались единственно для прикрытія
„сношеній о четвертомъ военномъ со-
„юзѣ (coalition), разрушенномъ при са-
„момъ его началѣ.“

Слово *военной союзъ*, повторяемое весьма часто, понравилось Французскому правительству, потому что ему хочется представить его въ видѣ страшилища, и сдѣ-

лать средствомъ къ соединенію умовъ. Для чего бы не употребить приличнаго слова? Каждой Монархъ властенъ заключать союзы для собственной безопасности, что и сдѣлано было въ прошломъ году между Императорами Всероссійскимъ и Австрійскимъ. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ дѣла шли совсѣмъ иначе. Король Прусскій, утомленный безчисленными оскорбленіями и насильствами, которыя вытерпѣлъ, наконецъ принужденъ былъ одинъ ополчиться. Безъ сомнѣнія, весьма побудительныя причины заставили его дѣйствовать. Сей Государь воевалъ противъ Англіи и Швеціи; Австрія объявила себя неутральною; Россійскія войска находились въ дальнемъ разстояніи; Лордъ Морпетъ, посланный отъ Е. В. Короля Велико-Британскаго съ предложеніемъ о мирѣ между Англіею и Пруссіею, нашелъ Фридриха Вильгельма посреди войска, и Кабинетъ Лондонскій имѣлъ такъ мало вліянія на Берлинскій, что переговоры даже начаты не были; словомъ, Пруссаки дрались съ Французами, не имѣя ни одного чужестраннаго солдата въ своихъ фалангахъ. И такъ, гдѣ же этотъ *военной союзъ*, которымъ Бонапарте пугаетъ Французовъ? гдѣ онъ, когда Французы имѣли передъ собою только одного непріятеля? Цѣль сего умысла состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить, будто Франціи объявлена война несправедли-

вая, между тѣмъ какъ сама Францїя, сама говорю Францїя принудила поднять противъ себя оружїе, употребивъ болѣе старанїй преодолѣть долговременное терпѣнїе Пруссїи, нежели сколько сїя Держава употребляла о сохраненїи мира. Одинъ Бонапарте, не будучи доволенъ похищеннымъ Королевствомъ Бурбоновъ, хочетъ войны; ведетъ ее съ цѣлымъ свѣтомъ, желая основать какую-то всемїрную Монархїю, и сей мечтѣ своего воображенїя жертвуетъ кровїю Французовъ, жертвуетъ кровїю своихъ васалловъ, которыхъ угодно ему называть *союзниками*.

„Находясь въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ, мы поставили себѣ непремѣннымъ правиломъ не выводить войскъ ни изъ Берлина, ни изъ Варшавы, ни изъ провинцїй нами покоренныхъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ всеобщїй миръ, пока заселенїя Испанскїя, Французскїя и Голландскїя не будутъ отданы, пока Оттоманская Порта не утвердится на своемъ основанїи, и пока не возстановится навсегда независимость сей обширной Имперїи, независимость, въ которой народъ нашъ находитъ для себя главнѣйшую выгоду.“

Лживость сего правила сама собою открывается, и не требуетъ ни-

какихъ объясненій. Всеобщій миръ иначе не можетъ быть заключенъ, какъ на взаимныхъ соглашеніяхъ; но Бонапарте хочетъ, чтобы другіе на все согласились, а самъ ничего не уступаетъ. Слѣдственно едва ли можно предполагать событіе мира, когда одинъ присвоиваетъ себѣ власть предписывать условія.

Оттоманской Портѣ никакая опасность не угрожаетъ. Здѣсь нужно сдѣлать объясненія, которыя желала бы Франція оставить въ неизвѣстности.

Безъ всякой причины, безъ малѣйшаго повода перенести пламя войны во внутренность Оттоманской Имперіи, — отважившись лишить ее двухъ прекраснѣйшихъ провинцій, Египта и Сиріи, единственно для того, чтобы занять чѣмъ-нибудь безпокойную голову одного удальца, — сдѣлавъ многократныя неотступныя предложенія нѣкоторымъ Дворамъ о принятіи плана раздѣлить области Султановы, — рѣшившись, подъ видомъ покровительства, отнять у Порты часть Мореи, республику находящуюся подъ ея защитою — можно ли увѣрять, что Французы сражаются за независимость Порты? можно ли говорить, что въ независимости Порты *народъ нашъ находитъ для себя главнѣйшую выгоду?*

Бѣдной народъ, какъ тебя обманываютъ! За шесть лѣтъ передъ симъ *главнѣйшая выгода* твоя требовала покоренія Сиріи и Египта; за два года передъ симъ *главнѣйшая выгода* твоя требовала раздѣленія областей Турецкихъ: теперь таже самая *выгода* требуетъ, чтобъ ты защищалъ Порту! Вотъ что называется *непремѣннымъ политическимъ правиломъ*, которому приносятъ на жертву твое спокойствіе, твою торговлю, твою промышленность, и безчисленное множество дѣтей твоихъ! . . .

Но успокойся, о народъ *великій*! не заботься о Турецкой Имперіи! никакая опасность не угрожаетъ ей со стороны сосѣдей. Но какъ г. Талейранъ въ донесеніи своемъ, отъ 15 Ноября 1806 года, имянуетъ Россію первою непріятельницею Порты; то не безполезно будетъ здѣсь обнаружить его умышленное заблужденіе, которое онъ распространить старается.

Всякой знаетъ, какъ легко Россіи завладѣть Константинополемъ; но правота, благодушіе и благородное безкорыстіе возсѣли на престолѣ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи въ ту самую минуту, когда ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ воцарился. Онъ объявилъ, что будетъ охранять области, полученныя отъ Предшественниковъ Своихъ, но что не

захочетъ никакихъ приобрѣтеній, которыя были бы сопряжены съ чьимъ-либо вредомъ; до сихъ поръ МОНАРХЪ Всероссійскій постоянно слѣдуетъ правиламъ Своего великодушія и достоинства. Болѣе восьми лѣтъ морскія и сухопутныя силы проходятъ черезъ проливы Босфорскій и Дарданельскій, и Турки ни одинъ разъ не имѣли причины жаловаться: напротивъ того они увѣрены, что предпріятія Русскихъ клонятся къ предохраненію Оттомановъ отъ опасностей, грозящихъ имъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ.

Надобно еще сдѣлать примѣчанія на слова г-на Талейрана, вразсужденіи Валлахіи и Молдавіи. Сіи провинціи нѣсколько разъ были покорены Россійскимъ оружіемъ, и по заключеніи мира возвращаемы. Въ нихъ обитаютъ народы, исповѣдующіе одну вѣру съ Россіянами. По сей причинѣ Монархи Всероссійскіе обязаны являть имъ свое покровительство, которое и обѣщается имъ всякой разъ, когда войска выступаютъ изъ ихъ предѣловъ. Частая перемѣна Господарей есть одно изъ пагубнѣйшихъ обстоятельствъ для сихъ провинцій. Для предотвращенія онаго, Россія и Порта, съ общаго согласія, опредѣлили возвести Князей Ипсиланти и Муруви въ достоинство Господарей на семь лѣтъ, и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣнять

ихъ до истеченія упомянутаго срока. Оттоманская Порта не была намѣрена нарушать обязательство, и не имѣла причины жаловаться на сихъ правителей. Г. Себастіяни, пріѣхавши въ Константинополь, вздумалъ предписывать законы Дивану, требовать низложенія обоихъ Господарей, и приказывать, чтобы Турки заперли Босфоръ для всѣхъ военныхъ и перевозныхъ судовъ Россійскихъ, вопреки яснымъ статьямъ послѣднихъ договоровъ, заключенныхъ между С. Петербургскимъ Кабинетомъ и высокою Портою. Насильство, обѣщанія, угрозы, все употреблено для устрашенія Турецкихъ Министровъ, которые по малодушію своему и согласились на требованіе г.-на Себастіяни; ибо сей посланникъ объявилъ, что въ противномъ случаѣ Французскія войска пойдутъ черезъ Оттоманскія области къ Днѣстру воевать съ Русскими. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, видя Себя принужденнымъ заботиться о безопасности Своихъ предѣловъ, нынѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, требуетъ исполненія обязательствъ. — И такъ, можно ли предполагать, будто Россія намѣрена *поглотить обширную и великолѣпную Оттоманскую Имперію*? Не смотря на то, г. Талейранъ сіе необходимое предпріятіе называетъ *тяжкимъ преступленіемъ, оскорбляющимъ достоинство всѣхъ престоловъ*! Забылъ ли онъ, что

новое Княжеское достоинство его сопряжено съ областїю (*), отнятою у Папы въ мирное время, безъ малѣйшаго предлога? Сколько разъ онъ самъ оскорблялъ престолы? Едва ли можно изчислить всѣхъ Государей, низверженныхъ по его совѣту. Чтобы обличить его пустословїе, которое онъ называетъ донесенїями, довольно было бы сослаться на письмо, писанное къ Е. В. Королевѣ Неаполитанской, и на возглашенїе къ Французскимъ солдатамъ, въ которомъ Королевская фамилїя объявлена лишенною престола! Уваженїе къ несчастїю и къ великимъ Монархамъ запрещаетъ намъ снова упоминать здѣсь слова, которыя дѣйствительно суть не что иное, какъ *тяжкое преступленїе, оскорбляющее достоинство всѣхъ престоловъ.*

„Мы опредѣлили островамъ Бриттанскимъ „быть въ состоянїи осады, и сдѣлали „противъ нихъ такїя распоряженїя, ко„торыя противны нашему сердцу. Мы „противъ своей воли должны были сое„динить дѣла частныхъ людей со враж„дою Монарховъ, и во времена усовер„шенствованной образованности принять „правила, свойственныя младенчеству „народовъ. Но мы принуждены были, „для блага нашихъ народовъ и союзни-

(*) Беневенто.

„ковъ, противупоставить общему врагу „то же самое оружїе, которое „онъ противъ насъ употребляетъ. „Сїя рѣшительность, внушенная ис„тиннымъ чувствомъ взаимности, не „есть слѣдствїе ненависти или при„страстїя. Что предлагали мы по „разрушенїи трехъ военныхъ союзовъ, „споспѣшествовавшихъ славѣ нашихъ „народовъ; то же предлагаемъ и те„перь, когда оружїе наше приобрѣло „новые трїумфы. Мы готовы заключить „миръ съ Англїею, готовы помириться „съ Россїею и съ Пруссїею: но миръ „сей долженъ быть утвержденъ на „такихъ основанїяхъ, которыя никому „не дадутъ права къ первенству „надъ нами; сей миръ долженъ воз„вратить заселенїя по ихъ принад„лежности, долженъ быть для нашей „торговли и промышленности порукою „въ томъ благосостоянїи, до котораго „онѣ могутъ достигнуть.“

Добираясь до точнаго значенїя слова *осада*, находимъ, что крѣпость, пристань или островъ, называются тогда *осажденными*, когда всѣ выходы заперты, и когда не льзя никому ни войти въ одно изъ упомянутыхъ мѣстъ, ни выдти изъ него. Францїя не имѣетъ на морѣ ни одной эскадры; флоты

ея, появившись, тотчасъ бываютъ разбиты или разсѣяны: и такъ не смѣшно ли, когда она объявляетъ находящимися въ состояніи осады тѣ острова, къ которымъ приближиться не смѣетъ? Англія долго еще не можетъ быть иначе осаждена, или лучше, окружена, какъ берегами Европы, Африки и Америки, соотвѣтствующими положенію береговъ ея. И такъ мысль объ осадѣ островъ Бриттанскихъ столько же прилична смѣлости повелителя Французовъ, какъ и его сострадательному сердцу, печалящемуся о выгодахъ частныхъ людей.

Къ чему опять говорить о трехъ первыхъ *военныхъ союзахъ*, и о мнимомъ четвертомъ, когда неоспоримымъ образомъ доказано, что Король Прусскій одинъ защищалъ свою сторону, между тѣмъ какъ Бонапарте былъ *въ союзѣ* съ войсками Голландскими, Италіянскими, Баварскими, Виртембергскими, и со всѣми областями Имперіи, которыя посчастливилось Франціи *увлечь* въ кругъ своей дѣятельности.

Бонапарте объявляетъ, что готовъ заключить миръ съ Россіею, съ Англіею и съ Пруссіею, но на такихъ тягостныхъ, на столь унизительныхъ условіяхъ, что никому не можно принять ихъ. Народы, внимайте! это значитъ, что Бонапарте тогда

только уймется, когда не останется у васъ ни одной области неопустошенной, когда не останется у васъ ни одного флорина, когда не останется въ жилахъ вашихъ ни одной капли крови!

„Если сіи наши распоряженія отдалятъ „на нѣкоторое время возстановленіе „общаго мира; то время сіе, сколь ко„ротко ни было бы оно, покажется на„шему сердцу весьма продолжительнымъ: „но мы увѣрены, что народы воздадутъ „справедливую похвалу мудрости нашей „политики; они, вмѣстѣ съ нами, „разсудятъ, что миръ частный есть „не что иное, какъ перемиріе, лишаю„щее насъ приобрѣтенныхъ выгодъ, „вовлекающее въ новую войну, и что „наконецъ Франція во всеобщемъ толь„ко мирѣ можетъ найти свое счастіе."

Изъ всего, что ни сказано въ семъ посланіи, только послѣднія слова справедливы. Такъ! Франція и вся Европа только въ мирѣ могли бы найти свое счастіе, когда бы каменное сердце не препятствовало возстановленію общаго, полезнаго мира. Король Прусскій показалъ свѣту, съ какою ревностію старался хранить миръ, не щадя никакихъ пожертвованій. Тотчасъ послѣ заключенія Пресбургскаго договора у него отня-

ли Клевъ, Аншпахъ, Невшатель. Правда, ему дали за то Ганноверъ, но не надолго; ибо Англїи обѣщано было отнять Ганноверъ у Пруссїи для возвращенїя Его Великобриттанскому Величеству. Г. Мюра ежедневно захватывалъ какой-нибудь округъ, какую-нибудь крѣпость въ Вестфалїи, и мало по малу подвигался ближе къ сердцу Прусской Монархїи; оставалось приняться за оружїе, чтобы предотвратить неминуемую опасность. Такимъ образомъ Французское правительство опять воспламенило войну для удовлетворенїя прихотей г-на Мюра: объ этомъ надлежало бы увѣдомить сенаторовъ и народы, которыхъ безпрестанно обманываютъ!

„Наступила важная минута для судьбы „народовъ; Французы покажутъ себя „достойными участи, которая для нихъ „готовится. Опредѣленїе, которое по„велѣли мы предложить вамъ, и по „силѣ котораго въ первыхъ мѣсяцахъ „будущаго года поступить должны въ „наше распоряженїе рекруты, набирае„мые обыкновенно не прежде Сентября „мѣсяца, да будетъ исполнено съ оди„наковою ревностїю и отцами и сыновья„ми. И какое время благопрїятнѣе для „вооруженїя молодыхъ Французовъ? „Идучи къ полкамъ своимъ, они будутъ „проходить главные города нашихъ не-

„пріятелей, и мѣста, прославленныя „побѣдами старшихъ своихъ братьевъ.

„Берлинъ. 21 Ноября 1806."

Вотъ истинная цѣль всего велерѣчія! Надлежало поскорѣе сдѣлать новой рекрутской наборъ, чтобы замѣнить имъ великой ущербъ въ людяхъ; ибо побѣды приобрѣтаются цѣною крови самыхъ побѣдителей. Теперь отъ родителей требуютъ послѣднихъ сыновей, которыхъ поведутъ черезъ славные города и черезъ мѣста сраженій! Ступайте, младыя жертвы честолюбія вашихъ начальниковъ! ступайте жертвы, насильственно исторгаемыя изъ родственныхъ объятій! вы увидите области, которыя недавно были счастливыми, города, которые недавно процвѣтали, и наслаждались выгодами вожделѣннаго спокойствія — вы увидите ихъ безъ Монарховъ, ознаменовавшихъ правленіе свое мудростію и человѣколюбіемъ, увидите ихъ опустошенными, оставленными отъ жителей, доведенныхъ до нищеты, до отчаянія, до послѣдней степени уничиженія; вы увидите — но будьте осторожны, если не хотите подпасть жребію несчастнаго Пальма. На поляхъ битвъ найдете вы обезображенные трупы, разбросанные члены, дымящуюся кровь старшихъ вашихъ братьевъ. Представьте себѣ еще суровость перемѣнъ воздушныхъ, жестокость сѣверныхъ моро-

зовъ, и знайте, что сей пышный вызовъ ведетъ васъ къ медленной или къ скорой смерти, ведетъ по пути всѣхъ возможныхъ бѣдствій. Конечно, столь славное поприще можетъ веселить тѣхъ, которые питаютъ себя надеждою сдѣлаться Князьями, или великими Герцогами, на счетъ законныхъ Государей и на зло правамъ народнымъ; но вы, бѣдные солдаты! вы въ послѣдній разъ прощаетесь съ родными и отечественнымъ кровомъ.

Безполезно было бы разбирать два (*) донесенія г-на Талейрана, помѣщенныя при семъ странномъ посланіи. Довольно замѣтить, что это есть новость непостижимая. Министръ можетъ совѣтовать своему Государю словесно или письменно; однако это всегда остается тайною Кабинета. Къ чему же служитъ обнародованіе тайныхъ сношеній? не для показанія ли, что бываютъ мысли, которыя дѣлаютъ стыдъ тому, въ чьей головѣ раждаются, — что такія мысли выдаются за политическіе совѣты, — что онѣ выдаются за причины государственныя, которымъ приносятся

(*) Здѣсь говорится о донесеніяхъ Талейрана, въ которыхъ онъ совѣтуетъ Наполеону принять мѣры, упоминаемыя въ посланіи, то есть объ осадѣ Англіи и проч.

на жертву чувствованія сердца, великодушіе, польза частныхъ людей, и наконецъ *трезвычайная умѣренность*?

II.

Письма изъ Молдавіи.

(Окончаніе.)

Яссы, 16 Января, 1805.

Изъ примѣровъ, упомянутыхъ мною въ прежнихъ письмахъ, ты видѣлъ, что страна сія покрыта густою тмою суевѣрія и невѣжества. Однакожь это болѣе относится къ природнымъ жителямъ, нежели къ Грекамъ. Хотя и сіи вообще живутъ во мракѣ невѣденія, однако между ними есть и такіе, которые имѣютъ весьма правильныя понятія о религіи и политикѣ, и упражняются въ изученіи языковъ. Впрочемъ такихъ людей очень мало. Обстоятельства не благопріятствуютъ; слѣдственно было бы несправедливо требовать, чтобъ они явно ополчились за истину и свободу. Пока не перемѣнится образъ правленія, до тѣхъ поръ не льзя ожидать, чтобы благотворные лучи просвѣщенія озарили бѣдную сію землю.

Богатые и знатные Греки въ Константинополѣ имѣютъ случай приобрѣтать зна-

нія въ иностранныхъ языкахъ, и платятъ за то очень щедро Европейскимъ учителямъ, по большей части Французамъ и Италіанцамъ, а иногда Полякамъ и Нѣмцамъ. Грекъ, хорошо воспитанный, кромѣ природнаго своего языка говоритъ потурецки, поперсидски, поарабски, пофранцузски, поиталіански, а иногда и понѣмецки. Сообщеніе съ Турками и торговыя связи съ иностранными купцами необходимо требуютъ отъ нихъ знанія многихъ языковъ. Умной человѣкъ, познакомившись такимъ образомъ съ Литтературою просвѣщенныхъ Европейскихъ націй, приобрѣтаетъ многія идеи, и узнаетъ, сколь велико различіе между Франками и не Франками, то есть между Европейцами и жителями Турціи. Высшей ученой образованности здѣсь никогда не достигаютъ. Математическія, физическія и химическія познанія весьма рѣдки; только врачи, обучавшіеся въ Италіи и Германіи, имѣютъ о сихъ наукахъ начальныя понятія. Нѣкоторые изъ нихъ довольно свѣдущи въ Медицинѣ; всѣ прочіе, которыхъ здѣсь чрезвычайное множество, суть явные обманщики. Повѣришь ли, что дерзкіе удальцы, неимѣющіе ни теоретическихъ, ни практическихъ познаній въ наукѣ врачебной, наживаютъ здѣсь много денегъ! Это и у насъ весьма часто случается; и у насъ искусному врачу, которой въ нужномъ случаѣ не умѣетъ пользоваться

выгодами шарлатанства, рѣдко удается нажить достатокъ и прославиться: однакожь у насъ по крайней мѣрѣ строго смотрятъ за обманщиками. Въ Молдавіи, а особливо въ Константинополѣ, врачь предъявляетъ дипломъ, купленный или выпрошенный имъ въ Германіи, или въ Италіи у какого-нибудь пріятеля; ему стоитъ только поискуснѣе вставить свое имя. Умѣя безстыднымъ образомъ клеветать на достойныхъ врачей, съ которыми однакожь остерегается встрѣчаться, проповѣдывая объ неудачной ихъ практикѣ, обманщикъ лишаетъ ихъ чести и пропитанія. Обманываемая публика не можетъ отличить истиннаго достоинства отъ ложнаго; ввѣряетъ попеченіе о своемъ здоровьѣ шарлатану, и обогащаетъ его, между тѣмъ какъ человѣкъ съ обширными познаніями долженъ терпѣть нужду. — Здѣсь, въ Молдавіи, и вообще во всей Турціи, медицинская практика принадлежитъ къ самымъ прибыльнымъ занятіямъ. Я знаю врачей, которые получили въ годъ до 3000 червонцовъ; за то уже должны были неутомимо бороться съ клеветою и коварствомъ. Замыслами сего рода особенно отличаются здѣшніе Греки. Ты не можешь вообразить себѣ, къ какимъ хитростямъ прибѣгаютъ они въ подобныхъ случаяхъ. Почему я и не совѣтую искать здѣсь своего счастія иностраннымъ врачамъ,

неопытнымъ въ пронырствахъ. Чтобы вести дѣла свои съ хорошимъ успѣхомъ, непремѣнно должно умѣть говорить на четырехъ, или по крайней мѣрѣ на трехъ языкахъ.

Весьма забавно видѣть консилїумъ, составленный изъ шарлатановъ и одного, или нѣсколькихъ свѣдущихъ врачей. Сїе удовольствїе здѣсь можно имѣть очень часто; ибо въ знатнѣйшихъ домахъ, при всякой, едва опасной болѣзни, созываютъ для совѣтованїя медицинское сословїе. Грубые невѣжды въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно терзаютъ Латинской языкъ, безпрестанно ссылаются на вытверженныя медицинскїя правила, и кричатъ съ такимъ безстыдствомъ, что искусной врачь, произнесшїй свое мнѣнїе, часто принужденъ бываетъ отступиться отъ своей методы, и одобрить предлагаемую безсмысленными его товарищами. Честной человѣкъ, не смотря на прїятныя надежды, радъ заблаговременно отказаться отъ будущаго богатства, лишь только бы не мучить себя подобными пренїями. Отъ того иностранные врачи, имѣющїе умъ и сердце, очень скоро оставляютъ сїю землю, не соблазняясь никакими выгодами. — Ты можешь судить по сему, каковы должны быть самыя приготовленїя лѣкарствъ и медицинская полицїя. Здѣсь

въ Яссахъ есть двѣ посредственныя аптеки; въ прочихъ городахъ Молдавіи или совсѣмъ нѣтъ аптекъ, или, гдѣ заведены, содержатся людьми несвѣдущими, за которыми нѣтъ никакого присмотра.

Яссы, 20 Января, 1805.

Сколько изобильна Молдавія произведеніями всякаго рода, столь мало напротивъ того думаютъ здѣсь трудолюбіемъ доставить себѣ выгоды, какими пользуются сосѣдственныя Австрійскія области. Что касается до промышленности, нельзя и требовать, чтобы процвѣтала она въ землѣ, такъ дурно управляемой. Всѣ покушенія, завести фабрики и мануфактуры, остались тщетными, хотя обстоятельства къ тому, по видимому, весьма благопріятствовали. Большая часть невыдѣланныхъ произведеній здѣсь дешевле вдвое и впрое, нежели во многихъ земляхъ Европы. Содержаніе работниковъ стоитъ несравненно меньше, нежели въ другихъ странахъ. Здѣсь не льзя опасаться подрыву отъ фабрикантовъ; ибо иностранцы, не имѣя равныхъ выгодъ, не могутъ быть опасны. Должно еще замѣтить, что близость Чернаго моря весьма благопріятствуетъ отправленію въ Левантъ и продажѣ фабричныхъ издѣлій. Фабрикантъ, для содержанія своего семейства и

производства работъ, тратитъ почти въ половину менѣе, нежели въ другихъ земляхъ Европы. Иногда сами Господари ободряютъ промышленность. Непонятно, отъ чего она въ упадкѣ. Этому можно полагать слѣдующія причины: природные жители не могутъ быть фабрикантами, отчасти по неопытности, отчасти по тому, что законъ ихъ велитъ не работать шесть мѣсяцовъ въ теченіи года; имъ запрещается употреблять сытную пищу въ рабочее время. Слѣдственно, для заведенія фабрикъ должно выписывать иностранцевъ; но и сіи люди въ короткое время дѣлаются столь же развращенными, какъ и природные жители, и неспособными къ работамъ, которыми прежде занимались. Этого уже довольно для упадка фабрикъ. Но вотъ еще причины: здѣсь не введена благоразумная система торговой довѣренности; частая перемѣна Господарей, изъ которыхъ каждой старается уничтожить или стѣснить то, что предмѣстникъ его заводилъ, или чему покровительствовалъ; фабрикантъ-иностранецъ ежедневно долженъ опасаться, чтобы, въ случаѣ войны, не лишиться всего своего имѣнія. Недавно одинъ богатой бояринъ, по имени Сандулати Стурія, зять нынѣшняго Господаря Мурузи, осмѣлился завести суконную фабрику; однакожь изъ предосторожности построилъ ее въ

своей деревнѣ, а не въ самомъ городѣ. Устоитъ ли фабрика его въ правленїе другихъ, менѣе просвѣщенныхъ и доброжелательныхъ Господарей, — покажетъ время!

Не въ лучшемъ состоянїи находится и самая торговля. Молдавїя отправляетъ за границу 100,000 быковъ, до 10,000 лошадей и множество свиней; надлежитъ однакожь замѣтить, что весь главный вывозъ состоитъ въ сихъ трехъ сортахъ. Отъ воску, меду, соли, шерсти, щетины и другихъ вещей Молдавїя получаетъ не великую прибыль. Каждой статистикъ почтетъ означенное количество очень неважнымъ для такой пространной и плодоносной земли, какова Молдавїя. Привозъ иностранныхъ издѣлїй, судя по числу народа, весьма великъ. Торговый балансъ для Молдавїи выгоденъ; ибо страна сїя ежегодно отсылаетъ въ Константинополь 200,000 червонцевъ; слѣдственно безъ выгодной торговли она должна бы скоро истощиться. Напротивъ того, кажется, съ нѣкотораго времени въ Молдавїи государственные доходы чрезвычайно увеличились.

Яссы, 20 Января 1805.

Можетъ быть, ты найдешь противорѣчїе въ показанїи моемъ, что здѣшняя тор-

говля находится въ дурномъ состоянiи; но я тотчасъ оправдаю себя, описавъ, какимъ жалкимъ образомъ она производится. Скотъ обыкновенно покупается Нѣмецкими, Польскими или Армянскими барышниками на мѣстѣ, и притомъ на наличныя деньги. Греки и природные жители очень рѣдко промышляютъ симъ торгомъ, потому что онъ съ нѣкотораго времени сдѣлался менѣе прибыльнымъ. Едва ли можно получить отъ него болѣе двадцати процентовъ, а это, по мнѣнiю сихъ людей, не стоитъ труда. Они охотнѣе занимаются привозомъ употребительныхъ товаровъ, отъ которыхъ получаютъ важнѣйшую прибыль, покупая ихъ по большей части въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и Бродахъ. Но какъ они слишкомъ часто, и притомъ самымъ гнуснымъ образомъ употребляютъ во зло довѣренность иностранныхъ купцовъ; то почти никто не отваживается ввѣрять имъ своихъ товаровъ, зная, сколь трудно взыскивать долги, даже по самымъ вѣрнымъ обязательствамъ. Здѣсь я долженъ напомнить, что писалъ къ тебѣ въ прежнемъ письмѣ, въ разсужденiи правосудiя. Прибавлю къ тому, что о векселяхъ не имѣютъ здѣсь понятiя; не нужно сказывать, что одно сiе обстоятельство въ состоянiи уничтожить довѣрiе, и стѣснить торговлю. Теперь не удивишься, если объявлю, что здѣсь законы дозволя-

ютъ брать по двенадцати процентовъ. Случается, что богатѣйшіе помѣщики, давши обязательство съ закладомъ, платятъ отъ *тридцати* до *сорока* процентовъ, которые тотчасъ и вычитаются изъ суммы. Банкиръ не стыдится брать отъ десяти до двадцати процентовъ за одинъ только денежной переводъ въ Германію, или во Францію. Купцовъ, торгующихъ оптомъ, здѣсь нѣтъ; причина явственна изъ сказаннаго выше.

Жиды, которыхъ здѣсь очень много, упражняются въ торговлѣ, и производятъ, какъ въ Польшѣ, мѣщанскіе промыслы. Они пользуются чрезвычайною свободою; за то уже случается имъ терпѣть чрезвычайное притѣсненіе. Здѣсь говорятъ, будто Жиды закалываютъ до смерти булавками Христіанскихъ дѣтей, и пьютъ кровь ихъ, чтобъ избавиться отъ вѣчнаго осужденія въ такомъ случаѣ, если Христосъ, вопреки невѣрію ихъ, былъ истинный Мессія. Для доказательства справедливости сего обвиненія, ссылаются на событія, а именно, будто бы находили въ Жидовскихъ домахъ дѣтей Христіянскихъ, изколотыхъ булавками. Но всѣ обстоятельства заставляютъ думать безпристрастнаго наблюдателя, что дѣти искуснымъ образомъ приносимы были въ Жидовскіе домы корысто-

любивыми чиновниками, чтобы тѣмъ раздражить духовенство и чернь противъ сего несчастнаго народа. Въ такомъ случаѣ Жиды покупаютъ себѣ защиту правительства, и потомъ вознаграждаютъ свои издержки. Я почитаю рѣдкимъ человѣкомъ одного Жида, котораго узналъ недавно. Онъ при здѣшней Нѣмецкой, весьма дурной, труппѣ играетъ первыхъ любовниковъ, и достоинъ примѣчанія особливо потому, что берется играть и на иностранныхъ языкахъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Не давно, для забавы Княжеской фамиліи, онъ и другіе актеры, которые ни одного слова Французскаго не разумѣютъ, представляли Мольерову Комедію: *Принужденная женитьба.* Одинъ здѣшній учитель Латинскаго языка, родомъ Полякъ, принялъ на себя трудъ написать для всѣхъ актеровъ роли Нѣмецкими буквами, прибавляя вездѣ замѣчанія о тѣлодвиженіяхъ. Онъ старался показать имъ и значеніе словъ; однакожь въ этомъ не могъ успѣть за короткостію времени; ибо въ одинъ мѣсяцъ надлежало изготовиться къ представленію. Не смотря на то, комедія сыграна, и — суди объ эстетической образованности здѣшней публики — принята съ величайшимъ одобреніемъ просвѣщенными зрителями!!

Изъ всего сказаннаго мною о Молдавіи явствуетъ, что благословенная страна сія,

долго еще будетъ стоять на ряду съ самыми непросвѣщенными во всѣхъ отношенїяхъ. Но въ этомъ не Князья виноваты. Между ними есть такїе, которые по всему имѣютъ право на знаменитость. Таковъ, напримѣръ, нынѣшнїй Господарь, украшенный обширными познанїями и добрымъ сердцемъ. Въ короткое время своего правленїя онъ успѣлъ сдѣлать многїя полезнѣйшїя перемѣны. Одна мысль, что сей достойной Князь можетъ быть очень скоро низвергнутъ по дѣйствїю противной партїи, и что преемникъ его вѣроятно будетъ поступать по системѣ, совершенно противной, извиняла бы его, еслибъ онъ, подобно прочимъ Князьямъ Валлахїи и Молдавїи, болѣе думалъ о собранїи сокровищъ и сохраненїи своей фамилїи, нежели о благосостоянїи области, которая ввѣрена ему на неопредѣленное время: напротивъ того, онъ, можетъ быть болѣе нежели кто-либо изъ предшественниковъ его, дѣлалъ еще безкорыстныя пожертвованїя. Молдавїи остается желать себѣ навсегда подобныхъ правителей, только при благопрїятнѣйшихъ внѣшнихъ отношенїяхъ.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Послѣднія нумера заграничныхъ газетъ не содержатъ въ себѣ почти никакихъ новостей, достойныхъ примѣчанія.

Упомянувъ, что Бонапарте скакалъ изо всей силы къ берегамъ Вислы, мы по невѣденію не объявили одного важнаго обстоятельства, а именно, что онъ изъ Познаня до Ловича ѣхалъ въ каретѣ, а изъ Ловича до Варшавы на лошади *верхомъ*, — что двадцати-двухъ-часовое разстояніе проѣхалъ очень скоро, и что обершталмейстеръ и вахмистръ насилу успѣвали скакать за нимъ. Если хранительный сенатъ узнаетъ о семъ великомъ подвигѣ, то конечно не замедлитъ отправить въ армію депутатовъ своихъ съ поздравленіемъ, а Кардиналъ Архіепископъ Парижскій со причтомъ пропоетъ Te Deum.

Между Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ и Наполеономъ заключенъ миръ; договоръ подтвержденъ съ обѣихъ сторонъ, и размѣненъ, въ Берлинѣ 23 Декабря, Тайнымъ Совѣтникомъ Миллеромъ и Берлинскимъ Губернаторомъ, Генераломъ Кларкомъ. Далѣе увѣдомляютъ, что 15 Декабря въ Познанѣ подписанъ договоръ о присоединеніи къ Рейнскому Союзу Домовъ: Саксенъ-Веймарскаго, Саксенъ-Готскаго, Саксенъ-Мейнун-

генскаго, Саксенъ - Гилдбурггаузенскаго и Саксенъ - Кобургскаго.

Между тѣмъ, во всѣхъ Нѣмецкихъ областяхъ, занятыхъ Французами, насильственные военные поборы постоянно продолжаются. Земли, несоединившіяся съ Рейнскимъ Союзомъ, ни въ чемъ не могутъ позавидовать тѣмъ, которыя поспѣшили воспользоваться выгодами Наполеонова покровительства. Не даромъ Бонапарте хвалитъ свою любовь къ справедливости: у него нѣтъ никому пощады; всѣ терпятъ одинакую участь. Гамбургскіе депутаты возвратились изъ Познаня благополучно; они обрадовали свои семейства и всѣхъ согражданъ покрайней мѣрѣ тѣмъ, что послѣ разговора, которой между ними и Наполеономъ продолжался три четверти часа, остались въ живыхъ. Бонапарте принялъ ихъ очень *милостиво*, — этого и довольно; о семъ увѣдомлена Европа чрезъ публичныя Вѣдомости: но ничего не сказано, освобожденъ ли неутральной городъ отъ разбойническихъ поборовъ, возвращены ли гражданамъ похищенные пожитки, увѣрены ли жители, что священнѣйшія права ихъ останутся неприкосновенными . . . . Поборы доводятъ Бонапарте до великихъ хлопотъ и затрудненій. Подобно г-жѣ Простаковой, въ *Недорослѣ*, онъ горюетъ, что послѣ того, какъ отнялъ все у Нѣмцовъ, ничего уже собрать

не можетъ. Вся надежда теперь на Генераловъ, которые въ школѣ революцїи научились искуству вымучивать деньги. Хитрая изобрѣтательность сихъ господъ служитъ свидѣтельствомъ, что они достойны носить титло исполнителей Наполеоновыхъ намѣренїй. Такъ напримѣръ, Генералъ Луазонъ объявляетъ жителямъ Лингенскаго Графства, что третья часть поборовъ снимется съ тѣхъ, которые *охотно платятъ*, и наложена будетъ на тѣхъ, которые *не охотно платятъ*, — что непослушные преданы будутъ военному суду и казнены, и что знатнѣйшїе граждане будутъ отведены, какъ военноплѣнные, во Францїю, и содержимы до окончательной всѣхъ налоговъ уплаты, которая если не совершится въ извѣстной срокъ, то всѣ имѣнїя ихъ будутъ проданы.

Пишутъ, что Маршалъ Ней вошелъ въ Торунь. Іеронимъ Бонапарте съ Баварцами и Виртембергцами осадилъ Бреславль, что въ Шлезїи. Крѣпость сїя запасена достаточнымъ гарнизономъ. Комендантъ ея вѣроятно не будетъ столько сговорчивъ, какъ Магдебургскїй и прочїе измѣнники, которыхъ имена прибиты къ висѣлицѣ. По извѣстїямъ, въ нѣкоторыхъ публичныхъ листкахъ помѣщеннымъ, въ Шлезїи составляется поголовное ополченїе, котораго число будетъ простираться до 70,000 человѣкъ.

Носились слухи, что Испанія вооружалась не противъ Мавровъ, но именно противу Французовъ, и что Король — услышавъ объ успѣхахъ Наполеоновыхъ въ Пруссіи, а особливо о сраженіи при Іенѣ — отмѣнилъ предпріятіе свое до другаго, удобнѣйшаго случая. Напротивъ того въ Парижскомъ Журналѣ теперь написано, будто Бонапарте не только дозволилъ Испаніи набрать 25,000 человѣкъ изъ Прускихъ военноплѣнныхъ для ея службы, но еще обѣщался предоставить ея распоряженію столько же народу. Кажется, то и другое справедливо. Бонапарте, будучи занятъ на Сѣверѣ, умышленно угождаетъ до времени Королю Испанскому. Но имѣетъ ли онъ право плѣнныхъ воиновъ отдавать въ чужую службу, и захочетъ ли Его Католическое Величество согласиться на столь нечестивое, неслыханное предложеніе? Для Наполеона это не новое; онъ составляетъ для себя полки изъ плѣнныхъ солдатъ, и надѣется съ пользою употребить ихъ противъ ихъ же братьевъ единовѣрцовъ и соотечественниковъ! Не нужно сказывать, охотно ли Нѣмцы становятся подъ кровавыми знаменами. Генералъ Лагранжъ издалъ къ Гессенскимъ солдатамъ слѣдующую прокламацію: „Я увѣдомился, что вызовъ мой къ вамъ о вступленіи во Французскую службу произвелъ ропотъ между недоволь-

ными. Успокойтесь! всѣ, которые не могутъ вступить въ службу или по причинѣ семейственныхъ обязанностей, или по тому, что владѣютъ помѣстьями, должны явиться съ представленіями своими въ военную коммиссію, гдѣ будутъ разсмотрѣны дѣла ихъ. Этого я хочу непремѣнно. Кромѣ того, каждой изъ васъ можетъ свободно относиться ко мнѣ съ жалобою, если почитаетъ себя обиженнымъ. Но всѣ тѣ, которые не будутъ приходить на опредѣленное сборное мѣсто, и — вопреки моему чаянію — станутъ заводить безпокойства и мятежи, лишатся права на мое покровительство; я поступлю весьма строго, и употреблю всѣ насильственные способы противу тѣхъ, которые преданы будутъ въ мои руки. Судебныя мѣста должны, подъ опасеніемъ строжайшаго истязанія, доносить военному правительству о всѣхъ безпорядкахъ, могущихъ случиться. Кассель, 22 Декабря 1806 года."

29 *Января.*

При семъ нумерѣ картинка.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1807.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

СМЕРТЬ,

Разговоръ второй.

(Изъ Энгелева Свѣтскаго Философа.)

(Окончанїе.)

Не успѣли Мервиль и Шевро возвратиться домой, какъ небо со всѣхъ сторонъ облоложилось мракомъ, и страшныя молнїи заблистали. Шевро, въ сильномъ волненїи, котораго мирная и веселая природа не могла произвести въ его сердцѣ, неподвижный, безмолвный, стоялъ передъ окномъ и съ тайною сладостїю смотрѣлъ на грозную мрачность, на бурю, которая старыя деревья изторгала съ корнями, а гибкїй кустарникъ къ землѣ приклоняла. Между тѣмъ Мервиль спокойно прохаживался взадъ и впередъ по горницѣ. Онъ думалъ о новыхъ

доказательствахъ, которыми хотѣлъ, въ глазахъ Шевро, оправдать Провидѣнїе.

„Какъ щастлива Эльмина! — сказалъ онъ наконецъ: какое множество безпокойствъ, большихъ и малыхъ, уничтожились для нее въ минуту смерти! Сїи тучи гремятъ надъ головою ея, но она ихъ не видитъ и не страшится. Вспомни, Шевро, какъ дорого заплатила она за первое посѣщенїе моего дома, какая ужасная гроза тогда свирѣпствовала, какъ неподвижно лежали сгустившїяся тучи надъ горами, и какїе страшные, необыкновенно-сильные удары грома изъ нихъ исторгались!“

Помню, Мерциль! Моя Эльмина за всякую радость платила дорогою цѣною. Она радовалась и рожденїю своего сына. . . . Образъ ея мучительной смерти представился воображенїю Шевро, и лице его измѣнилось отъ внутренней скорби.

„Тѣмъ вожделѣннѣе для нее спокойствїе! Развѣ Провидѣнїе сотворило насъ для одного сего мїра? И — какъ узнать, Шевро! — можетъ быть страданїя здѣшней жизни должны усилить и возвысить наслажденїя будущей! Я кажется вижу передъ собою Эльмину: при всякомъ страшномъ ударѣ грома колѣни ея подгибаются! при всякомъ

сильномъ блистанїи молнїи глаза ея, исполненные слезъ, подъемлются къ небу, какъ будто желая умилостивить Бога, котораго всегда въ оныхъ величественныхъ явленїяхъ природы изображаютъ младенчеству грознымъ и разъяреннымъ. И теперь помню, какъ она, по усмиренїи грома — вздохнувъ изъ глубины сердца — сказала: Завидую жителямъ Сѣвера; имъ неизвѣстны такїя ужасныя грозы. Какъ бы желала я, вмѣстѣ съ моимъ Шевро, переселиться на берега Лапландїи! тамъ, конечно, была бы спокойнѣе духомъ! — Не правда ли, Шевро, что ты отвѣчалъ на это желанїе улыбкою сожалѣнїя? Но помнишь ли еще, какъ приняла твою улыбку Эльмина?"

Она потупила глаза въ землю, и щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ. О! ея разсудокъ былъ такъ же быстръ и проницателенъ, какъ чувство нѣжно и тонко.

„Два качества, всегда неразлучныя. Но разберемъ сїе сокровенное чувство, отъ котораго произошло смущенїе Эльмины: мы долѣе займемся трогательнымъ объ ней воспоминанїемъ. — Чего ты желаешь, Эльмина? — такъ, думаю, говорила она сама съ собою — или ты не помыслила, какого множества преимуществъ надлежало бы тебѣ лишиться для избѣжанїя сего единственнаго, ничтож-

наго безпокойства! Переселись воображенїемъ въ сей климатъ; конечно, тамъ грозныя тучи не помрачаютъ, и сильные громы не зыблютъ неба, но тамъ не цвѣтутъ мирныя рощи; пѣнїе соловья не слышно подъ мрачными сѣнями лѣса; жатва не озлащаетъ полей; виноградъ не зрѣетъ на холмахъ; пѣсня жнеца и пастушїй рогъ не веселятъ слуха; цвѣты не разливаютъ сладкаго запаха, и спѣлый плодъ не обѣщаетъ удовольствїя вкусу; мертвою, безплодною, пустынною, вѣчнымъ унынїемъ помраченною является тамъ природа. И ты, чувствительная душею, ты, которую всякая красота, всякое благодѣянїе въ творенїи трогаютъ и возбуждаютъ къ живѣйшей благодарности, ты хочешь добровольно утратить сїи блага; ты хочешь томиться въ ужасныхъ пустыняхъ; хочешь заключить себя въ темницу. Для чего же? для того, чтобы изрѣдка не слыхать звуковъ, необыкновенно сильныхъ, чтобы иногда не содрогаться отъ блеска, необыкновенно яркаго! Еще болѣе: ты хочешь отказаться отъ всего, что драгоцѣнно твоему сердцу, отъ всего, что возвышаетъ твою душу. Посмотри на сїи низкїя, мрачныя хижины! посмотри на грубое, невыразительное лице ихъ обитателя! найди въ чертахъ его сїю неодушевленность и безчувственность, неразрывно соединенныя съ сумрачнымъ его небомъ! помысли, что

сіи несчастные, гнетомые чрезмѣрною, непобѣдимою бѣдностію, должны навсегда отказаться отъ того возвышеннаго образованія, изъ котораго твои драгоцѣннѣйшія, твои сладчайшія радости изтекаютъ .... Эльмина, и ты хочешь потерять ихъ навѣки! ты хочешь утратить всѣ наслажденія фантазіи, всѣ очаровательныя произведенія искусства, всѣ неоцѣненныя познанія, возвышающія твой разсудокъ, всѣ восхитительныя чувства, совершенствующія твое сердце, — хочешь все утратить единственно для того, чтобы въ нѣкоторыя минуты не быть оглушенною громомъ, или ослѣпленною блескомъ, мгновенно изчезающимъ. Устыдись безсмысленности твоихъ желаній! скорѣе на первомъ кораблѣ переплыви море и возвратись въ Эдемъ, тобою оставленный, въ страну грома и бури, но вмѣстѣ и благословенія и устройства!" —

Мервиль! вы слишкомъ распространяете такую мысль, которая не вниманія, а улыбки одной достойна. Минутный страхъ произвелъ ее, и минутное размышленіе уничтожило.

„Слѣдовательно, Шевро, и твоя мысль достойна одной улыбки?"

Моя мысль? какая?

„Что смерть не должна существовать въ природѣ. Шевро, такое желанїе ужасно и разрушительно! ужаснѣе и разрушительнѣе желанїя твоей Эльмины!“

Разрушительнѣе? тогда, когда оно противорѣчитъ разрушенїю?

„Потому-то и разрушительно! Имъ осуждаешь ты все живущее на вѣчное изгнанїе; имъ переселяешь все человѣчество въ страну мрачную, хладную, лишенную прелестей, умерщвляющую наслажденїе!“

Я, Мервиль? —

„Страну, передъ которою сїи снѣжныя безплодныя равнины Сѣвера показались бы цвѣтущими и благословенными!“

Я васъ не понимаю.

„Тамъ по крайней мѣрѣ встрѣчаются признаки жизни; но въ твоемъ новомъ, ужасномъ творенїи — —“

Ужасномъ, Мервиль?

„Такъ, конечно, Шевро! каждое исправленїе мїрозданїя было бы ужасно, когда бы къ нашему счастїю, въ тоже время, не было и невозможнымъ! Но воображенїе постигаетъ ли сїю невозможность, понятную для одного разсудка? Играя однимъ наружнымъ видомъ вещей, и не заботясь о тайномъ, неразрушимомъ ихъ сцѣпленїи, оно раздѣляетъ и совокупляетъ; зиждетъ новые

мїры наудачу — хотя удача несогласна съ его созданїями — и потомъ безобразное, неправдое, ничтожное произведенїе своего могущества сличаетъ, какъ нѣчто превосходнѣйшее и совершеннѣйшее, съ творенїемъ безконечно премудрымъ, гдѣ все отъ всего истекаетъ, гдѣ все утверждено на основанїяхъ незыблемыхъ, гдѣ все нераздѣлимо одно съ другимъ сплетается. — Въ отдаленнѣйшую страну Сѣвера переноситъ оно всѣ выгоды умѣреннаго климата; быть можетъ, представляетъ большую степень холода, большую продолжительность зимы, но забываетъ о потерѣ всѣхъ прелестей весеннихъ, всѣхъ благотворенїи осени, забываетъ о тѣхъ неизчислимыхъ благахъ, которыя проистекаютъ отъ высшаго, благороднѣйшаго образованїя. Такъ заблуждалось воображенїе Эльмины! но, Шевро, что сказать о твоемъ воображенїи? Конечно, и оно оставляетъ человѣческую натуру неразрушенною; драгоцѣннѣйшїя, сладчайшїя связи общества нерасторгнутыми, и всѣ возвышеннѣйшїя, всѣ животворныя радости бытїя неуменьшенными; но оно забываетъ, что первыя не могутъ придти въ совокупленїя, а послѣднїя не могутъ родиться и разцвѣсть, когда изженется изъ области природы смерть, ихъ существенное условїе, первый, величайшїй благотворитель жизни!“

Смерть? —

„Да, мой другъ, смерть, смерть, благотворительница всего человѣческаго рода и твоя, отлично передъ многими!“

И моя, Мервиль! —

„И твоя, Шевро! въ лицѣ твоихъ добродѣтельныхъ родителей, въ твоей нѣжной супругѣ, въ твоемъ незабвенномъ сынѣ!“

Презирайтежь меня! я нечувствительный! я неблагодарный — — Но простите, забываюсь — — я ношу сіи благодѣянія въ своемъ сердцѣ.

„Нѣтъ, Шевро! никогда не приметъ ихъ человѣческое сердце. Благодѣянія такого рода могутъ быть постигнуты однимъ разсудкомъ; для чувствъ онѣ непостижимы!“

Разсудкомъ? Объяснитесь!

„Созидаю міръ, въ которомъ нѣтъ смерти, и въ мірѣ семъ водворяю человѣка. . . . . Человѣка, сказалъ я? Но имѣю ли еще человѣка? Кто онъ, и какимъ представляетъ его мое воображеніе? Онъ ни младенецъ, ни отрокъ, ни юноша, ни мужъ, ни старецъ! ни того ни другаго пола! не имѣетъ ни сего тѣла, ни сихъ душевныхъ силъ, ни сихъ движеній сердца, онъ — — привидѣніе; воздушный, неосязаемый образъ; нѣчто несущественное, безобразное созданіе фантазіи! — Но такъ и быть! и мое во-

ображенїе можетъ предаваться химерамъ! и мое воображенїе въ самомъ призракѣ можетъ находить существенность! словомъ, предполагаю возможнымъ бытїе сего человѣка; но даровать ему *одно* бытїе, недостойно Создателя! мой трудъ можетъ почесться несовершеннымъ! Съ бытїемъ надлежитъ даровать и удовольствїе и радость; какими же надѣлю моего человѣка? Онъ можетъ возненавидѣть Творца своего! онъ можетъ въ справедливомъ роптанїи добровольно, хотя напрасно, призывать смерть: да уничтожитъ его на вѣки! — *Мои* собственныя радости, самыя тѣ, которыя меня привязываютъ къ жизни, не могутъ быть для него ощутительны. Смотрю на протекшее время моей жизни: какїя наслажденїя обрѣталъ я въ привязанности къ моему доброму отцу, къ моей попечительной матери! какъ быстро текла моя юность, украшенная любовїю моихъ братьевъ и моей сестры! какъ сладостно для меня воспоминанїе тѣхъ вечеровъ, которые проводилъ я съ ними въ разговорахъ о нашемъ младенчествѣ, о нашихъ ребяческихъ удовольствїяхъ, въ которыя прошедшее, со всѣмъ своимъ очарованїемъ, опять оживлялось въ нашемъ сердцѣ! — Но человѣкъ, созданїе моего воображенїя — горе ему! онъ одинъ въ обширномъ мїрѣ! драгоцѣнныя имена брата, сына не потрясаютъ его сердца; священнѣйшїя узы природы для него не суще-

ствуютъ. А любовь — что значитъ для него любовь! Я — будучи юношею, супругомъ, отцомъ — какое блаженство находилъ въ улыбкѣ моей невѣсты, въ непритворной привязанности моей супруги, въ невинныхъ ласкахъ моего младенца! Я потерялъ и давно оплакалъ любезныхъ моему сердцу; но самое неизгладимое объ нихъ воспоминанїе не есть ли уже радость? И я, старикъ, сему священному воспоминанїю не предпочту никакихъ сокровищь мїра. — Посмотри же на человѣка безсмертнаго, всегда существующаго — онъ и здѣсь не иное что, какъ странникъ бѣдный, оставленный, безродный. Гдѣ его любезная? гдѣ супруга, которой любовь проливаетъ отраду въ его душу? гдѣ сынъ, гдѣ дочь, которыхъ онъ можетъ прижать къ своему сердцу съ восхищенїемъ родителя? Онъ отшельникъ, задумчивый и угрюмый; онъ грубый, нечувствительный дикарь. . . . . Шевро, не уже ли потребуешь доказательства?"

Понимаю васъ, Мервиль! вы опасаетесь чрезмѣрнаго наполненїя земли.

„И могу ли не опасаться?"

Въ вашемъ мїрѣ, единожды навсегда населенномъ, нѣтъ зачатїя! число вашихъ тварей всегда одинаково, безъ убыли и приращенїя!

„И можетъ ли это быть иначе? Конечно; человѣческая натура должна разрушиться; натура вещей, окружающихъ человѣка, будетъ уничтожена! но покажите мнѣ лучшее средство!“

Я, Мервиль? — Развѣ я Творецъ? Могу ли начертать новый, совершеннѣйшій планъ созданія? могу ли сотворить другую вселенную?

„Но ты человѣкъ, и можешь возможности отличать отъ невозможностей! Отвѣчай мнѣ, Шевро: въ семъ новомъ, мечтательномъ мірѣ твоемъ должны ли остаться преимущества прежняго, существеннаго? должны ли сохраниться сіи драгоцѣнныя, сладостныя узы, которыя нѣкогда соединяли тебя съ Эльминою, съ Луи, со всѣми обладавшими твоимъ сердцемъ? Или можетъ быть ты мыслишь такъ же, какъ мыслила Эльмина, когда хотѣла укрыться отъ грома, и въ тоже время быть неразлучною съ своимъ супругомъ? Скажи: должны ли сіи связи лучше не существовать вѣчно, нежели быть подверженными разрушенію?“

О Мервиль!

„И такъ естьли они существуютъ, то и конечность ихъ необходима: въ сей самой конечности заключается ихъ источникъ!“

Но такъ безвремянно, какъ жестоко, какъ страшно быть разрушенными!

„Нѣтъ, Шевро! когда натура не встрѣчаетъ препоны своимъ дѣйствїямъ, тогда и связи сїи разрушаются медленно, мало по малу, непримѣтно. Дряхлая старость и нечувствительное прекращенїе — вотъ существенныя условїя человѣческой жизни! Тысяча тысячь причинъ могутъ уничтожить сїи условїя, въ отдаленнѣйшихъ прародителяхъ нашихъ уничтожить, и тѣмъ самымъ открыть дорогу къ новымъ жалобамъ; но и сїи самыя причины принадлежатъ къ порядку натуры! Уничтожь ихъ мысленно, и ты увидишь, какїя слѣдствїя произведетъ сїе уничтоженїе — можетъ быть столь же пагубныя и печальныя, какъ и самое уничтоженїе смерти. — Но, Шевро! возвратимся къ твоей первоначальной мысли: ты отвергаешь смерть, не раннюю, безвремянную, ужасную, но смерть вообще, прекращенїе жизни. Шевро! на высотѣ *общаго*, на которую теперь я возведенъ самимъ тобою, царствуетъ свѣтъ; во глубинѣ *особеннаго* сумракъ; въ пропасти *единственнаго* грозная мрачность. Здѣсь душа исчезаетъ въ ужасномъ множествѣ погибшаго, въ безконечной разнообразности погубленїя. Одно совершенство, одна благодѣтельность и необходимость общихъ зако-

новъ объясняютъ нѣсколько наши испытующіе взоры. Съ закономъ смерти — мы увѣрились — соединяется законъ начатія; на безпрерывномъ, всегдашнемъ уменьшеніи тварей основана возможность ихъ безпрерывнаго, всегдашняго размноженія; и вотъ почему смерть — какъ я наименовалъ ее прежде — есть первый, величайшій благотворитель жизни. Одна она производитъ любовь, сей обильный источникъ чистѣйшихъ наслажденій, сей обильный источникъ благороднѣйшихъ преимуществъ человѣка; одна она производитъ сіи частныя, драгоцѣнныя связи семейственнаго круга, и сію обширную цѣлость круга общественнаго, въ которой всѣ отдѣльныя связи въ единый узелъ совокупляются; наконецъ ей одной благодари за всѣ сіи преимущества ума и сердца, которыя возносятъ насъ выше грубаго, уединеннаго дикаря; за сію образованность и благородство, изтекающія изъ общежитія, за просвѣщенія, за науки, искуства; за всѣ сіи мирныя, животворныя добродѣтели, озаряющія человѣческую душу. Теперь, Шевро! признай оныя ужасныя слѣдствія, которыя могло бы имѣть измѣненіе природы, когда бы всевидящій Промыслъ не возбранилъ его человѣку! признай безразсудность и слѣпоту нашего высокомѣрія, которое дерзаетъ ограниченные, ничтожные замыслы

человѣка ставить на ряду съ чудесною премудростїю Создателя! Мы хотимъ быть творцами, и — являемся ужасными разрушителями; хотимъ сохранить бытїе нашихъ любезныхъ, и похищаемъ у него все достоїное сохраненїя; вооружаемся такимъ бѣшенствомъ, какимъ никогда самая ненависть не вооружалась, и — преслѣдуемъ сїе бытїе въ самыхъ главнѣйшихъ его началахъ, въ ономъ великомъ, неизмѣняемомъ законѣ, на которомъ самая жизнь наша основана, въ которомъ и каждая радость нашей жизни почерпается. Ни слова о безчисленномъ множествѣ противорѣчїй, представляющихся моему взору. Отвѣчай мнѣ, Шевро! не должны ли мы краснѣться вмѣстѣ съ Эльминою? не должны ли скорѣе возвратиться въ тотъ прекрасный Эдемъ, который оставили такъ безразсудно? и наконецъ не должны ли перенести минутныхъ ужасовъ грозы для оныхъ безчисленныхъ, высокихъ радостей, которыми нашъ Эдемъ украшается?"

Шевро, не отвѣчая ни слова, устремилъ глаза въ землю; разсудокъ его, казалось, былъ убѣжденъ, но лице сохранило свою унылость и мрачность. Мервиль почувствовалъ, что лѣкарство, имъ употребленное, не могло быть дѣйствительнымъ; что горестное сердце не силою мыслей, а силою

впечатлѣнїй, не доказательствами, а чувствами изцѣляется, и рѣшился употребить другое вѣрнѣйшее средство для развлеченїя своего меланхолическаго друга. — Между тѣмъ буря утихла, тучи разсѣялись; Шевро, утомленный разговоромъ, который опять самымъ чувствительнымъ образомъ разтрогалъ его раны, поспѣшилъ проститься съ Мервилемъ, и старикъ едва успѣлъ ему сказать, что въ первый свободный день посѣтитъ его въ городѣ, и будетъ требовать отъ него такой услуги, отъ которой совершенно зависитъ спокойствїе его сердца. Шевро пожалъ Мервилеву руку, и улыбка, запечатлѣнная сердечнымъ, глубокимъ прискорбїемъ, была единственнымъ его отвѣтомъ.

Мервиль имѣлъ въ предметѣ богатство и благотворительность своего друга. Шевро! — говорилъ онъ самъ съ собою — какъ могъ бы ты наслаждаться своимъ великодушїемъ, которое отираетъ слезы такого множества несчастныхъ, когда бы не посредники раздавали твои благотворенїя; когда бы трогательная благодарность спасаемыхъ тобою *сама* прямо къ твоему сердцу доходила; когда бы собственными глазами ты видѣть могъ первую улыбку отрады на устахъ увядшихъ отъ страданїя, первый лучь удовольствїя въ очахъ, помраченныхъ скорбїю! Одинъ отъ чрезмѣрной разборчивости, другой отъ вели-

кодушія, излишне строгаго, теряютъ сладостную награду милосердія. Такъ! добродушіе и чувствительность моего друга да возвратятъ ему привязанность къ жизни: онъ долженъ видѣть предметъ своихъ благотвореній; долженъ быть тронутъ имъ до глубины сердца; долженъ почувствовать къ нему любовь, — но первымъ предметомъ его благости пусть будетъ младенецъ, прелестная невинность, чистая, неиспорченная натура, твореніе осиротѣвшее, твореніе готовое найти въ моемъ другѣ отца нѣжнѣйшаго, преисполненнаго любовію: въ противномъ случаѣ ложный стыдъ можетъ его отдалить, или мысль о притворной, поддѣланной чувствительности отравить его благородное наслажденіе!

„Ты много разъ слыхалъ отъ меня — сказалъ Мервиль, увидясь черезъ нѣсколько дней съ Шевро — объ одномъ другѣ, котораго я любилъ съ самаго дѣтства, любилъ какъ брата, и который убитъ на сраженіи при Малыплакетѣ. Онъ, умирая, наименовалъ меня опекуномъ своего единственнаго сына. Я привязался къ бѣдному сиротѣ со всею нѣжностію отца, воспиталъ его, образовалъ, пристроилъ къ мѣсту, наконецъ женилъ: все это тебѣ извѣстно, и ты можешь легко вообразить, что я долженъ былъ почувствовать, когда получилъ отъ безутѣшной

вдовы его слѣдующія строки, послѣднія, которыя могъ написать несчастный!" — Еще погибшій! воскликнулъ Шевро съ горестнымъ чувствомъ! — „Читай! — прибавилъ Мервиль, и отошелъ въ сторону, чтобы отереть слезы, покатившіяся изъ глазъ его — онъ поручаетъ мнѣ своего сироту; онъ требуетъ, чтобы я для сына былъ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда былъ для отца; но, Шевро, какія обязанности могу я на себя возложить, я, хилый, изнеможенный, трепещущій старикъ, я, которому два шага осталось до могилы? Когда бы надлежало для беззащитнаго, которой, можетъ быть, слишкомъ скоро потеряетъ и мать свою изнуренную болѣзнями, требовать одной великодушной подпоры; тогда я не долго искалъ бы сего единственнаго человѣка, котораго смѣло нарекло бы мое сердце благотворителемъ (Шевро съ жаромъ схватилъ руку старца); но здѣсь, къ несчастію, нужно болѣе, несравненно болѣе! здѣсь нуженъ другъ, отечески расположенный, другъ, къ которому осиротѣвшее сердце могло бы привязаться съ неограниченною, почтительною любовію, которой пожертвовалъ бы частію своего времени, образовалъ его, надзиралъ за нимъ съ нѣжнѣйшимъ, внимательнѣйшимъ попеченіемъ, усовершенствовалъ его для счастія! — Шевро, ты видишь мою чувствительность и горесть. Ни-

кто, кромѣ тебя, не можетъ снять сего бремени съ моего сердца! Юноша добродѣтельный и одаренный всѣми благими фортуны! если тебѣ драгоцѣнно спокойствїе моихъ послѣднихъ дней, если желаешь, чтобы Мервиль не терзался на постелѣ смертной.... но прости меня, мой другъ! я, безразсудный, обременяю тебя прозьбами, и забываю показать сего несчастливца, для котораго требую отъ тебя великодушїя!" Съ сими словами старикъ стремительно удалился, оставя Шевро въ непрїятной борьбѣ съ привязанностїю къ нему, какъ къ другу, и съ отвращенїемъ отъ всякой новой человѣческой связи, отвращенїемъ, которое онъ самъ передъ собою своимъ безсилїемъ оправдать старался.

Мервиль черезъ минуту возвратился, ведя за руку миловиднаго, веселаго мальчика, одѣтаго въ черное платье. — „*Луи*! — сказалъ онъ: вотъ тотъ благородный человѣкъ, которой можетъ заступить мѣсто твоего добраго отца, котораго ты долженъ объ этомъ просить, которому долженъ дать слово, что будешь его любить, почитать, за отеческїя попеченїя его платить совершеннымъ послушанїемъ и самою нѣжною внимательностїю." — Шевро, сраженный именемъ *Луи*, бросился на стулъ; а мальчикъ, которой побѣжалъ-было къ нему съ невинною, открытою веселостїю, оробѣвъ, воз-

вратился съ торопливостїю къ Мервилю, но, по первому ласковому слову старца, опять приближился къ Шевро, которой въ сїю минуту залился слезами, просилъ его прїятнымъ, трогательнымъ голосомъ не плакать, позволилъ взять себя на руки, прижался миловиднымъ личикомъ къ его груди, и наконецъ, невольно, самъ зарыдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ сего времени, среди безмолвнаго, взаимнаго излїянїя чувствительности, заключился между ними тайный, нѣжный союзъ, которому никогда разрушиться не надлежало.

Знакомство съ сыномъ, натурально, произвело и знакомство съ матерью, которая медленно оправлялась отъ своей болѣзни, или, лучше сказать, медленно приходила въ себя послѣ жестокаго удара, нанесеннаго ей судьбою. Столь же естественно двумъ несчастнымъ, которыхъ сердца наполнены одинакимъ, нѣжнымъ воспоминанїемъ о предметахъ имъ драгоцѣнныхъ, ввѣрить другъ другу свою горесть, наконецъ соединить и слезы и вздохи . . . . Ни слова о слѣдствїяхъ! читатель, знающїй человѣческое сердце, предскажетъ ихъ, и не — ошибется.

Съ Нѣмецкаго. В. Ж. . . . . кїй.

II.

СТИХИ

На случай молебствія по прочтеніи Высочайшаго Манифеста Ноября 16 дня о войнѣ противъ Французовъ. Казань.

Grave ne rediret ſaeculum Pyrrae. *Horat. Od.*

Грозная буря со вихремъ несется,
Норда сынъ буйный реветъ Аквилонъ,
Твердь во своемъ основаньи трясется,
Мракомъ облегся вокругъ небосклонъ.

*

Новый Аттила весь міръ ужасаетъ,
Ищетъ коварно рѣками кровь лить;
Скиптромъ свинцовымъ онъ все подавляетъ,
Пирринъ (*) къ намъ хощетъ злой вѣкъ возвратить.

*

(*) То есть: всеобщее опустошеніе. По баснословію древнихъ Грековъ, при Девкаліонѣ Царѣ Ѳессалійскомъ и супругѣ его Пиррѣ былъ потопъ, отъ котораго всѣ люди погибли, кромѣ четы, здѣсь упомянутой. Сіе произшествіе описано Овидіемъ въ Превращеніяхъ. См. Кн. I.

Изд.

Въ сей преужасной бѣдѣ общихъ пучинѣ
Россу пристанище — Вѣра и Царь!
Съ твердой идетъ онъ надеждой къ Святынѣ,
Вѣрность къ Монарху несетъ предъ олтарь.

*

Съ нимъ Всемогущій! кого устрашится?
Россу Онъ будетъ ограда и щитъ!
Паки спокойствіе къ намъ возвратится,
Паки любезный насъ миръ осѣнитъ!

Г. Городчаниновъ.

III.

Отрывокъ изъ Делилева Диѳирамба на безсмертіе души.

На лонѣ Вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ!

Такъ, молній Вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшись: безсмертье жребій твой.

А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ! ободрись: безсмертье жребій твой!

В. Ж . . . й.

IV.

Соколъ и Голубка.

(Б а с н я.)

Голубку Соколъ дралъ въ когтяхъ.
„Попалась! ну, теперь оставь свои затѣи!
Плутовка! знаю васъ: ругательницы, змѣи!
Вашъ родъ соколій вѣчный врагъ!
Есть боги мстители!“ — Ахъ! ябъ того желала!
Голубка, чуть дыша, измятая стенала. —
„Какъ! какъ, отступница! не вѣровать богамъ!
Не вѣрить силѣ провидѣнья!
Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь; вижу самъ;
Умри! безбожнымъ нѣтъ прощенья!“

В. Ж . . . й.

V.

Эпиграммы.

1.

Для Климá всё какъ дважды два!
Горацій, Ксенофонъ, Бова,
Лаландъ и Гершель астрономы,
И Мирамондъ (*) и Мушенброкъ
Ему, какъ носъ его, знакомы.
О всемъ кричитъ, во всемъ знатокъ!
Судить о музыкѣ начните:
Нашъ Климъ первѣйшій музыкантъ!
О торгѣ рѣчь съ нимъ заведите:
Онъ въ мигъ торгашь и фабрикантъ!
Чего въ немъ нѣтъ? онъ метафизикъ,
Платоникъ, коновалъ, маляръ,
Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
Хирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,
Поэтъ, каретникъ, то и то,
Климъ, словомъ, всё! и Климъ — ничто.

2.

Ты драму, Фефилъ, написалъ? —
„Да! какъ же удалась! какъ сыграна! нечаешь!
Хотя бы кто-нибудь для смѣха просвисталъ!“ —
И! Фефилъ, Фефилъ! какъ свистать, когда зѣваешь?

(*) Старинный Рускій романъ.

3.

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
Папура истинной чудакъ:
Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

4.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать
Есть — цвѣтъ плоду предпочитать!
В. Ж — ій.

VI.

Взглядъ на исторію Пастушеской Поэзіи новѣйшихъ временъ (*).

Тысячелѣтній промежутокъ отъ царствованія преемниковъ Кара до счастливаго вѣка Медицисовъ, то есть отъ упадка наукъ до возстановленія ихъ, не занимателенъ для любителя пастушескихъ пѣсней.

За нѣсколько лѣтъ до возрожденія изящной словесности въ Италіи, Петрарка игралъ на сельской свирѣли. Въ убѣжищѣ

(*) См. Вѣст. Евр. 1805 года No 16, стр. 261.

Воклюзскомъ, подъ яснымъ небомъ Авиньйонскимъ, онъ воспѣвалъ свою Лауру и ея суровую непреклонность. Сказываютъ, что сей знаменитый пѣснопѣвецъ, примѣръ нѣжныхъ любовниковъ, въ молодости своей былъ человѣкъ самой легкомысленной, самой вѣтренной. Стихи его служатъ порукою въ истинѣ сего преданія. Любовь къ суровой красавицѣ не одного вѣтреннаго Петрарку сдѣлали нѣжнымъ обожателемъ; такія превращенія случаются весьма часто. Въ прекрасныхъ стихахъ его вездѣ блистаютъ искры остроумія; а это уже и есть погрѣшность. Желая тронуть сердце, онъ говоритъ уму. По свидѣтельству Вольтера, ни въ одной пѣсни его нѣтъ тѣхъ красотъ чувства, которыя щедрою рукою разсыпаны въ сочиненіяхъ Кино и Расина. Вообще, Италіянскіе Поэты любятъ игру ума, и часто портятъ ею свои сочиненія.

Гварини и Марини во многомъ сходствуютъ между собою, хотя послѣдній уступаетъ первому въ достоинствѣ. Марини былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые какъ будто умышленно портили Италіянскую Поэзію. Его *Адонисъ* можетъ служить образцемъ щегольскаго слога, обильнаго замысловатыми словами и остроумными оборотами. Между жеманствомъ — говоритъ Попъ — и непринужденностію такая розница, какая между

румянами и природною красотою. Сїя мысль можетъ относиться ко всѣмъ родамъ словесности, но болѣе къ эклогѣ и идиллїи. Гварини написалъ въ пастушескомъ родѣ всѣмъ извѣстное сочиненїе *Вѣрной пастушокъ*, сочиненїе, которому очень долго удивлялись, которое слишкомъ много хвалили, и въ которомъ щеголеватой слогъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ. Подъ щеголеватымъ слогомъ разумѣть должно тотъ языкъ ученыхъ и неученыхъ остроумцевъ, которымъ сїи господа любятъ отличаться отъ людей, имѣющихъ здравой смыслъ и вкусъ обработанной. Мольеръ, по обыкновенїю своему, весьма удачно осмѣиваетъ такой языкъ въ комедїи *Жеманныя щеголихи*, и въ другихъ. Слѣдующїе стихи его сдѣлались пословицею у Французовъ:

Ce n'eſt que jeux d'éſprit, qu'affectation pure;
Et ce n'eſt pas ainſi que parle la nature.

То же самое, хотя гораздо рѣже, находимъ въ пастушескихъ стихотворенїяхъ Тасса; за то уже въ его *Аминтѣ* истинныя красоты помрачаютъ всѣ погрѣшности. Въ сей поэмѣ не такъ часто попадаются на глаза остроумные вымыслы и кудрявыя выраженїя. Жаль только, что и здѣсь красавицы его походятъ болѣе на щеголихъ, нежели на пастушекъ. Не странно ли, на примѣръ, что одна па-

стушка говоритъ цвѣтамъ: „Я ношу васъ „не для того, чтобъ украшать себя, но „чтобъ помрачить васъ моими прелестями?“ Вотъ что заставляло Боало охуждать Тасса, и быть даже несправедливымъ судьею сего великаго мужа! Такія прикрасы въ пастушеской поэмѣ совсѣмъ не у мѣста. — Авторъ *Аминты*, заботясь о разсказѣ, не думалъ объ *единствѣ*, о сей душѣ хорошихъ сочиненій, о сей драгоцѣнности, которую древніе наблюдали со строжайшею точностію, и которая едва ли была извѣстна Тассовымъ современникамъ. Они, обыкновенно смѣшивая главное дѣйствіе съ посторонними, или по невѣденію сами сбивались съ дороги, или умышленно заставляли блуждать читателя. То же можно сказать объ Испанскихъ сочинителяхъ, которые еще менѣе наблюдали единство, еще съ большею щедростію расточали пышныя гиперболы, еще болѣе вмѣшивали постороннихъ приключеній въ главное дѣйствіе. Изъ числа Испанскихъ Авторовъ упомяну только Лопа де Вегу, Серванта и Монте-Майора. Всѣ они или не знали, или не хотѣли знать, что въ сочиненіи должно быть только *одно* дѣйствіе; не хотѣли заниматься усовершенствованіемъ сего важнаго предмета. Бросивши въ горнило самой чистой металлъ, они, какъ будто нарочно, примѣшиваютъ другой составъ, и тѣмъ

унижаютъ цѣну перваго. Кажется, сіи писатели пренебрегали своихъ и нашихъ учителей, а именно древнихъ. Хотя нѣкоторые и увѣряютъ, будто Лопъ де Вега удивлялся Грекамъ и Римлянамъ; однакожь видно, что онъ *только* удивлялся имъ, не стараясь идти ихъ дорогою.

Кромѣ Тасса, Гварини и Марини, Италія хвалится еще другими пастушескими поэтами, въ числѣ которыхъ извѣстнѣйшіе суть Яковъ Саннацаръ и Спаньйоли, прозванный Мантуанскимъ. Саннацаръ родомъ Неаполитанецъ, или какъ нѣкоторые думаютъ, Еѳіопъ, былъ любимецъ Короля Неаполитанскаго Фридерика. Сей Монархъ содержалъ Саннацара на своемъ иждивеніи, и подарилъ ему прекрасной сельской домъ надъ моремъ. Государь ни чемъ не могъ болѣе одолжить сельскаго пѣснопѣвца! Саннацаръ не долго пользовался новымъ своимъ помѣстьемъ. — Нѣтъ! онъ пользовался имъ и тогда, когда лишился его; ибо доброе дѣло никогда безъ награды не остается. Фридерикъ, изгнанный изъ своихъ владѣній Лудовикомъ XII, Королемъ Французскимъ, не имѣя нигдѣ вѣрнаго пристаница, нашелъ истиннаго друга въ своемъ любимцѣ. Саннацаръ, побуждаемый одною признательностію, продалъ домъ, и рѣшился дѣлить несчастіе со своимъ благодѣтелемъ. Онъ

не оставилъ по себѣ образцовыхъ сочиненій; за то поступокъ сей можетъ служить примѣромъ для подражанія. Послѣ смерти Фридерика Саннацаръ возвратился въ отечество, и провелъ старость свою въ любовныхъ веселостяхъ. Стихи его, писанные на Латинскомъ и Италіянскомъ языкахъ, были отлично уважаемы.

Спаньйоли Мантуанскій также писалъ стихи пастушескіе, ежели только можно симъ именемъ назвать странную смѣсь священныхъ дѣяній съ мірскими, гдѣ на одной строчкѣ найдете Пресвятую Дѣву и Дріядъ баснословныхъ. Сей кармелитъ въ жизнь свою сочинилъ шестьдесять тысячь стиховъ, о достоинствѣ коихъ и о вкусѣ поэта можно судить по слѣдующему отрывку:

Dum ventris onus poſt haec carecta levabo.

У него весьма часто встрѣчаются такія *прекрасныя* подробности. И сего человѣка ставили наровнѣ съ Виргиліемъ! и сему человѣку воздвигли въ Мантуѣ мраморную статую подлѣ Виргиліевой!

Нѣмцы, подобно Испанцамъ и Италіянцамъ, сочиняли пастушескіе стихи на Латинскомъ языкѣ. Многіе изъ нихъ заимствовали содержаніе изъ Священной Исторіи.

Извѣстно, что по возрожденіи наукъ въ Европѣ, и для драматическихъ сочиненій писатели почерпали матерію изъ того же источника. Голландцы также упражнялись въ пастушескомъ стихотвореніи. Наименую одного изъ нихъ, знаменитаго Гроція, которой однакожь болѣе извѣстенъ по трактату *de jure belli et pacis* (о правѣ войны и мира), нежели по эклогѣ, называемой *Миртилъ*.

Нѣмцы возвели пастушескую Поэзію на ту степень совершенства, до которой ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не могъ достигнуть. Между ними есть одинъ пѣвецъ, котораго смѣло можно ставить выше Ѳеокритовъ и Виргиліевъ; онъ сотворилъ новыя красоты, коихъ разнообразіе древнимъ было не извѣстно. Кто по симъ чертамъ не узнаетъ Геснера, единственнаго между сельскими пѣснопѣвцами? Озеро Цирихское! долго, долго на берегахъ твоихъ будутъ раздаваться сладостные звуки неподражаемыхъ пѣсней.

Изъ Англичанъ достойны примѣчанія Мильтонъ и Попъ. Мильтона можно сравнивать съ Геснеромъ, гдѣ идетъ дѣло объ описаніи невинной любви прародителей. Почти одинаковыя рамы и холстины; розница въ томъ, что каждой изъ сихъ живописцовъ составлялъ краски, слѣдуя внушенію своего

генія, или соображаясь съ обстоятельствами своего вѣка. Мильтонъ подражалъ Тассу; Геснеръ подражалъ Тассу и Мильтону: но оба подражатели являются образцами; у каждаго своя собственная отдѣлка. — Попъ далекъ отъ Мильтона. Онъ писалъ свои эклоги, имѣя пятьнадцать лѣтъ отъ роду. Съ младенчества будучи напитанъ чтеніемъ древнихъ, старался подражать Виргилію. Звуки сельской свирѣли его, впрочемъ довольно вѣрные, походятъ на раскаты городской флейты. Пышныя выраженія приличны болѣе самому Попу, нежели Алексису или Дафнѣ.

Лабрюйеръ говоритъ о Ронзарѣ и современникахъ его: *они болѣе портили слогъ, нежели вычищали*; то же можно сказать почти о всѣхъ Французскихъ сельскихъ поэтахъ, съ тою только розницею, что Ронзаръ и современники его пестрили языкъ Греческими и Латинскими фразами, а другіе привязывались къ жеманству, пагубному для вкуса и точности выраженій. Принужденность и натяжка суть признаки слабости. Дитя, поднявшись на ходули, почитаетъ себя рослымъ; писатель, которой желая дать болѣе силы мыслямъ своимъ, надуваетъ слогъ и растягиваетъ, или желая возвысить слогъ, увеличиваетъ мысли — походитъ на упомянутаго робенка. — Ронзаръ жилъ въ шестьнадцатомъ столѣтіи. Совре-

менники называли его *Государемъ поэтовъ.* Генрихъ II, Францискъ II, Карлъ IX и Генрихъ III, благодѣтельствовали Ронзару; и такъ было бы приличнѣе называть его *Поэтомъ Государей.* — Филиппъ Депортъ, котораго Боало предпочитаетъ Ронзару, былъ дядя славнаго сатирика Ренье. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ извѣстна тайна обогащаться своими сочиненіями. Сказываютъ, что Генрихъ III за первое изданіе стиховъ заплатилъ Депорту 10,000 экю. Одинъ сонетъ доставилъ ему Аббатство. Знакомство съ Музами столько было для него прибыточно, что онъ наконецъ получалъ 30,000 франковъ годоваго доходу. Надобно сказать къ чести Депорта, что никто не могъ завидовать ему: богатства его принадлежали всей ученой братіи. Ни одинъ поэтъ не былъ столько щедръ на благодѣянія. Имѣя всѣ способы жить въ чертогахъ, онъ предпочиталъ имъ сельскую простоту и книги. Привязанность къ невиннымъ утѣхамъ видна во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Пастушескія стихотворенія Ракана и Сегре и нынѣ еще украшаютъ библіотеки свѣтскихъ людей, хотя, сказать правду, объ идиліяхъ и эклогахъ поэтовъ сихъ болѣе говорятъ, нежели читаютъ ихъ. Сегре не столько извѣстенъ теперь по своимъ

стихотвореніямъ, сколько по тѣмъ похваламъ, которыя приписываетъ ему Боало.

Дошла очередь до Фонтенеля, знаменитаго по уму, по учености. Его можно назвать Алкивіадомъ словесности, потому что онъ во всѣхъ родахъ ея упражнялся съ удивительною легкостію, хотя не во всѣхъ оказалъ одинакіе успѣхи. Здѣсь дѣло идетъ только о пастушескихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ далеко отсталъ отъ Сегре, Ракана и Депорта. Пастухи его походятъ на придворныхъ; языкъ ихъ есть языкъ Италіянскаго импровизатора, или лучше сказать, самъ Фонтенель является съ посошкомъ и корзинкою. Одинъ изъ его пастуховъ говоритъ: „Ирисы, Сильвіи рѣшили судьбу „нашу; хотя мы нерадимъ объ овцахъ „своихъ, за то уже хорошо служимъ красавицамъ (*).“ Пастушка говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Я откровенна, простодушна, неспособна къ притворству; „но мнѣ кажется, что мое простодушіе

(*) Въ подлинникѣ острота виднѣе:

Par nos Iris et nos Sylvies
Tous nos deſtins ſont décidés;
Les troupeaux, il eſt vrai, ſont aſſez mal gardés,
Mais nos belles ſont bien ſervies.

„милѣе того блеска, которой находятъ въ „глазахъ моихъ (*).“ Гдѣ же простота? гдѣ невинность? Вообще, пастушки его разговариваютъ, какъ щеголихи въ своихъ будуарахъ. Вездѣ сїяетъ блескъ Фонтенелева остроумїя, прїятнаго во всѣхъ его сочиненїяхъ, кромѣ сельскихъ.

Нѣкоторыя идиллїи г-жи Дезульеръ и теперь еще съ удовольствїемъ читаются. Еслибъ сїя славная женщина не была больна, то, вѣроятно, мы ничего не знали бы о ней; ибо сельскїе стихи ея суть плодъ пятьнадцати-лѣтняго недуга. Всѣ они имѣютъ одинъ характеръ, всѣ дышутъ какою-то нѣжною томностїю: не такъ писали древнїе. Читая идиллїи г-жи Дезульеръ, не льзя не видѣть, что ихъ сочиняла умная женщина въ часы задумчивости, не льзя не раздѣлять съ нею сладостныхъ ощущенїй. Слогъ ея простъ и легокъ. Она сама признается, что слабость здоровья расположила душу ея къ сему роду сочиненїй; въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя идиллїи ясно показываютъ чувствительность нервъ сочинительницы. Разумѣется, что все сказанное здѣсь въ похвалу г-жи Дезульеръ относится къ лучшимъ ея стихо-

(*) Je suis simple naïve, et de feindre incapable.,
Mais je crois ma franchise encore plus aimable
Que l'éclat qu'on trouve à mes yeux.

творенїямъ, которыя, какъ замѣчаетъ Вольтеръ, можно помѣстить на сорока страницахъ.

Древнимъ сочинителямъ пастушескихъ стиховъ поставляютъ въ вину однообразїе; простота обычаевъ можетъ служить имъ вмѣсто оправданїя. У древнихъ и новыхъ стихотворцовъ весьма часто находимъ споры между пастухами о томъ, кто лучше споетъ пѣсню, или сыграетъ на свирѣли. Въ старину это было въ обыкновенїи: не знаю чѣмъ извинятъ себя новѣйшїе стихотворцы.

Сервїй говоритъ: Qui bucolica ſcribit, curare debet ante omnia, ne similes sibi ſint eclogae; кто пишетъ пастушескїе стихи, тотъ болѣе всего долженъ стараться, чтобъ эклоги его не походили одна на другую. Беркень не остерегся отъ сей погрѣшности. У него всегда, или почти всегда, пастухи и пастушки оказываютъ другъ другу взаимныя услуги за одинъ, два, три или шесть поцѣлуевъ — и всѣ сїи поцѣлуи крайне скучны. Не упоминаю о другихъ погрѣшностяхъ и недостаткахъ сего посредственнаго стихотворца. Извѣстно, что онъ много писалъ для дѣтей; драмы его, почти всѣ занятыя у Нѣмцовъ, имѣютъ свое достоинство: но здѣсь дѣло идетъ только о стихахъ, и стихахъ пастушескихъ.

Леонардъ всѣхъ Французскихъ стихотворцовъ превзошелъ въ сельскомъ пѣснопѣнїи. Подобно древнимъ, онъ умѣлъ остеречься отъ затѣйливости и щеголеватости въ слогѣ; простота, чистосердечїе, непринужденность — вотъ чѣмъ онъ старался украшать свои идиллїи. Въ маленькихъ поэмахъ его, равно какъ въ Геснеровыхъ, всегда видите цѣль нравоучительную, что весьма рѣдко встрѣчается у Грековъ и Римлянъ; и такъ Леонардъ вмѣстѣ и поэтъ и моралистъ. Онъ учитъ, какъ Лафонтенъ, не выказывая своего ума, не хвастаясь своими знанїями.

„Пастушеская жизнь — говоритъ Попъ — „есть образецъ *вѣка золотаго*. Должно пред„ставлять пастуховъ не такими, какими „видимъ ихъ въ наше время, но какими „они были тогда, какъ почти всѣ люди „занимались охраненїемъ стадъ своихъ.“ Въ семъ правилѣ открывается причина, почему пастушеская поэзїя не обращаетъ на себя вниманїя всѣхъ народовъ, и почему Французы менѣе другихъ успѣли въ семъ родѣ сочиненїй. Пастухъ, котораго видимъ въ идиллїи, не походитъ ни на одно существо, намъ извѣстное. Древнїе, не столь удаленные отъ природы, были ближе къ образцамъ, коихъ описывали. У нихъ между поселяниномъ, между

пастухомъ, воиномъ, судьею, законодателемъ не могло еще быть великаго различія. Прибавлю, что хотя нѣкоторые древніе поэты изключительно занимались однѣми эклогами; однакожь, разсматривая сочиненія всѣхъ прочихъ, начиная съ Гомера, увидимъ, что они сельское стихотвореніе вездѣ мѣшали. На кого походятъ нынѣшніе пастухи, описываемые въ сельскихъ мадригалахъ? это не люди, но существа, неизвѣстно для чего вымышляемыя праздными писателями!

Странно! всѣ сіи историки сельской жизни, всѣ живописцы природы — кромѣ Геснера и еще двухъ или трехъ — жили и живутъ въ шумныхъ обществахъ, далеко отъ образцовъ своихъ. Мудрено ли, что въ картинахъ ихъ нѣтъ точности! мудрено ли, что ложь и небылица выдаются за истину, и что пастушки ихъ суть не что иное, какъ существа баснословныя! Выдумывайте, господа стихотворцы, что хотите для своихъ читателей; по крайней мѣрѣ увѣдомляйте напередъ, что вы шутите, и представляя натуру, какой нигдѣ не бывало, не говорите имъ: „друзья! любите натуру, ищите ее; она обитаетъ на поляхъ!“ — Все, несходное съ истиною, долго не можетъ никому нравиться.

Съ Франц.

VII.

Вечеръ.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Коль тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!
Приди, о Муза благодатна,
Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ свирѣлію простой,
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей природы!
Какъ сольнца за горой плѣнителенъ закатъ,
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;
Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами,
И сѣти склавъ рыбакъ, на легкомъ челнокѣ
Плыветъ у брега межь кустами;
Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ,
И плуги обративъ по глыбистымъ браздамъ
Съ полей оратаи съѣзжаютъ! —
Ужь вечеръ! облаковъ померкнули края!
Послѣдній лучь зари на башняхъ умираетъ!
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ!

Все тихо . . . рощи спятъ . . . . въ окрестности покой!
Простертый на травѣ, подъ ивою согбенной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
Потокъ, кустами осѣненной! —
Какъ слитъ съ прохладою растеній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!
Какъ, изрѣдка шумя, колышется тростникъ!
Коль усыпительно жуковъ ночныхъ жужжанье!
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
И въ рощѣ иволги стенанье! —
Но что! какой вдали мелькнулъ волшебный лучь?
Восточныхъ облаковъ хребты возпламенились,
Осыпанъ искрами во тмѣ журчавшій ключь,
Въ рѣкѣ дубравы отразились . . . . .
Луны ущербный ликъ возсталъ изъ за холмовъ!
О тихое небесъ полунощныхъ свѣтило!
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣсовъ!
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило! — —
Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ минувшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ:
О дней моихъ весна, коль быстро скрылась ты
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои!
Ужели никогда не зрѣть соединенья!
Ужель изсякнули веселія струи!
О вы, погибши наслажденья,
О братья, о друзья, гдѣ вашъ священный кругъ!
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ!
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ!
Гдѣ клятвы, данныя природѣ,
Хранить съ огнемъ сердецъ нетлѣнность братскихъ узъ!
И гдѣ же вы, друзья! . . . Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душою,
Тащиться осужденъ до бездны гробовой!
Одинъ — (минутный цвѣтъ) — почилъ и непробудно!
И урну юноши Любовь кропитъ слезой!
Другой . . . . о Небо правосудно!
А мы! ужель дерзнемъ другъ другу чужды быть!
Ужель Нанины взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь любезнымъ въ свѣтѣ слыть,
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье
О радостяхъ души, о счастьи оныхъ дней
И Музамъ, и Любви, и Вакху посвященныхъ?
Нѣтъ! нѣтъ! . . . пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,

Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ!
Мнѣ рокъ судилъ итти невѣдомой тропой,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы
природы;
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И взоръ склонивъ на свѣтлы воды,
Безпечность и поля и дружбу воспѣвать!
О пѣсни, милый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной;
Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный
дымъ
Ложится по лугамъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,
Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій
кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ — пѣть есть мой удѣлъ! . . . Но дол-
голь? Какъ узнать!
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ пастуш-
кою унылой
Придетъ сюда пастухъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

Бѣлевъ. 1806 года
Въ Іюлѣ.

В. Ж — ій.

VIII.

Амфиѳеатръ.

Симъ именемъ назывались у древнихъ Римлянъ зданія, въ которыхъ представляемы были зрѣлища поединковъ. Ихъ строили по чертежу круглому, или продолговато-круглому, безъ кровли. На серединѣ зданія находилось порожнее мѣсто, усыпанное пескомъ, и названное по тому *ареною*. Здѣсь сражались бойцы. Мѣсто сіе окружено было покрытыми чуланами, въ которыхъ иногда держали звѣрей, выводимыхъ на позорище.

Далѣе за сими чуланами, вокругъ *арены*, была сдѣлана галлерея для знатнѣйшихъ зрителей. За нею возвышались каменныя скамейки одна надъ другою, до самаго верху зданія. Такимъ образомъ амфиѳеатръ видомъ своимъ походилъ на рюмку; впадина къ низу становилась уже, и мѣсто представленія было для всѣхъ зрителей открыто.

На нижнихъ скамейкахъ сидѣли богатѣйшіе и знатнѣйшіе граждане; на верхнихъ — простой народъ. По закону Росціеву, четырнадцать нижнихъ рядовъ скамеекъ

въ ѳеатрѣ назначены были для знатныхъ (*); вѣроятно, сіе относится и къ мѣстамъ амфиѳеатра. Кто не имѣлъ у себя четырехъ сотъ тысячь сестерціевъ, тотъ не принадлежалъ ни къ одному изъ четырнадцати гражданскихъ сословій, но оставался въ классѣ черни. По сей причинѣ горацій написалъ:

Si quadringentis, ſex ſeptem millia deſunt,
Plebs eris.

Зданія сіи были столь обширны, что въ нихъ помѣщалось отъ 30 до 80 тысячь зрителей.

Онѣ съ начала были деревянныя. Вѣроятно, амфиѳеатръ Фламиніевъ — котораго немалая часть, извѣстная подъ названіемъ *Колизея*, и теперь стоитъ въ Римѣ — было первое сего рода зданіе, сдѣланное изъ камня. Сей амфиѳеатръ, продолговато-круглой фигуры, простирается въ длину на 700, въ ширину на 500, въ вышину на 160 рейнскихъ футовъ, имѣетъ четыре

(*) Одинъ древній сочинитель замѣчаній на Горація (Ер. I. 57.) пишетъ, что по закону Росціеву на четырнадцати рядахъ скамеекъ, ближайшихъ къ оркестру, могли садиться только тѣ, которые имѣли четыре ста тысячь сестерціевъ.

ярруса, изъ коихъ каждой украшенъ сводами и столбами особеннаго ордена. У нижнихъ сводовъ были входы; промежутокъ между большою стѣною и крытыми чуланами вокругъ *арены* занятъ былъ разными лѣсницами и переходами, которые освѣщались внѣшнимъ свѣтомъ, входящимъ черезъ промежутки столбовъ. — Желающій получить свѣденіе объ амфиѳеатрахъ да благоволитъ прочесть трактатъ Липсіевъ, писанный на Латинскомъ языкѣ.

Въ наше время *амфиѳеатромъ* называются вообще мѣста, занимаемыя зрителями.

(*Изъ Сульц. Слов.*)

IX.

Готтеской вкусъ.

Сіе названіе различнымъ образомъ употребляется въ изящныхъ искуствахъ для означенія варварскаго вкуса, хотя впрочемъ не всегда опредѣляется въ точности смыслъ его. Кажется, оно значитъ неприличность, недостатокъ въ красотѣ и соразмѣрности видимыхъ предметовъ, и произошло отъ того, что Готы, поселившись въ Италіи, неискусно подражали произведеніямъ древняго зодчества. Это обыкновенно случается съ каждымъ непросвѣщеннымъ на-

родомъ, которой, не имѣвши времени заниматься обработаніемъ вкуса, внезапно дѣлается сильнымъ и богатымъ. И такъ *готтической вкусъ* принадлежитъ не однимъ Готтамъ, но вообще всѣмъ упражняющимся въ художествахъ безъ предварительнаго ученія. Въ семъ отношеніи цѣлой народъ сходствуетъ съ человѣкомъ. Представьте себѣ человѣка, родившагося въ низкомъ состояніи, возросшаго въ невѣжествѣ, и вдругъ получившаго знатную степень и богатства: въ покроѣ платья, въ ухваткахъ, въ строеніи домовъ, въ расположеніи садовъ, и вообще въ родѣ жизни онъ подражаетъ богачамъ просвѣщеннымъ — но подражаетъ страннымъ образомъ. Готтическимъ называется въ художествахъ всякое украшеніе, противное правиламъ вкуса, украшеніе приличное пышности и величію, но несовмѣстное съ изяществомъ, съ пріятностію. Погрѣшности противъ вкуса могутъ быть многообразны; слѣдственно и *готтическое* раздѣляется на многіе роды.

По тому-то не однѣ только нескладныя, строенныя Готтами зданія называются готтическими, но и тѣ странныя, многими безполезными прикрасами обремененныя, для которыхъ по видимому даны первые образцы поселившимися въ Европѣ Сарацинами. Есть зданія, соединяющія въ себѣ оба сіи рода дурнаго вкуса.

Въ живописи называется *готическимъ* способъ рисовать фигуры, господствовавшій до конца пятьнадцатаго столѣтія, то есть до того времени, когда искуство сіе получило новой видъ, посредствомъ изученія природы и образцовъ древнихъ. Прежде сей эпохи живописцы рисовали по своему идеалу, весьма непохожему на идеалъ древнихъ Грековъ. Сіи умѣли представлять въ умѣ своемъ натуру изящную, возвышенную; напротивъ того живописцы готическіе воображали ее грубою, испорченною. Они дѣлали члены длиннѣе обыкновенныхъ, фигурамъ давали принужденное положеніе, нимало несходное съ натуральнымъ. Это называется готическою живописью. Ясно, что художники изображали фигуры по своему произволу. Они заботились только, чтобы тѣло человѣческое имѣло всѣ члены; но не думали ни объ истинѣ, ни о соразмѣрности, ни объ естественности.

И такъ вообще кажется, готической вкусъ происходитъ отъ того, что художникъ мало размышляетъ о вещи, которую намѣревается сдѣлать. Кто заблаговременно не обдумываетъ, какимъ должно быть его произведеніе, и какимъ образомъ должно работать, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ желанію; тотъ легко можетъ попасть въ число готическихъ художниковъ. Сей недостатокъ въ размышленіи причиною, что мы

и теперь иногда видимъ готической вкусъ въ украшеніяхъ, когда онѣ несовмѣстны съ сущностію украшаемаго предмета. Остриженное дерево, представляющее звѣря, закрученной столбъ наподобіе улитки, рюмка на высокой, тонкой ножкѣ, и прочія вещи, украшаемыя неприличнымъ образомъ, суть признаки готическаго вкуса.

(*Оттуда же.*)

X.

О заграничныхъ модахъ.

(Изъясненіе картинки.)

1. Новѣйшая уборка головы. Большое кольцо изъ волосовъ обматывается ниткою жемчуга, которая протягивается черезъ весь лобъ. Назади золотой гребень, жемчугомъ унизанной.

2. Головной уборъ, имѣющій сходство съ повязкою, или ночнымъ чепцомъ, которой надѣтъ задомъ напередъ. На лбу пучокъ цвѣтовъ. Круглой передникъ съ лиловыми лентами для завязокъ. На шеѣ косынка шелковая, темнокраснаго цвѣту, съ бахрамою.

3. Шляпка тафтяная съ цвѣтами, на рукѣ рабочій мѣшокъ, имѣющій видъ корзинки.

ПОЛИТИКА.

I.

Объявленіе Его Величества Короля Англійскаго.

По безуспѣшномъ прекращеніи переговоровъ между Его Величествомъ и Франціею, Король признаетъ за нужное объявить своимъ подданнымъ и всей Европѣ обстоятельства, которыя произвели столь печальное слѣдствіе. Его Величество ничего столько не желаетъ, какъ заключить миръ надежный и долговременный. Онъ болѣзнуетъ о продолженіи войны, нарушающей благо многихъ народовъ, войны, которая при всѣхъ успѣхахъ оружія весьма тягостна для вѣрноолюбезныхъ его подданныхъ. Но онъ уповаетъ, что какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ государствахъ Европы, нынѣ всѣ еще болѣе увѣрены, что несправедливость и властолюбіе непріятеля отдаляютъ эпоху возстановленія всеобщаго спокойствія.

Французское правительство, не довольствуясь множествомъ приобрѣтенныхъ областей на твердой землѣ, упорно остается при своемъ намѣреніи разрушить независи-

мость всѣхъ прочихъ народовъ. Война продолжается не для безопасности, но для завоеваній, и переговоры о мирѣ клонятся, по видимому, къ тому только, чтобы въ сосѣдственныхъ государствахъ поселить пагубную безпечность, между тѣмъ какъ Франція изобрѣтаетъ, соображаетъ и производитъ въ дѣйство безконечные планы хищенія и насильства. Обстоятельства послѣднихъ переговоровъ служатъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ ея замысловъ.

Сношенія о мирѣ начались тѣмъ, что правительство Французское обѣщалось вести переговоры, принявъ за основаніе съ обѣихъ сторонъ оставаться при тогдашнихъ владѣніяхъ; сіе условіе предложено такъ, что можно было ожидать взаимнаго вознагражденія; кромѣ того увѣрили Его Величество, что Нѣмецкія области его, захваченныя безъ малѣйшей причины, будутъ отданы обратно. Такое предложеніе показалось Его Величеству справедливымъ, и принято съ тѣмъ условіемъ, что Его Величество вступитъ въ переговоры, съ согласія своихъ союзниковъ.

Лишь только принято и подтверждено съ обѣихъ сторонъ сіе предложеніе, какъ вдругъ непріятель удалился отъ цѣли, и въ столь важныхъ пунктахъ, что Его Ве-

личество принужденъ былъ тотчасъ объявить: если Францїя не будетъ держаться правилъ, ею же самою предложенныхъ; то сношенїя между обоими правительствами немедленно должны прекратиться.

Францїя въ отвѣтъ на сїе объявленїе снова увѣряла объ искреннемъ желанїи своемъ рѣшиться на важныя пожертвованїя для достиженїя мира, если только Англїя не прекратитъ начавшихся сношенїй. Въ то же время правительство Французское представило затрудненїя, относительно недостатка въ полномочїи особы, которой Его Величество поручилъ имѣть сношенїя. Въ слѣдствїе чего Его Величество призналъ за нужное начать переговоры чрезъ посредство Министровъ, по надлежащему уполномоченныхъ, и сдѣлалъ это для того, чтобы болѣе увѣрену быть въ достиженїи — если возможно — мира, непостыднаго для себя и своихъ союзниковъ, и полезнаго для безопасности цѣлой Европы.

Между тѣмъ, особа, которой отъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА Всероссїйскаго поручено, съ вѣдома Англїйскаго правительства, начать переговоры о томъ же дѣлѣ, коварствомъ непрїятеля принуждена была подписать особой миръ на усло-

вїяхъ, противныхъ достоинству и выгодамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Король, не поколебавшись отъ сего неожиданнаго произшествїя, продолжалъ вести переговоры, основываясь на прежнихъ правилахъ. Онъ твердо надѣялся — и событїе оправдало сїю надежду — на искренность и постоянную вѣрность такого Союзника, съ которымъ вмѣстѣ началъ сношенїе, и выгоды коего во все продолженїе переговоровъ наблюдалъ, какъ свои собственныя.

Напротивъ того правительство Французское, возгордившись симъ успѣхомъ, какъ будто важнѣйшею рѣшительною побѣдою, часъ отъ часу болѣе уклонялось отъ данныхъ обязательствъ и обѣщанныхъ пожертвованїй. Оно не только отмѣнило по прихоти своей условїя, на основанїи коихъ начаты переговоры съ Англїею, но даже нарушило всѣ законы справедливости, въ разсужденїи Россїи. Оно обѣщало сей Державѣ, за сдѣланное съ ея стороны снисхожденїе, хранить цѣлость Германїи; не смотря на то, прежде еще, нежели Россїя дала свое рѣшенїе о заключенномъ трактатѣ, Францїя уже разрушила и уничтожила составъ Нѣмецкой Имперїи, наложила иго свое на многїя государства и провинцїи сей Имперїи, попрала ногами свои обязательства, и

побудила Порту къ нарушенїю прежнихъ договоровъ съ Россїею.

Такїе поступки, противные выгодамъ Его Величества, выгодамъ союзниковъ его и всѣхъ независимыхъ народовъ, не обѣщали никакого успѣха отъ начатыхъ сношенїй; почему уполномоченные Англїею принуждены были требовать пропусковъ для возвращенїя въ отечество. Сперва удовлетворенїе ихъ требованїя откладываемо было подъ предлогами ничтожными, безпримѣрными; потомъ Французское правительство, согласившись на нѣкоторыя маловажныя уступки, и показывая, будто въ продолженїе переговоровъ охотно сдѣлаетъ важнѣйшїя пожертвованїя, довело до того, что снова начаты сношенїя о мирѣ, которыя и тянулись отъ одного дня до другаго, пока наконецъ въ Парижѣ узнали, что ИМПЕРАТОРЪ Всероссїйскїй съ негодованїемъ отвергъ договоръ, заключенной безъ соучастїя союзниковъ, и вопреки данному полномочїю.

За симъ важнымъ произшествїемъ последовали убѣдительнѣйшїя увѣренїя, что Францїя готова рѣшиться на величайшїя пожертвованїя, лишь бы только заключить миръ, и возвратить спокойствїе вселенной. Кажется, что Францїя посредствомъ сихъ увѣренїй хотѣла склонить Его Величество

къ начатїю переговоровъ, въ которыхъ не участвовали бы его союзники: но такое предложенїе противно было главнымъ правиламъ; и могъ ли Его Величество принять сїе предложенїе тогда, когда Россїя великодушнымъ поступкомъ своимъ возложила на него новую обязанность не отдѣлять выгодъ своихъ отъ выгодъ столь вѣрнаго Союзника. Король рѣшительно отвергъ сїе коварное предложенїе; между тѣмъ всячески старался отклонять препятства, и ускорить, если возможно, достиженїе счастливой цѣли переговоровъ. Искреннїя сношенїя, рачительно, постоянно продолжаемыя съ Россїею, доставили Его Величеству возможность подробно узнать условїя, на которыхъ сїя Держава соглашалась заключить миръ. Въ слѣдствїе того уполномоченный Англїею получилъ повелѣнїе объявить Францїи, кромѣ своихъ требованїй, требованїя Союзника Его Величества, сдѣлать для сихъ послѣднихъ особыя статьи, и даже заключить предварительной договоръ, которой, по одобренїи отъ Россїи, долженствовалъ быть произведенъ въ дѣйство.

Францїя, сдѣлавъ сперва нѣкоторыя возраженїя, согласилась продолжать переговоры. Въ сїе время предложены условїя, еще ближе подходившїя къ первымъ правиламъ сношенїй; но къ сожалѣнїю онѣ все еще

далеки были отъ тѣхъ, которыхъ желалъ Его Величество, и которыхъ требовать Англїя тогда имѣла еще большее право, нежели прежде. Наконецъ, отказъ на справедливыя требованїя Россїи и на условїя, предложенныя Его Величествомъ для пользы своихъ союзниковъ, принудилъ Короля повелѣть своему Министру прекратить сношенїя и возвратиться въ Англїю.

Сїе краткое и простое показанїе случившихся произшествїй не требуетъ никакихъ примѣчанїй. Непрїятель самъ сдѣлалъ предложенїе о начатїи переговоровъ, и Его Величество принялъ оное, искренно желая возстановить миръ въ Европѣ. Каждое предложенїе, которое хоть малую подавало надежду на миръ, было приемлемо съ радостїю; переговоры прекратились не прежде, какъ уже исчезла вся надежда. Требованїя Его Величества были справедливы и благоразумны; онѣ клонились не къ удовлетворенїю личнаго честолюбїя, но къ исполненїю должностей, возложенныхъ на него честїю и достоинствомъ вѣнца Королевскаго, къ исполненїю обязательствъ, данныхъ союзникамъ, къ утвержденїю выгодъ всей Европы.

Его Величество съ глубокою скорбїю взираетъ на злоключенїя, нераздѣльныя съ войною. Непрїятель долженъ будетъ дать

страшной отвѣтъ за всѣ несчастія; а Его Величество спокойно ожидаетъ окончанія сей великой при, твердо уповая на справедливость своего дѣла, на пособія и храбрость своего народа, на вѣрность своихъ союзниковъ, и на покровъ Божіяго провидѣнія.

Вѣрные подданные Его Величества, споспѣшествуя чрезвычайнымъ усиліямъ, которыя неразлучны съ продолженіемъ столь важной войны, не должны забывать, что дѣло идетъ объ ихъ драгоцѣннѣйшихъ выгодахъ; они не должны забывать, что пожертвованія ничего не значатъ въ сравненіи со стыдомъ, къ которому непріятель ведетъ ихъ оскорбительными своими требованіями, — что благо, могущество и независимость ихъ отечества неразлучно сопряжены съ благодушіемъ и народною честностію, и что, защищая права и достоинство Бриттаніи, они охраняютъ твердой оплотъ свободы всего міра. Октября 21 дня 1806.

II.

Переписка Министровъ.

(Вмѣстѣ съ объявленіемъ отъ Короля Англійскаго обнародованы дипломатическія бумаги, касающіяся до возобновленія сношеній о мирѣ между Франціею и Англіею. Переводимъ три первыя, которыя подали къ тому поводъ. Сей случай достоинъ примѣчанія.)

1.

Довнингъ-Стритъ, 20 Февраля 1806.

Господинъ Министръ!

Почитаю моею должностію, какъ честной человѣкъ, со всевозможною поспѣшностію увѣдомить васъ объ одномъ, довольно странномъ, обстоятельствѣ, о которомъ теперь только я извѣстился. Для краткости сдѣлаю вамъ самое простое описаніе того, что случилось.

За нѣсколько дней передъ симъ одинъ человѣкъ писалъ ко мнѣ, что онъ прибылъ въ Гравезандъ безъ пропускнаго вида, и просилъ о доставленіи ему онаго, потому что онъ ѣдетъ изъ Парижа, и имѣетъ сообщить мнѣ *нѣчто пріятное.* Я разговаривалъ съ нимъ наединѣ въ моемъ кабинетѣ, гдѣ — послѣ ничего незначущихъ объясненій — сей бездѣльникъ дерзнулъ сказать мнѣ, что для

блага всѣхъ Монарховъ надобно умертвить начальника Французовъ, и что уже нанятъ домъ въ Пасси для вѣрнаго и безопаснаго исполненія сего нечестиваго намѣренія. Я не могъ хорошо разслушать, обыкновенныя ли ружья къ тому предназначены, или другія огнестрѣльныя орудія новаго изобрѣтенія. Вы знаете меня, господинъ Министръ, и я не стыжусь признаться, что присутствіе явнаго убійцы привело меня въ великое замѣшательство. Будучи въ семъ состояніи, я немедленно отослалъ его отъ себя, и приказалъ полицейскому Офицеру, которому поручено было смотрѣть за нимъ, поскорѣе выпроводить его за границу Королевства. Разсудивъ о своемъ поступкѣ, я увидѣлъ, что сдѣлалъ дурно; увидѣлъ, что прежде надлежало васъ увѣдомить, нежели отпустить сего человѣка. Я приказалъ задержать его.

Кажется, что все сіе ничего не значитъ, и что сей несчастной захотѣлъ только похвастать, думая, что его намѣреніе мнѣ будетъ *пріятно*.

Какъ бы то ни было, я почелъ за нужное васъ увѣдомить о случившемся, прежде нежели его отправлю. Наши законы запрещаютъ держать человѣка долгое время; однакожь онъ будетъ отпущенъ не прежде, какъ уже вы предпріимете осторожныя

мѣры противъ его покушеній, — разумѣется, если онъ имѣетъ ихъ. Постараюсь, чтобы онъ высаженъ былъ на берегу отдаленнѣйшемъ отъ Франціи. Онъ здѣсь назвался Гилье де ла Жевриньеромъ; думаю однакожь, что сіе имя есть подложное. При немъ не было ни лоскутка бумаги. Съ перваго разу я почелъ-было его за шпіона. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшею преданностію, господинъ Министръ,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою,
К. Т. Фоксъ.

2.

Милостивый Государь!

Письмо ваше я показывалъ Е. В. Тотчасъ по прочтеніи онъ сказалъ: „Здѣсь вижу я правила чести и добродѣтели, которыя всегда одушевляли Г-на Фокса.“ Потомъ прибавилъ: „Поблагодарите его отъ „меня, и скажите, что хотя политика Государя его заставитъ насъ еще долго вести войну, или хотя сія безполезная для „человѣчества вражда скоро окончится по „желанію обоихъ народовъ — въ томъ и въ „другомъ случаѣ радуюсь, что сей поступокъ даетъ войнѣ другой видъ, и онъ „предвѣщаетъ, чего можно ожидать отъ „Кабинета, котораго правила съ удовольствіемъ одобряю, судя по правиламъ г-на

„Фокса, человѣка способнѣйшаго чувствовать „все изящное, все истинно великое.“

Я не осмѣлюсь, милостивой государь, ничего прибавить къ собственнымъ словамъ Е. В., прошу только васъ принять увѣренїе о моемъ отличномъ почтенїи.

К. Мавр. Таллейранъ, Князь Беневенто.

3.

Довнингъ - Стритъ, 26 Марта 1806.

Милостивый Государь!

Увѣдомленїе о мирныхъ расположенїяхъ вашего правительства заставило меня просить Короля, чтобы онъ удостоилъ своимъ особливымъ вниманїемъ сїю часть письма вашего превосходительства.

Его Величество не одинъ уже разъ изъявлялъ Парламенту искреннѣйшее свое желанїе воспользоваться первымъ случаемъ къ заключенїю мира на условїяхъ прочныхъ и такихъ, которыя не противны были бы выгодамъ и благу его народа.

Онъ всегда желалъ мира, но мира продолжительнаго и надежнаго, а не отдыха кратковременнаго, и слѣдственно безпокойнаго какъ для договаривающихся сторонъ, такъ и для всей Европы.

Что касается до условій Амьенскаго договора, которыя могли бы предложены быть за основаніе для сношеній; то замѣчено уже, что фразу сію можно толковать на три или на четыре различные способа; слѣдственно это довело бы до продолжительныхъ объясненій, и сдѣлало бы остановку даже тогда, когда совсѣмъ не было бы никакихъ возраженій.

Истинное основаніе для переговоровъ между двумя великими Державами, которыя равно гнушаются коварными привязками, должно быть слѣдующее: обѣ стороны должны имѣть въ виду возстановленіе непостыднаго мира какъ для себя, такъ и для своихъ союзниковъ; сверхъ того онѣ должны по возможности своей стараться обезопасить на будущія времена спокойствіе всей Европы.

Англія не можетъ пренебречь выгодъ союзниковъ; она въ столь тѣсной связи находится съ Россіею, что не хотѣла бы начинать никакихъ переговоровъ, а и того болѣе окончить ихъ безъ согласія и участія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА; однакожь, до прибытія Россійскаго полномочнаго можетъ приступить къ разсмотрѣнію и даже къ предварительному постановленію нѣкоторыхъ главныхъ статей.

Покажется, что Россія, по причинѣ отдаленности, не столько имѣетъ непосредственныхъ причинъ, какъ другія Державы, вести переговоры со Франціею; но сіе Государство, по всѣмъ отношеніямъ важнѣйшее въ политической системѣ, принимаетъ, равно какъ Англія, живѣйшее участіе во всемъ касающемся до независимости различныхъ государствъ Европы.

Видите, милостивый государь, какъ здѣсь желаютъ отвратить всѣ затрудненія, которыя могли бы помѣшать предполагаемымъ сношеніямъ. Имѣя множество способовъ, мы готовы продолжать войну; Англійской народъ удобнѣе всѣхъ переноситъ ея бѣдствія: но намъ жалки другіе.

И такъ постараемся окончить сію войну, и если можно, согласить общія наши выгоды со славою обоихъ государствъ, со спокойствіемъ Европы, со благомъ человѣческаго рода. Имѣю честь быть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ,

милостивой Государь!

вашего превосходительства

покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

К. Т. Фоксъ.

III.

Отъ Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи, Станислава Сестренцевича Богуша.

Преосвященнымъ Епископамъ, Прелатамъ, Каноникамъ, Деканамъ, Провинціаламъ, Настоятелямъ церквей и монастырей, и всѣмъ исповѣдающимъ Римско-Католическую вѣру.

Свѣту извѣстный врагъ Европы, врагъ рода человѣческаго, Наполеонъ Бонапарте, по плѣненіи и опустошеніи многихъ странъ, дерзаетъ простирать злобныя намѣренія свои и на предѣлы Россіи, Отечества нашего. Богомъ руководимый, кроткій АЛЕКСАНДРЪ, Отецъ Своихъ подданныхъ, нашелъ Себя въ горестной для человѣколюбиваго сердца Его необходимости произвести всеобщее въ Имперіи Своей ополченіе. Всѣ состоянія призываются гласомъ угрожаемаго опасностію Отечества нашего къ содѣйствованію въ противопоставленіи твердаго оплота силѣ и кознямъ вражіимъ. Призывается и Санъ Духовный, предстоящій Олтарю Господню, да дѣйствуетъ онъ согласно съ священною волею Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего.

Пастыри Духовные! вы обязаны пещись о благѣ ввѣренныя вамъ паствы. Служеніе

Отечеству соединено тѣсною связїю съ служенїемъ Олтарю Господню. — Богъ, Творецъ всяческихъ, есть источникъ порядка; отъ Его десницы истекли блага Правительствъ, и рушитель тишины и спокойствїя народовъ, ополчающїйся противу Властей предержащихъ, не можетъ не быть противникомъ воли Божїей, противникомъ самаго Бога. Пастыри Духовные! се предстоитъ вамъ время явить, паче нежели когда-либо, ревность и усердїе ваше ко благу общему. Да проповѣдуя Слово Божїе, препоясавъ чресла ваша истиною, внушаете ввѣренной вамъ паствѣ кротость и повиновенїе. Потщитесь направлять увѣщанїями вашими мысли и сердца сыновъ ввѣренныя вамъ Церкви, къ безропотному служенїю Отечеству и Государю, къ ревностному исполненїю ихъ обязанностей, къ твердому и мужественному сопротивленїю силѣ и хитростямъ вражїимъ. Потщитесь истолковать имъ, съ одной стороны, что средства къ отраженїю врага, Правительствомъ предприемлемыя, суть средства предписуемыя необходимостїю; что долговременное или краткое продолженїе безпокойствъ и трудностей всеобщаго ополченїя зависятъ отъ вѣрности, усердїя и мужества подданныхъ Россїйскихъ; съ другой, что малодушїе, слабость, а паче неповиновенїе и строптивость несомнѣнно породятъ бѣд-

ствія некончаемыя; что единодушіе сыновъ Россійскихъ вскорѣ можетъ низпровергнуть намѣренія злобствующаго врага, истребить его начинанія, и изгладить бѣдствія, имъ порожденныя; что разномысліе, напротивъ, продлитъ оныя на времена безконечныя.

Средства непріятеля общаго состоятъ не въ храбрости его воиновъ, но паче въ ухищреніяхъ и ложныхъ обольщеніяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ потщится искушать паству вашу коварствами и лестію; но языкъ его, языкъ исполненный притворства и прельщенія, извѣстенъ: нѣтъ нужды искать отдаленныхъ доказательствъ вѣроломныя совѣсти Наполеона. Извѣстно, какія бѣдствія постигли тѣхъ несчастныхъ соотчичей вашихъ, которые за нѣсколько предъ симъ лѣтъ по неблагоразумію своему вступили въ службу его. Воспомните сей несчастный походъ, о которомъ говорено было во всѣхъ публичныхъ извѣстіяхъ. Воспомните тѣхъ несчастныхъ согражданъ вашихъ, отправленныхъ Наполеономъ на островъ Сент-Доминго; воспомните, что кромѣ пяти сотъ изъ нихъ, спасшихся бѣгствомъ на кораблѣ Англійскомъ, и отдавшихся въ плѣнъ почти, ни одинъ не избѣгъ отъ ярости и убійственныхъ рукъ Негровъ. Вопросите, гдѣ сіи ополченія со-

отечественниковъ вашихъ, посланныхъ въ Италїю? сколько остается еще ихъ въ Калабрїи? Легїонъ Польскїй, о которомъ съ похвалою повторяемо было въ публичныхъ извѣстїяхъ (въ газетахъ), не есть остатокъ вызванныхъ оттуда, не есть остатокъ сихъ безразсудныхъ, присоединившихся прежде къ войскамъ Французскимъ; нѣтъ, и память сихъ несчастныхъ погибла. Легїонъ же Польскїй состоитъ изъ новонабранныхъ. Какую мзду обрѣли соотчичи ваши, предавшїеся вѣроломно въ руки Французовъ? Рекрутство, контрибуцїи и безчисленные сборы были единою ихъ наградою.

Бонапарте не можетъ представить вамъ выгодъ и со стороны религїи. Мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россїи безъ малѣйшихъ стѣсненїй и съ такою свободою, какъ бы она была вѣрою господствующею. Но и съ сей стороны недремленно должны вы назирать за собою, дабы не подпасть искушенїямъ Наполеона, сего ума злочестиваго, и толико обильнаго въ ухищренїяхъ и прельщенїи. Онъ знаетъ, что религїя есть могущественнѣйшая движущая сила для душъ благорожденныхъ. Не льзя опредѣлить путей, коими будетъ онъ искать вкрасться въ сердца соотчичей вашихъ. Но извѣстно, что не бывъ приверженъ ни къ какой религїи, онъ всегда употреблялъ ее, такъ

какъ средство политическое: чтобъ плѣнить умы Египтянъ, онъ призналъ предъ Муфтїемъ Магомета истиннымъ Пророкомъ; чтобъ привлечь къ себѣ Евреевъ всего свѣта, онъ тщится представить себя имъ въ лицѣ Мессїи ихъ. Пастыри Духовные! вы просвѣщены ученїемъ, просвѣщены свѣтомъ Евангелїя, и удобнѣе простолюдимовъ можете отличать истину отъ неправды. Потщитесь въ поученїяхъ вашихъ вразумлять ихъ о истинныхъ ихъ выгодахъ; представлять имъ тѣ попеченїя Монарха ихъ, коими они толико лѣтъ пользуются; тѣ блага, коими наслаждаются они подъ кроткою Державою Россїйскою. Потщитесь обращать вниманїе ихъ на ужасныя бѣдствїя, произведенныя въ сосѣднихъ намъ странахъ рукою жаднаго и гордаго ихъ завоевателя, или паче опустошителя; на слезы несчастныхъ жертвъ коварства его и безчеловѣчїя; и да проповѣдуя истину, внушите омерзенїе къ тиранну, поправшему святость правъ народныхъ, законы человѣчества, гласъ совѣсти, гласъ Божїй, въ Евангелїи напечатлѣнный.

Нѣтъ предѣловъ ни дѣйствїямъ, ни намѣренїямъ рушителя тишины общей; нѣтъ границъ его властолюбїю. Непрестанно присоединяетъ онъ къ неправедно похищенной имъ державѣ своей страны чуждыя, и отъ

лютости ли своей не зная спокойнаго наслажденія, или отъ непрестанныя боязни лишиться приобрѣтеннаго имъ чрезъ коварства, налагаетъ оковы на народы имъ покоренные. Гдѣ слѣдъ его, который бы не былъ обагренъ кровію? гдѣ мѣсто, которое не было бы ознаменовано разрушеніемъ, если рука его коснулась онаго? И слабо сопротивляться ему, и подло преклоняться на его оболь-щенія, есть приносить себя въ жертву его властолюбія.

Не горе ли есть пасть въ сѣти врага лукаваго? не добро ли есть противостать врагу толь злобному? Пастыри стада Христова, призванные на святое служеніе истинѣ! внушайте чадамъ церкви, коль великія опасности облежатъ ихъ; если твердость ихъ, истиннымъ сынамъ Отечества свойственная, поколеблется: внушайте, коль великая слава ожидаетъ вѣрныхъ сыновъ Россіи! Она единая, съ помощію Бога, правдѣ поборающаго, предшествовала до нынѣ оружію Россійскому. Но коль праведно подъемлетъ нынѣ оружіе кроткій МОНАРХЪ нашъ, АЛЕКСАНДРЪ Первый! Благодарность Отечества, благословенія потомства и неувядаемый вѣнецъ въ вѣчности суть награды, готовящіяся сподвижникамъ воли ЕГО. *Да будутъ дни Его яко дни неба на земли; да дастъ Господь крѣпость*

намъ; да просвѣтитъ очи наши, да живемъ подъ сѣнїю Его, да работаемъ Ему дни многи, и обрящемъ благодать предъ Нимъ. Служители церкви Божїей! просвѣщая паству вашу о истинномъ долгѣ ея и обязанностяхъ, внушая въ нее кротость, повиновенїе и мужество, утверждая въ ней правила вѣрныхъ подданныхъ и добрыхъ гражданъ, возсылайте мольбы свои ко Всевышнему о ниспосланїи всесильной Его помощи къ отраженїю врага, и къ скорому возстановленїю тишины и спокойствїя, единыхъ источниковъ благоденствїя.

Принесемъ днесь моленїе Всевышнему.

МОЛИТВА I. (Oratio)

Господи Боже силъ, побѣждаяй крѣпостїю Твоею возстающихъ на уповающихъ на Тя! помози рабомъ Твоимъ, благоутробїю Твоему молящимся; да поправъ ковы супостатовъ нашихъ, восхвалимъ Тя непрестанными благодареньми, купно съ единороднымъ Твоимъ Сыномъ, Господемъ Нашимъ Iисусомъ Христомъ, и святымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

МОЛИТВА II. (Secreta)

Господи! не отрини жертву, нами Тебѣ приносимую, воеже избавити насъ отъ лукав-

нующаго на ны врага и супостата, и сохрани Святою Твоею Десницею восхваляющихъ Тя, купно и проч.

МОЛИТВА III. (postcommunio)

Боже царствующихъ и Господи господствующихъ, иже наказуяй наказуеши ны, смерти же не предаеши, и прощая прегрѣшенія наша, спасаеши вѣрныхъ Твоихъ! яви намъ милость и благоутробіе Твое; насади между нами миръ и тишину Божественною силою Твоею, да насладимся онымъ правдою Твоею, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Святый Боже, Святый крѣпкій и проч. —

Подписано: Митрополитъ Станиславъ Сестренцевичь - Богушъ, Архіепископъ Могилевскій.

Санктпетербургъ.

Января 25 дня 1807 года.

IV.

Письмо къ Издателю, изъ Полтавы.

31 Декабря 1806.

Ни что не можетъ сравниться съ пріятными чувствованіями, которыя могъ испытать каждый благомыслящій и приверженный къ Отечеству человѣкъ, имѣвшій

счастїе быть зрителемъ происходившаго здѣсь на сихъ дняхъ.

Образованїе Ландъ-Милицїи во многихъ Губернїяхъ Имперїи, въ числѣ коихъ равномѣрно находится и Полтавская, было побудительною причиною всеобщаго собранїя Дворянства въ семъ городѣ. — Сїя мѣра, столь важная по нынѣшнимъ чрезвычайнымъ произшествїямъ, подала случай видѣть во всемъ своемъ блескѣ истинную преданность къ Отечеству и ревность къ Государю.

24 Сего мѣсяца было первое собранїе Дворянства. Князь Куракинъ, Малороссїйскїй Генералъ-Губернаторъ, открывъ оное лично, объявилъ благородному Обществу Высочайшее изволенїе по сему предмету. Менѣе нежели въ одну недѣлю, все приведено къ концу и устроено на такихъ основанїяхъ, кои, обѣщая совершенной успѣхъ, въ тоже время отвращаютъ всякїя неудобства, сопряженныя часто со всѣми новыми учрежденїями. Тако производятся всѣ предпрїятїя подъ руководствомъ Начальника, который съ неупомимою дѣятельностїю соединяетъ всѣ отличныя дарованїя, свойственныя государственному человѣку.

Что касается до избранїя Коммандующаго Губернскимъ земскимъ войскомъ, то

единодушно нареченъ въ сїе званїе Тайный Совѣтникъ Поповъ, извѣстный по многимъ важнымъ должностямъ, кои онъ занималъ въ царствованїе Великой Екатерины. Дѣятельность и опытность въ службѣ, ему свойственныя, доказали уже при самомъ вступленїи въ новую должность, до какой степени онъ достоинъ довѣренности, возложенной на него. — Число Губернскихъ ратниковъ простирается до 26,000. Чрезъ двѣ недѣли всѣ будутъ вооружены, снабжены съѣстными припасами на три мѣсяца, и совсѣмъ готовы къ выступленїю по первому повелѣнїю. Всѣ Офицеры, выбранные Дворянствомъ, снабжены нужными наставленїями, и отправлены къ мѣстамъ.

Среди всѣхъ сихъ движенїй вездѣ и во всякомъ состоянїи видно одинакое усердїе и рвенїе для блага общаго. Между прочими, одинъ купецъ города Хороля, внесши немалую сумму въ казну, не удовольствовался послѣдовать въ семъ случаѣ примѣру собратїй своихъ, но сверхъ того настоялъ, чтобъ оба его сына были вписаны въ число новыхъ ратниковъ.

N. N.

V.

Замѣтанія.

Бѣда Англійскому народу! Хранительный сенатъ Наполеоновъ бросилъ въ него перуны проклятія! Вотъ что написано, между прочимъ, въ отвѣтѣ на посланіе Наполеоново о рекрутскомъ наборѣ (*): „Да падутъ „на Англійское правительство всѣ бѣдствія „войны, которыя оно причиняетъ, разпространяетъ и размножаетъ, имѣя возможность прекратить ихъ! Претерпѣвая праведное возмездіе, нося язвы политическаго „проклятія, которое постигло торговлю, „слѣдственно и все существо его, влача „жизнь свою между голыми скалами, которыя окружены бурями, да не обрящетъ оно „спокойствія и безопасности въ кучахъ золота, обагреннаго кровію несчастныхъ жителей порабощеннаго Востока! . . . Стѣна „мѣдяная да преградитъ ему входъ на твердую землю, на которой нечестивые возмутители, по его велѣнію, неоднократно „распространяли заблужденіе, тщетной „страхъ, соблазнительныя обѣщанія - - - „Европа, гдѣ оно хотѣло остановить успѣхи общежитія, да будетъ для него враждебною землею! корабли, которыми оно „гордится, да блуждаютъ по морямъ, сто-

(*) См. *Вѣст. Евр.* 1807 No 3. стр. 204.

„нающимъ отъ тиранства его; да не спа-„сутся отъ разъяреннаго Океана, да обря-„щутъ при берегахъ Европейскихъ подвод-„ные камни, неизбѣжную неволю и мстящіе „перуны правъ народныхъ!“ Члены хранительнаго сената Наполеонова на досугѣ витійствуютъ!

Между тѣмъ, Англичане готовятъ для *великой* націи другаго рода проклятіе, котораго удары будутъ болѣе мѣтки, болѣе разительны. „Если Бонапарте — говорятъ они — упорно останется при своемъ намѣреніи прервать законное сообщеніе между народами, и слѣдственно отнять у нихъ возможность взаимно быть полезными своимъ трудолюбіемъ; то у нашего правительства готовы способы отмстить за такую дерзость. Кому извѣстна сумма чужестранныхъ капиталовъ, находящихся въ Англіи; тотъ легко понимаетъ, трудно ли намъ довести до нищенскаго состоянія подданныхъ и, такъ называемыхъ, союзниковъ Наполеоновыхъ. Мы можемъ имущество ихъ превратить въ особой капиталъ, которой съ излишествомъ вознаградитъ всѣ убытки подданныхъ Его Великобриттанскаго Величества. Впрочемъ, мы увѣрены, что развѣ только крайняя необходимость заставитъ Англійское правительство рѣшиться на такой поступокъ, пагубной для несчастныхъ жертвъ

Наполеоновой власти, и что сей поступокъ былъ бы противенъ политикѣ народа, получающаго великія выгоды отъ капиталовъ, ввѣренныхъ его честности. Но ежели Бонапарте не отмѣнитъ своей системы, которую началъ уже производить въ дѣйство; то скоро увидитъ, что грубо ошибается въ своихъ разсчетахъ. Чужестранные капиталы, въ рукахъ Англичанъ находящіеся, простираются до 100,000,000. Мы удержимъ за собою сумму сію, ежели Бонапарте доведетъ насъ до крайности."

Наполеонъ сказалъ, какъ извѣстно, что Французскія войска не выдутъ изъ Берлина до тѣхъ поръ, пока всѣ Французскія, Испанскія и Голландскія заселенія, покоренныя Англичанами, не будутъ отданы прежнимъ правительствамъ, и пока не будетъ заключенъ миръ всеобщій. Издатель Англійской газеты Morning-Chronicle сдѣлалъ на сіи слова слѣдующее замѣчаніе: „Если Бонапарте захочетъ устоять въ своемъ обѣтѣ, то — бѣда Прусской Монархіи! Не уже ли онъ думаетъ, что удержавъ за собою Берлинъ, принудитъ насъ возвратить Французскія, Испанскія и Голландскія, покоренныя нами, заселенія? Зависитъ ли отъ Пруссіи выполнить то, чего требуетъ Бонапарте за отдачу Берлина? Не уже ли онъ думаетъ, что Англія, желая возвратить Пруссіи тѣнь независимости, отступится отъ своихъ за-

воеванїй, которыхъ Францїя сама отнять никакъ не можетъ? Нѣтъ! пускай никто не надѣется, чтобы мы рѣшились на столь важныя пожертвованїя для державы, которая не была съ нами въ союзѣ. Такїя пожертвованїя еще болѣе увеличили бы могущество Францїи; слѣлали бы Францїю еще опаснѣйщею для сосѣдей."

Первое отдѣленїе (Литтература) Вѣстника Европы было уже отпечатано, когда получены стихи Творца Россїяды. Не откладывая до другой книжки, спѣшимъ помѣстить ихъ здѣсь для удовольствїя почитателей знаменитаго Пѣснопѣвца.

VI.

Россїйскому воинству на побѣды въ началѣ 1807 года.

О вы, непобѣдимы войски!
Взложите вновь вѣнцы геройски,
Обвейте лаврами мечи;
Вы силы Гальскїя попрали,
Какъ солнце славой возсїяли,
Какъ звѣзды свѣтлыя въ ночи.

*

Уже Европа встрепетала;
О Бонапартѣ пролетала,
Какъ буря, страшная молва:
Онъ Царскіе разрушилъ троны,
На подданныхъ взложилъ короны,
Грозилъ попрать Орла и Льва.

*

Возстали Сѣверны Герои,
Которымъ отдыхъ — ратны бои,
Наслѣдіе — побѣды имъ;
Противу Галловъ ополчились,
Пришли, увидѣли, сразились,
Разсѣявъ ихъ полки, какъ дымъ.

*

Другимъ Аттиллой въ ратномъ полѣ,
Другимъ Тарквиномъ на престолѣ,
Рѣшился быть Наполеонъ;
Но будто бы Тифонъ громами,
Гонимъ Россійскими орлами,
Ушелъ, бѣжалъ, сокрылся онъ.

*

Куда ни кинетъ нынѣ взоры,
На грады, на поля, на горы,
Тамъ блѣдны тѣни возстаютъ
Побитыхъ имъ для тщетной славы;
Тамъ рѣки разліясь крованы,
Бѣги отъ насъ! возопіютъ.

*

Куда бѣжать Наполеону?
Въ Парижъ ли, къ похищенну трону?

Тамъ ненависть готовитъ ядъ.
Бѣжать къ предѣламъ за - Алпійскимъ?
Тамъ стонъ! — Нѣтъ, громомъ онъ Россійскимъ
Низринется, какъ Энцеладъ!

*

Но возсіявшихъ новой славой,
Какъ въ вѣкъ прошедшій подъ Полтавой,
Россіянъ въ наши дни почли; —
До днесь Герои неизвѣстны,
Какъ вѣтви, въ наши дни, древесны
Отъ корня предковъ процвѣли.

*

Цвѣтите, бодрствуйте, мужайтесь,
Съ Румянцовымъ въ поляхъ сравняйтесь,
Съ Суворовымъ числомъ побѣдъ!
Срѣтая въ лаврахъ Бенигсона,
Васъ милость ждетъ у Царска Трона,
Отечество съ вѣнцами ждетъ!

*

Здѣсь Геній торжества летаетъ,
Побѣдой Россовъ восхищаетъ,
И звуки раздаются лиръ;
Но царствамъ сладостный, полезный,
Для АЛЕКСАНДРА столь любезный,
Цвѣти здѣсь лучше вѣчный миръ!

М. Х.

КОНЕЦЪ XXXI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ, No. 1.

Стран.

I. *Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго.* - - - 3

II. *Плачь Минваны (изъ Оссіана).* 29

III. *О началѣ и успѣхахъ слова.* - 33

IV. *Истина и Басня.* - - 56

V. *Письма изъ Молдавіи.* - - 59

VI. *Извѣстія и замѣчанія.* - 72

ЯНВАРЬ, No. 2.

I. *Индѣйцы.* - - - 81

II. *Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго (Продолженіе).* - - 107

III. *Къ моимъ согражданамъ.* - 120

IV. *Эпиграммы.* - - 121

Стран.
V. *Новой Стихотворецъ и Древность.* 122
VI. *Новоложалованный.* - - 123
VII. *Пѣсня.* - - - —
VIII. *Новая книга.* - - 124
IX. *Россійскій Театръ.* - - 131
X. *Письма изъ Молдавіи.* - - 137
XI. *Извѣстія и замѣсанія.* - - 151

ФЕВРАЛЬ, No. 3.

I. *Смерть. Разговоръ первый. (Изъ Энгелева Свѣтскаго Философа.)* 161
II. *Орелъ и Жукъ.* - - 187
III. *Англійская промышленность.* 190
IV. *Англійскіе Анекдоты.* - 191
V. *Братство страдальцевъ любви.* 195
VI. *Смѣсь.* - - - 196
VII. *Примѣчанія на посланіе отъ Наполеона Бонапарте въ его хранительной сенатъ.* - 203
VIII. *Письма изъ Молдавіи. (Окончаніе.)* 225
IX. *Извѣстія и замѣчанія.* - 236

ФЕВРАЛЬ, No. 4.

I. *Смерть, Разговоръ вторый. (Изъ Энгелева Свѣтскаго Философа.) Окончаніе.* - - 241

Стран.

II. *Стихи на случай молебствія по прокстеніи Высочайшаго Манифеста Ноября 16 дня о войнѣ противъ Французовъ.* - 260

III. *Отрывокъ изъ Делилева Диѳирамба на безсмертіе души.* - 261

IV. *Соколъ и Голубка.* (*Басня.*) - 262

V. *Эпиграммы.* - - 263

VI. *Взглядъ на исторію пастушеской поэзіи новѣйшихъ временъ.* 264

VII. *Вечеръ.* - - - 278

VIII. *Амфиѳеатръ.* - - 282

IX. *Готической вкусъ.* - - 284

X. *О заграничныхъ модахъ.* (*Изъясненіе картинки.*) - - 287

XI. *Объявленіе Его Величества Короля Англійскаго.* - - 288

XII. *Переписка Министровъ.* - 296

XIII. *Отъ Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи, Станислава Сестренцевича - Богуша.* - 302

XIV. *Письмо къ Издателю, изъ Полтавы.* 309

XV. *Замѣчанія.* - - 312

XVI. *Россійскому воинству на побѣды въ началѣ 1807 года.* - 315

При семъ нумерѣ картинка.

Заграничныя моды.